

*По благословению
митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора*

*Российское Дворянское Собрание
Дворянское Собрание Кубани*

**«И Божья благодать сошла...»:
Романовы и Северный Кавказ**

**(К 140-летию со дня рождения
Государя Императора Николая II,
90-летию со дня трагического убийства Царской Семьи,
10-летию Дворянского Собрания Кубани)**

**Материалы
IV Международных Дворянских чтений
(11-12 октября 2008г.)**

Краснодар (Екатеринодар) 2008

ББК 63.3(235.7)
УДК 947.1/9(471.62)
И 13

Научный редактор:

кандидат исторических наук,
доцент кафедры дореволюционной отечественной истории
Кубанского государственного университета
Матвеев О.В.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
Боханов А.Н.
кандидат исторических наук
Шевченко Г.Н.

Редактор и составитель:

пресс-атташе Дворянского Собрания Кубани,
член Союза писателей Украины
Сухачёва Е.М.

ISBN 5-94932-011-5

И 13 **«И Божья благодать сошла...»: Романовы и Северный
Кавказ: Материалы IV Международных Дворянских чтений.**
Изд-во «Кубанькино». Краснодар, 2008. – 180 с.

ББК 63.3(235.7)
УДК 947.1/9(471.62)

ISBN 5-94932-011-5

© Дворянское Собрание Кубани, 2008

Раздел I.

Представители Династии Романовых в истории и культуре Северного Кавказа

Е.И. Иноземцева

Кавказское направление во внешней торгово-экономической политике Петра I

Систематические экономические контакты Москвы с народами Кавказа, как известно, начинаются со второй половины XVI в. Это тесно связано с динамикой международной ситуации в кавказско-переднеазиатском регионе, где в противоречивых взаимоотношениях и отталкиваниях сошлись интересы могущественных государств того времени – Османской империи, шахского Ирана и России.

Российское государство в начале XVIII в. в результате кардинальных социально-экономических, политических и культурных сдвигов уже имела все предпосылки превратиться в крупную и мощную державу. Тем не менее, оно все еще уступало передовым западно-европейским странам. Весь ход исторического развития подводил Россию к необходимости существенных преобразований в целях ликвидации ее экономической отсталости. И эта объективная необходимость нашла свое отражение в широких преобразовательных планах русских государственных деятелей и экономистов того периода.

Большое значение в деле укрепления экономической мощи страны русское правительство придавало развитию внутренней и внешней торговли. С целью усиления торговых связей с другими государствами предпринимались меры для поиска водных и сухопутных сообщений, заключались торговые соглашения. В свете этой политики огромное значение имело упорядочение и укрепление позиций России на Востоке, чему и служила торговля с прикаспийскими областями Ирана, Азербайджана и Дагестана.

Один из векторов сложного комплекса различных по характеру, но взаимосвязанных вопросов программы российской восточной политики – овладение стратегической инициативой для перемещения восточной торговли с Европой на Волжско-Каспийскую магистраль. Подлинное экономическое значение для России Волжско-Каспийский путь приобрел только в XVIII в., благодаря интенсивному развитию русского мореходства на Каспии, связанного с деятельностью Петра Великого, хорошо понимавшего значение и выгоду этой удобной торговой магистрали, по которой можно было направить всю восточную торговлю в Западную Европу через Россию, перехватив огромные доходы от шелкового транзита у Османской империи. Именно «на восточной торговле складывались крупные купеческие капиталы, которые впоследствии способствовали промышленному развитию России» [1. С. 296].

Торговля по этому пути велась с незапамятных времен, а ведущая роль в ней традиционно принадлежала деятельному армянскому купечеству, занимавшемуся посреднической торговлей в Прикаспии. Многие из его представителей, наладив тесные связи с местным купечеством, оседали в городах Ширвана и Дагестана.

Московская дипломатия последовательно и целенаправленно стремилась к утверждению своего влияния на народы Северо-Восточного Кавказа. Экономические же факторы в этом процессе играли весьма и весьма значительную роль, без уяснения которой трудно понять глубинные причины российской активности в регионе в целом, в Дагестане – в частности. Этот процесс был длителен, достаточно сложен и противоречив, но он был предопределен долговременными положительными перспективами, что в конце концов и привело к вовлечению Северо-Восточного Кавказа, в частности Дагестана, в хозяйственно-экономический ритм России [2. С. 55–59].

Дагестан являлся извечно зоной наиболее активных экономических и политических контактов между двумя евразийскими державами. Для Ирана он был воротами в Европу, для России – наибо-

лее удобной дорогой на Ближний и Средний Восток. Подавляющее большинство посольств и купеческих караванов, курсировавших между государствами, проходил через дагестанское побережье. В условиях почти полной внешней изоляции обоих государств, окруженных общими геополитическими соперниками, путь через Дагестан играл чрезвычайно значимую роль и безопасность этого пути являлась вопросом первоочередной важности и для Исфахана, и для Москвы. Гарантом же безопасности этого пути являлись прочные союзнические отношения русских царей и персидских шахов с дагестанскими феодалами, через владения которых пролегал прикаспийский торговый путь. Владетели Тарковского шамхальства, Кайтагского удмийства охраняли и персидские, и русские дипломатические миссии. Помимо этого они покровительствовали иностранным купцам, получая за это «рахтарные» подати за проезд по своей территории и различные экономические льготы для собственных торговых агентов в России и Иране.

В истории русской внешней торговли изучаемый период является временем большого стремления России к рынкам Востока. В результате торговые связи Москвы через Дагестан с государствами Прикаспия приобретают постоянный характер, отличаются большой интенсивностью и, несмотря на политическую нестабильность, играют в общем внешнем товарообороте первостепенную роль.

Особое значение и долговременные политические последствия имел торговый договор, заключенный еще в 1667 г. «между Россией и Армянской торговой компанией Нор-Джути (Новая Джульфа – *авт.*), согласно которому армянским купцам, подданным иранского шаха, даровалась не только привилегия свободной торговли в России, но и право транзита через Россию в Западную Европу» [3. С. 164].

Переговоры о ввозе шелка-сырца в Россию и его транзите в западные страны (Иран – Астрахань, Архангельск – «немецкие земли») велись давно. Важнейшая роль в осуществлении крупномасштабного товарооборота по этой международной торговой артерии отводилась деятельному армянскому купечеству, имевшему богатый коммерческий опыт и традиции. Предполагалось, что реализация этих планов не только принесет огромные доходы царской казне, но и нанесет крупные финансовые потери Османской империи, тем самым ослабит ее как перманентного противника России.

Учитывая значение и роль армянского купечества в развитии восточной торговли, правительство Петра I издало ряд указов, поощрявших торговавших в России и через Россию с Западной Евро-

пой армянских купцов. Покровительственная политика в отношении армянского купечества красноречиво иллюстрируется следующим указом Сената: «О торге в России армян и как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезде» [4. С. 199].

С 1712 года армянские купцы большими группами стали прибывать в Астрахань и Москву, а оттуда они отправлялись дальше на Запад. Они привозили главным образом шелк-сырец. По архивным данным за апрель 1712 года армянские купцы провезли через Астрахань около 2 тыс. 660 пудов шелка-сырца. В царскую таможенную поступило только с шелка-сырца 10 тыс. рублей таможенных и провозных сборов – сумма значительная даже в сравнении с общими таможенными поступлениями в Астрахань [5. Л. 154, 157].

Приводимые нами сохранившиеся сведения, конечно же, не иллюстрируют полную картину деятельности армянского купечества Астрахани, но делают ее достаточно заметной.

Второе место по величине и по значимости после Астрахани на Юге России принадлежало городу-крепости Терки. Построенный еще в XVI в. по просьбе грузинских и кабардинских князей, искавших у Русского государства защиты от Османской Турции, он располагался на скрещении путей, ведущих на Юг – в Дагестан, Персию и государства Закавказья, на Запад – к Черноморскому побережью, на Северо-Запад – к Азову и на Дон, на Северо-Восток – к Астрахани. Такое местоположение делало его не только военно-стратегическим пунктом Южной окраины Русского государства, важным центром политических связей с народами Северо-Восточного Кавказа, форпостом восточной политики России, но и крупным для своего времени торговым центром, где шла бойкая торговля между народами Северо-Восточного Кавказа, закавказскими, русскими и восточными купцами, а также крупным узлом транзитной торговли по Волжско-Каспийской коммерческой артерии. Здесь параллельно проходили два торговых пути, сходящихся в Астрахани: водный – по Каспийскому морю и сухопутный – степью вдоль западного побережья моря. Ведущая роль в этой торговле принадлежала армянским купцам, персидским подданным [6. С. 39–45].

К сожалению архивный фонд таможни Терского города не сохранился, до нас дошли лишь скудные свидетельства Астраханского архива, донесшие некоторые данные об отправке товаров из Астрахани в Терский город. В сохранившихся 51 выписи Астраханской приказной палаты 80-х гг. XVII в. пунктом назначения

товаров являлся Терки. Отправляли это товары честью астраханские купцы, среди которых подавляющее большинство было армянское купечество, частью терские жители: окочане (ауховцы – авт.), кабардинцы, кумыки, а также армяне, индусы, терские тезики.

То обстоятельство, что в Астрахани к изучаемому нами времени уже сложилась и добилась определенного расцвета значительная армянская диаспора, конечно же создавало благоприятные условия и для развития торговли в Терках: астраханское армянское купечество, обласканное российскими властями, не могло упустить из круга своих коммерческих интересов и Терский город. Тем более, что он был давно знаком армянскому купечеству, да и определенную часть его жителей со дня его основания составляли армянские торговцы, связавшие свои коммерческие интересы с Прикаспием и Северо-Восточным Кавказом. В подтверждение вышесказанного приведем имеющиеся в нашем распоряжении сохранившиеся данные Астраханской таможни за 1718–1726 гг., которые свидетельствуют, что из Астрахани в Терки было отправлено 44 партии товаров, из которых наибольший удельный вес приходился на армянское купечество, а именно: 19 партий товаров [7. Л. 23; Л. 12; Л. 22, 24].

Среди городов позднесредневекового Дагестана Дербент выделялся не только мощью своих фортификационных сооружений и военно-стратегической ролью, но и, что очень важно, особым экономическим значением. Это был крупнейший феодальный город Кавказа, значительный торгово-ремесленный центр, ставший главным посредником в международной торговле между Восточной Европой и Передней Азией. Роль торговли в формировании и развитии Дербента огромна, и если появлению и превращению его в важнейший опорный пункт Кавказа он обязан своему стратегическому положению, то в становлении Дербента как крупного феодального города и значительного торгово-экономического центра особую роль сыграл расцвет международной торговли по Прикаспийскому пути.

Как известно, древний Дербент играл огромную роль в обеспечении шелкового транзита из Персии в Россию, будучи на протяжении многих столетий крупным торговым центром, чему способствовали удачное географическое и геополитическое положение города и наличие морского порта. В изучаемый нами период роль Дербента как крупной перевалочной базы, посредника крупномасштабной транзитной торговли между Ираном и Россией и далее – Европой особенно возросла. Сюда стекались товары и из внутреннего Дагестана, Закавказья, Северо-Восточного Кавказа [8. С. 137].

Астрахань, ставшая «сосредоточением персидской торговли» на Каспии, вела ее главным образом через Дербент. Кроме собственно дербентских торговцев в городе, само собой разумеется, проживало большое количество представителей восточного купечества, среди которых значительный удельный вес приходился на армянских купцов-компанейщиков, о чем писал и И. Гербер [9. С. 86]. Многие здесь жили семьями, более или менее постоянно, наладив связи с местными купцами и населением.

С усилением интереса России к экономическим ресурсам государственных образований Прикаспия и Кавказа и, особенно, к торговле с ними, борьба между Персией и Турцией за торговые пути через Кавказ еще более обострилась. Это и обусловило исключительную активизацию политики правительства Петра I, взявшего курс на укрепление позиций России на Каспии и в Закавказье.

Следует считать справедливым мнение исследователей, признающих особенно важным именно экономический аспект Каспийского похода Петра I. Так, по мнению И.И. Голикова «польза торговли понудила его (Петра I – *авт.*) предпринять трудный поход в Персию, из коей богатейшая провинция, производящие весь персидский шелк, присовокупил к России» [10. С. 50]. Стремление правительства обеспечить русскую мануфактурную промышленность сырьем из прикаспийских областей Кавказа и присоединить важные для России в экономическом и геополитическом отношении прикаспийские провинции и являлось одной из основных причин Каспийского похода Петра I.

Важнейшая роль в осуществлении крупномасштабной транзитной торговли по Волжско-Каспийской международной торговой трассе отводилась деятельному армянскому купечеству, имевшему богатый коммерческий опыт и традиции. Петр I, предвидя выгоды, связанные с деятельностью армянского купечества и предпринимателей в России, возвел в ранг официальной государственной политики содействие и организацию массового переселения армян в зону российского влияния в Западном Прикаспии.

При этом, армянам-переселенцам были гарантированы многочисленные привилегии и льготы, а самое главное – гарантии безопасности. Так, в сентябре 1724 г. посланнику в Стамбуле А. Румянцеву было предписано уговорить армян переселиться в прикаспийские провинции, пообещав, что если они придут, то местные жители будут вывезены, а им – армянам будут отданы их земли [11. С. 67]. Делалось это в целях активизации экономической жизни

региона, дабы армянские купцы «к размножению коммерции с российскими купцами имели старание» [12. С. 253].

С переселенцами армянами российские власти связывали надежды на быстрый экономический подъем этого региона, развитие здесь новых отраслей хозяйства. В силу их христианской принадлежности, армяне рассматривались российскими властями как весьма важный пророссийский элемент. Учитывались также и их способности и навыки для применения в хозяйственном освоении края, чтобы эти земли «в полезное состояние привести». Массовое переселение армян в районы Прикаспия и на Терек стало важной составляющей кавказской политики России.

Петр I призывал к «возобновлению торгов» с Россией и тех армян, которые на тот момент еще оставались в Персии: «Понеже оное купечество от большей части от вашего народа отправлялось, и для того армяне, как те, которые в Персии обретаются, так и особливо те, которые в множественном числе в разных городах нашей империи живут и торг имеют, всеподданнейше просили, дабы с вами, армяны, в Персии обретающимися, оное купечество возобновить и узаконить, и мы по особливой к оному народу имеющей нашей Императорской милости сие объявляем, дабы они прежде имевшее свое купечество через те в нашей протекции обретающиеся города с нашей Империей возобновили...» [13. С. 161–162].

Армянская торговая буржуазия была также заинтересована в транзитной торговле через Россию с Западом, поэтому определенная ее часть стремилась переселиться в российские пределы.

Широко применяя свои связи в странах Востока и пользуясь покровительственной политикой правительства, армянское купечество сумело занять ведущие позиции в восточной торговле России через Прикаспий. Одновременно оно активно содействовало экономическому развитию региона, глубоко проникнув на внутренний рынок Северо-Восточного Кавказа.

Примечания

1. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). М., 1963.

2. Иноземцева Е.И. Дагестан в контексте восточной политики России во второй половине XVI–XVIII в. (Торгово-экономический аспект) // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике: история и современность. Махачкала, 2006.

3. История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980.

4. Цит.: *Ульяницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. Ч.1.

5. РГА ДА. Ф. 147. Л. 154, 157.

6. *Иноземцева Е.И.* Дагестан и Россия в XVIII в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.

7. ААО. Ф. 681. Оп. 6. Д. 7; Д. 14; Д. 25.

8. *Магомедов Н.А.* Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998.

9. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 // ИГЭД. С. 86.

10. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1790. Ч. 1.

11. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч.1.

12. Цит.: *Куканова Н.Г.* Русско-иранские торговые отношения // Исторические записки. М., 1956. Т. 57.

13. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 1.

Б.В. Виноградов

К оценке «федеративного проекта» Императора Павла I в контексте специфики русской политики на Кавказе

Стоит видимо признать, что кавказская политика России в известной степени зависела от тех высочайших предписаний, которые давались региональным российским властям. Важно осознавать при этом, что ни один российский самодержец, не являлся «кавказоведом», не имел, естественно, какого-либо опыта разрешения весьма специфических местных проблем как внутреннего, так и внешнего свойства. Вместе с тем, носители высшей власти бывали осведомлены о ситуации на Кавказе в той мере, какая была свойственна для соответствующих государственных служб. И вряд ли корректно упрекать российскую администрацию (как высшую, так и местную) в незнании традиционного уклада горцев, в его сознательном игнорировании, как то делает ряд современных кавказоведов вслед дореволюционному историку В. Кудашеву. Ведь, кроме прочего, знание российской стороны об особенностях жизни горских народов, постоянно нарастая со временем, намного превосходили знания последних о России.

В истории русско-кавказских взаимоотношений присутствуют яркие примеры, когда государи династии Романовых своей волей существенно видоизменяли политику России в регионе. Пожалуй, одним из наиболее рельефных тому подтверждений являются предписания по кавказскому вопросу Императора Павла I (1796-1801 гг.).

Как известно в историографии, Павла I довольно долго рассматривали как человека неуравновешенного и делавшего все наперекор своей матери Екатерине II. Корень подобных воззрений видится в том, что источником для историков являлись часто мемуары тех, кто так или иначе был причастен к заговору против Императора и его убийству. Последние десятилетия ознаменовались значительным пересмотром оценок политики Павла I, в том числе – на Кавказе.

Взойдя на престол в ноябре 1796 г., Павел I прервал проводимый по приказу Екатерины II «персидский поход» корпуса В.А. Зубова. Это решение Императора получило впоследствии негативную оцен-

ку в кавказоведческих трудах как дореволюционного, так и советского периодов [1]. Вместе с тем, ещё в конце XIX в. прозвучала оценка С. Жигарева, что «Император Павел I выразил желание в делах внешней политики России не следовать правилам своей родительницы, соображенных на взглядах «приобретений»...совершенно отказался от всякого желания завоевания» [2]. Даже если принять во внимание определенную упрощенность оценки характера внешней политики Екатерины II, здесь проступает видение концептуальности внешнеполитического курса Павла I, несводимости его к пресловутой «неуравновешенности» Императора.

Свой взгляд на кавказскую политику России Павел I изложил в рескриптах генералу И.В. Гудовичу в январе и марте 1797 г. В них, в частности, предписывалось горские народы «удерживать в кротости и повиновении ласкою», содержать в зависимости тарковского шамхала, дербенского и бакинского ханов. Предполагалась перспектива мирного урегулирования взаимоотношений с Ираном и Турцией [3].

Из положений данных рескриптов вскоре Павлом I сформулирована идея создания из пророссийски настроенных владетелей Восточного Кавказа «федеративное государство, зависящее от Российского Императора яко верховного Государя». Данный проект предполагал сокращение российского военного присутствия в регионе, так как объединенные в «федерацию» владетели должны были сами постоять за себя в случае внешних угроз. Показательно, что в составе замышляемой федерации Павел I видел и Восточную Грузию (Картли-Кახетинское царство), находившееся под российским протекторатом с 1783 года.

Кавказский «федеративный проект» Императора Павла I интересен во многих отношениях. Прежде всего, он опровергает до сих пор расхожие суждения о том, что Россия любой ценой старалась расширить свое военное присутствие на Кавказе, используя для этого всевозможные предлоги. Затем, бросается в глаза то, что никакого федерализма собственно в Российской империи не было ни в конце XVIII в., ни вообще, а значит, Император Павел осознавал разницу между статусом своих кавказских «подданных» и населения собственно России. Он даже считал первых «более вассалами, чем подданными», в чем просматривался своеобразный реализм – ведь закрепленное присягами «подданство» горских народов и владетелей было более чем специфичным как в контексте уровня стадийного развития северокавказских сообществ, так и исходя из

внешнеполитических обстоятельств борьбы России, Турции и Ирана за Кавказ. Впрочем, обеспечить режим «вассального служения» горских владетелей России было весьма проблематичным, как при Павле I, так и до, и после него. И, как и предоставляется, данная проблематичность упиралась опять-таки в тот самый уровень стадийного развития горцев, который лишь при наличии большого желания можно назвать государственным.

Свое «вассальное» видение горских народов Павел I попытался обеспечить конкретным содержанием. Так, приставами к горским народам было повелено назначать «надобных людей из коллегии иностранных дел» [4]. Правда, вскорости время покажет, что чиновники коллегии, не имевшие опыта службы на Кавказе, столкнутся с теми ситуациями, которые не разрешались посредством привычной им дипломатии.

Весьма показательный Павловский «федеративный проект» был по сути проектом мирного интегрирования ряда «владений» Восточного Кавказа в орбиту политического влияния Российской империи. Это само по себе — свидетельство того, что российские власти находились в поиске невоенных путей урегулирования обстановки в регионе, и поиск этот не ограничивался лишь временем царствования Павла I [5]. Вместе с тем, план федерализации Восточного Кавказа содержал ряд утопичных черт. Во-первых, предполагаемые к «федерализации» владетели находились зачастую в состоянии междоусобиц. Во-вторых, уровень стадийного развития «субъектов федерации» был неодинаков, что предельно осложняло перспективы самого существования федерации. В-третьих, объединение в федерацию и владетелей Северо-Восточного Кавказа, и Восточной Грузии предельно затруднялось спецификой их взаимоотношений, ведь известно, что набеги дагестанских феодалов и «вольных обществ» стали в то время бедствием для Картли-Кახетии. И, наконец, внешнеполитические обстоятельства тоже не способствовали федеративному проекту. Если с Османской империей на рубеже 1798-1799 гг. России удалось заключить «союзный и оборонительный договор», то иранская угроза Восточному Кавказу сохранилась, надежды Павла I на мирное увещание персидских владык оказались, к сожалению, несбыточными. Таким образом, и возможности совместной, силами членов федерации, обороны от внешних вторжений оказывались под вопросом [6].

К 1799 году Император Павел перестал рассматривать Картли-Кახетинское царство в качестве составной части будущей федера-

ции, склоняясь, вопреки своему изначальному нежеланию, к присоединению Восточной Грузии, согласно просьбам грузинской стороны и жизненным интересам грузинского народа. Присоединение Восточной Грузии к России свершилось в начале 1801 года, однако гибель Императора Павла приведет к вторичному рассмотрению данного вопроса в сентябре 1801 г. [7].

Ясная с 1799 г. перспектива присоединения к России Картли-Кахетии обозначала и другую немаловажную перспективу: северокавказские народы должны были вскоре оказаться уже «в тылу» Российской империи. Следовательно, некоторые проявления их традиционного уклада (прежде всего — набеговая экспансия) все меньше устраивали российские власти. Между тем, в течение довольно длительной процедуры присоединения Восточной Грузии отношение Павла I к горцам не изменилось, и на каждую «репрессалию» командующие на Кавказской линии, как правило, испрашивали Высочайшего разрешения. 1799-1801 годы хранят примеры дипломатического разрешения российской стороной тех конфликтных ситуаций с горцами, которые были обусловлены традиционным укладом последних, а также процессом исламизации [8]. В то же время, и местная российская администрация, и высшие власти понимали, что неприменение силы вообще приведет к разрастанию набегов, еще большему осложнению ситуации в регионе.

Федерализация владетелей Восточного Кавказа была формально воплощена Георгиевским договором 1802 г., уже во время правления Александра I. Приведенные выше черты утопичности проекта не дали ему сыграть стабилизирующую роль в местной обстановке. Тем не менее, идея Павла I о федерализации Восточного Кавказа остается ценнейшим свидетельством того, что политика России по отношению к горским народам совершенно не сводима к «колониальной экспансии», геноциду и т.п. Показательно и то, что план федерализации — не единственный интеграционный проект, выдвинутый именно высшей властью России.

Примечания

1. См., например: *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т.3. — СПб, 1886. — С.204; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). — М., 1888. — С.15.

2. *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе. — М., 1896. — С.243.

3. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. — Ч.3. — СПб, 1869. — С.298; *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. — С.199.

4. *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т.3. — С.203.

5. *Виноградов Б.В.* Из опыта интегрирования северокавказских горцев в российскую государственную систему в конце XVIII — начале XIX в. // Научная мысль Кавказа. — Ростов/н Д., 2005. — №2. С.56-60.

6. См. подробнее: *Виноградов Б.В.* Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. — Славянск-на-Кубани, 2005. — С.189-249.

7. *Виноградов Б.В.* Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999. — С. 63-91.

8. АКАК. — Тифлис, 1866. — Т.1. — С.715-716; *Виноградов Б.В.* Специфика российской политики... — С.222-224, 230-249.

Северный Кавказ в царствование Императора Николая I (военно-политический аспект)

Среди нелегких проблем, выпавших на царствование Императора Николая I, пожалуй, одной из наиболее сложных было решение задачи по умиротворению Северного Кавказа. Вся первая половина XIX столетия была ознаменована структурным кризисом, поразившим русско-северокавказские отношения, что было связано с целым комплексом внутри и внешнеполитических факторов. Закономерная экспансия империи на Юг, обусловленная жизненной необходимостью обеспечить безопасность своих рубежей, столкнулась с экспансией горских обществ, вызванной стадийными причинами их развития и вылившейся в агрессивную набеговую практику. Этот процесс осложнялся вмешательством иностранных государств, которые в свою очередь стремились к доминированию в регионе и активно поддерживали конфронтацию между российской властью и северокавказскими народами. Не удивительно, что в такой ситуации Николай I так и не смог добиться поставленной цели. Но те заделы своей северокавказской политики, которые он оставил преемнику, в конечном итоге дали возможность не только сохранить край в составе Российской империи, но постепенно вывели ситуацию из тупика, обеспечили в целом лояльную позицию местных народов по отношению к многонациональному государству [1].

Следует отметить, что и в царствование Александра I на южной окраине империи ситуация складывалась далеко не однозначно. Достиженные военно-политические успехи вместе с тем не давали ожидаемых результатов. Энергичные действия А.П. Ермолова по блокаде «немирных» горцев привели к консолидации их усилий в борьбе с империей [2]. Последствия этого выпало решать уже Николаю I. В его царствование силовые акции нередко становились главным и единственно возможным в той ситуации аргументом в борьбе против ставших на путь газавата сторонников мюридизма [3].

После побед над Персией и Османской империей в очередной раз возникает иллюзия столь же быстрой победы над «немирными» кавказскими племенами. За основу был взят проект И.Ф. Паскевича, предлагавшего путем широкомасштабного вторжения в горы

отрезать их обитателей от равнин и вынудить признать власть царизма. В отличие от ермоловского принципа постепенности этот план был рассчитан на одну кампанию и не учитывал тех серьезных изменений, которые произошли в недрах горских обществ и были связаны с распространением воинственного мюридизма на Северо-Восточном Кавказе. Что касается Северо-Западного Кавказа, то здесь генерал-фельдмаршал не принял во внимание опыт Турции, безуспешно пытавшейся подчинить себе многочисленные и воинственные черкесские племена живущих в труднодоступной местности и в любой момент имевших возможность уклониться от борьбы с превосходящими силами противника. Как следствие, воплощение в жизнь замысла И.Ф. Паскевича оказалось безрезультатным и, отозванный с Кавказа, он потребовал придерживаться исключительно оборонительной тактики, считая, что она является лучшим выходом из сложившейся ситуации.

Признанным авторитетом в оценке кавказских реалий был генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, сподвижник А.П. Ермолова. Он настаивал на организации новых казачьих станиц в местах, которые горцы использовали для разведения своих коней. Таким образом, решались сразу две задачи, «набежчики» теряли мобильность, а Линия получала новых защитников, в значительной степени содержащих самих себя. Строительство обычных укреплений такого результата дать не могло и с экономической точки зрения было разорительно для государства. Резко высказывался генерал против попытки запретить «репрессалии», небезосновательно считая, что это активизирует горские набеги, т.к. исчезнет страх ответного возмездия. При этом он указывал на тщетность достичь успеха в «умиротворении» края, если рассчитывать только на отдельные разрозненные, пусть даже многочисленные экспедиции. Настаивал генерал и на усилении контроля за Черноморским побережьем, чтобы пресечь не прекращавшуюся контрабандную торговлю, несущую вред российским интересам в крае.

В целом, следует признать предложения А.А. Вельяминова наиболее обоснованными с военной точки зрения, но они требовали куда больших затрат, нежели предполагал сам разработчик [4].

Северо-Восточный Кавказ являлся наиболее значимым «очагом» т.н. Кавказской войны. Именно здесь пустило корни воинственное идеологическое течение ислама – мюридизм, которое вывело набеговую систему горцев на качественно новый уровень. Здесь происходили наиболее кровавые сражения между царскими войсками и «немирными» племенами.

Во время войны с Персией российскому командованию удалось сохранить относительное спокойствие в крае. И.Ф. Паскевич настаивал на мирном разрешении возникающих конфликтов, закрывая глаза на отдельные случаи «хищничества». Но наступившее затишье было обманчивым, т.к. в горах все шире разворачивал свою пропаганду Кази-мулла. Взрыв произошел в 1830 г. и охватил горные районы Дагестана и Чечни. В Кази-мулле российская власть увидела опасного соперника, претендовавшего на влияние в регионе, и попыталась устранить его с помощью армии. Показательно, что действительных шагов в сторону попытки договориться с ним не предпринималось. Для борьбы с имамом перебрасывались дополнительные силы, но он, искусно уклоняясь от сражений, наносил все новые неожиданные удары. Ему удалось держать в блокаде крепость Бурную, Внезапную, разграбить Кизляр и осадить Дербент. Его успехи, приукрашенные молвой, привлекали под знамена мюридизма все новых участников. В конечном итоге Кази-мулла окружили в ауле Гимры, где он в ходе кровопролитного боя был убит. Но это не привело к желанному успокоению и прекращению мюридизма. Новым имамом стал Гамзат-бек, продолживший дело своего предшественника. Он начал подчинять себе различные горские общества, но был убит кровниками, отомстившими за истребление аварского ханского дома. Ситуация вокруг Гамзат-бека в контексте российской политике любопытна тем, что на этот раз власть не спешила расправиться со своим новым противником, а заняла выжидательную позицию. Да и сам новоявленный имам не торопился идти на обострение, помня печальную участь своего предшественника.

Подобная практика некоторое время сохранялась, и когда на смену Гамзат-беку пришел Шамиль. Но, очень скоро убедившись, что этот горский предводитель по своим качествам существенно превосходит своих предтеч, царская администрация делает очередную корректировку в своей политике. От стороннего наблюдения она начинает искать возможность договориться с имамом, привлечь его на свою сторону. В период 1835 и 1836 гг. активных военных столкновений на Северо-Восточном Кавказе не происходило, а российская власть вела переписку с Шамилем как с авторитетным, но все же, по мнению царских генералов, неравным партнером. Однако растущие амбиции имама, его активность и неуступчивость стали причиной новой попытки с помощью военной силы устранить эту неудобную фигуру. Но поход генерал-майора Фезе 1837 г., предпринятый с этой целью, оказался неудачным. Шамиль

сохранил свою власть, хотя и выдал аманатов. Он подтвердил свою дееспособность как влиятельного владыки, умеющего объединять вокруг себя часть горских народов, а потому с ним в очередной раз попытались договориться. Успехом эти усилия не увенчались. Надежда на встречу Шамиля с Николаем I не оправдалась, т.к. имам не принял этого предложения. И вновь, как это было прежде, решили закончить противоборство одним ударом. Резиденция Шамиля в ауле Ахульго в 1839 г. была окружена и взята после долгой осады. Но сам имам сумел ускользнуть. Расчеты на то, что его авторитет подорван этим поражением, не оправдались. Непродуманные шаги, направленные на административное обустройство Чечни, привели к восстанию местных жителей, и они вновь призвали Шамиля возглавить их борьбу.

Таким образом, на протяжении конца 20-х – 30-е гг. XIX в. мы видим существенную трансформацию в российской политике на Северо-Восточном Кавказе. От попытки исключительно силового решения проблемы (устранение Кази-муллы) произошел переход к выжидательной позиции (по отношению к Гамзат-беку), а затем появляется стремление договориться с горским лидером в лице Шамиля, и, лишь осознав невозможность сделать это, убрать его силами армии [5].

Вновь активизировавшийся Шамиль на этот раз сделал своей резиденцией ичкерийское селение Дарго, откуда начал проводить организованные набеги на равнины. Избегая открытых столкновений с российскими войсками, он преуспел в своей тактике изматывания неприятеля непрерывными нападениями. К имаму вслед за чеченцами вновь потянулись и дагестанцы. Новых союзников горский предводитель вербовал, где уговорами, где угрозами, а где и насилем. Шамиль постепенно создавал эффективное теократическое образование, с помощью которого можно было решать амбициозные военно-политические задачи.

Между тем российское командование по-прежнему находилось под впечатлением громкой победы под Ахульго. На первый взгляд ничего существенного не произошло. Формально посланный «умиротворять» Чечню генерал А.В. Галафеев нанес непокорным чеченцам поражение, в очередной раз заставив их бросить свои аулы и искать спасение в лесах. Вторжение самого Шамиля в шамхальство Тарковское было отражено. Но могущество имама эти тактические неудачи поколебать уже не могли. Скомпрометировавшая себя российская администрация в глазах немалой части горского

населения выглядела чуждой и враждебной, а потому Шамиль, выступавший в качестве привлекательной альтернативы, мог рассчитывать на рекрутирование все новых сторонников. Рано или поздно это должно было привести к принципиальному изменению ситуации в пользу последователей мюридизма.

Весной 1842 г. разгорается упорная борьба за Казикумухское ханство. И хотя его удалось отстоять, но два неудачных похода, затеянных П.Х. Граббе в мае-июле, фактически означали, что Шамиль сумел найти уязвимое место в тактике своих соперников, и отныне прежние методы борьбы с горцами обречены на неудачу.

От обороны мюриды переходят к систематическому и планомерному наступлению. Это были уже не прежние набеги за добычей, а акции, имеющие далеко идущие политические цели. Под ударами превосходящих сил неприятеля в 1843 г. пало Унцукульское укрепление, остаток гарнизона которого сложил оружие. В неравной схватке polegли защитники Гергебиля. Русские войска лишились всех небольших крепостей в Аварии. К концу года под контролем царской армии оставался только Хунзах, но и его пришлось оставить и с боем прорываться к Темир-Хан-Шуре. Таким образом, российская администрация сохранила за собой лишь часть равнинной Чечни, Приморский Дагестан, и небольшие укрепления по рекам Сулак и Казикумухское Койсу [6].

Еще не осознавая всей драматичности ситуации, сложившейся в регионе, Николай I вместо усиления Кавказского корпуса решил в очередной раз произвести кадровую перестановку и назначил его командиром А.И. Нейдгардта. Он посчитал, что разногласия между Е.А. Головиным и П.Х. Граббе явились причиной последних неудач. Вскоре Император дает распоряжение прислать в Дагестан дополнительные силы в надежде, что удастся решительным ударом не только вернуть потерянные территории, но и сокрушить власть Шамиля. Осторожный А.И. Нейдгардт, помня уроки, полученные П.Х. Граббе от горцев, разделил свои силы на пять отрядов и попытался вытеснить Шамиля из Аварии. Но тот, искусно маневрируя, сумел избежать невыгодного для себя «генерального» сражения и российские войска ни с чем вернулись на свои базы [7]. Из Петербурга провал кампании 1844 г. казался следствием чрезмерной осторожности А.И. Нейдгардта, а потому ему на смену был прислан М.С. Воронцов, способный администратор и достаточно опытный военный. Пользуясь доверием Императора, он должен был стать тем «крис-менеджером», который не только выполнял директивы из цен-

тра, но и самостоятельно формировал политику России на ее северокавказской окраине [8]. Осознание важности последнего пришло к Николаю I не сразу, и дебют графа на Кавказе оказался неудачным. Кровавая драма неудачной даргинской экспедиции окончательно заставила отказаться от порочной практики эпизодических репрессалий [9]. Ей на смену пришла опробованная А.П. Ермоловым тактика постепенного стеснения неприятеля крепостями, связанными надежными коммуникациями, и широкое внедрение горского способа ведения войны в виде стремительных набегов силами мобильных отрядов. Признанными мастерами последних стали генерал Н.П.Слепцов [10], Я.П. Бакланов [11] и др.

Борьба за захват инициативы носила затяжной, изнурительный характер. Достигший пика своего могущества Шамиль весной 1846 г. осуществил вторжение в Осетию и Кабарду. Под угрозой оказалась имеющая стратегическое значение Военно-Грузинская дорога. В случае успеха имама он мог соединиться с благожелательно настроенными к нему племенами Закубанья. Благодаря энергичным действиям российского командования этот план был сорван, и Шамиль, ограничившись захватом богатой добычи, отступил. Удалось предотвратить и захват Шамилем округа Акуша-Дарго и не позволить ему отрезать друг от друга русские войска в Северном и Южном Дагестане. В то же время неудачей закончилась осада селения Гергебиль, предпринятая М.С. Воронцовым летом 1847 г. Горцы в очередной раз показали, что за последнее время многому научились, и взятие их аулов требует самой серьезной подготовки. Поэтому при захвате селения Салты русский Наместник уже не пренебрегал всеми правилами военно-инженерной науки и после осады длившейся с конца июля по середину сентября, и последовавшего в финале кровопролитного штурма взял этот оплот мюридов. Летом следующего года удалось занять и Гергебиль. В свою очередь Шамиль попытался захватить российское укрепление у селения Ахты, но был отброшен, и вернулся в свою столицу Дарго-Ведено.

С весны 1849 г. противники непрестанно атаковали друг друга, одерживая победы и терпя неудачи. Российским войскам под командованием генерала М.З. Аргутинского-Долгорукова так и не удалось занять аул Чох, обороной которого руководил сам Шамиль, а наибы имама в целом не сумели преуспеть в своих набегах на Закавказье. Казалось, что ситуация остается неизменной. Но вместе с тем, очевидным видится тот факт, что большинство задуманных мюридами крупных походов заканчивались провалом, а в целом

эффективная оборона рубежей имамата стоила горцам немалых жертв, но при этом не приносила экономической выгоды.

Верно определив уязвимое место своего противника, М.С. Воронцов продолжал настойчиво расшатывать фундамент могущества Шамиля. Зимой 1849-1850 гг. русские войска прорубили просеку в Шалинскую долину, считавшуюся житницей Большой Чечни. До этого под топором солдат легли деревья Гойтинского и Гехинского лесов. Внешне не столь эффектные, как борьба за укрепленные аулы, эти действия, с точки зрения военно-политической целесообразности, были куда более полезны. Местное население, переселявшееся под контроль российских крепостей, получало от русской администрации продовольствие и деньги на обустройство, и это нередко действовало на его умы гораздо эффективнее, чем пушки и штыки. И хотя каждый раз российские войска не обходились без потерь, становилось все очевиднее, что горцы выдыхаются от этой тактики гораздо быстрее «кяфиров». Примечательным событием стал визит в Чечню в 1850 г. Наследника престола Цесаревича Александра Николаевича, который мог лично ознакомиться с ключевым для всей кампании краем.

Постепенно кризисные явления все явственнее проступали во всех сферах жизни имамата. Большинство горцев устало от войны, и даже среди мюридской элиты находились те, кто не желал больше служить своему свирепому владыке [12]. На сторону русских переходили такие знаковые фигуры из окружения Шамиля, как легендарный Хаджи-Мурат, Бота Хамурзов и др. Последний стал верным советником и консультантом А.И. Барятинского, оказывая ему неоценимую помощь при планировании и проведении боевых походов в Чечне. Сам А.И. Барятинский, сделавшись начальником Левого фланга Кавказской линии, придерживался тактики непрерывных наступательных действий без сезонных перерывов. Его энергичные действия против чеченцев не ограничивались только репрессалиями и переселениями. По инициативе А.И. Барятинского началось их административное обустройство, в 1852 г. учрежден «народный суд» – мехкеме, который являлся удачным симбиозом российской судебной практики и горских обычаев [13].

Все явственнее приближающийся крах имамата несколько отстрочила начавшаяся Крымская война. Российский Император дальновидно не поддавался на уговоры покинуть столь тяжело доставшиеся его армии позиции в Дагестане [14]. И хотя царское командование вынуждено было свернуть свою активность на Линии,

а Шамилю удалось совершить удачное вторжение в Кахетию в 1854 г., общей ситуации это изменить не могло. Напавшие на Грузию горцы ограничились лишь захватом добычи, и их нападение не имело ни военно-стратегических, ни политических последствий. Со смертью Николая I общая линия российской власти на Кавказе не претерпела существенных изменений, и окончательное падение владычества Шамиля оставалось делом ближайших лет.

Ситуация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в рассматриваемый период также оставалась далеко не спокойной и имела свою специфику. Важнейшей задачей российского командования являлось установление контроля над горной Ингушетией и Осетией, т.к. по этой территории проходила стратегическая коммуникация, связывавшая Закавказье с остальной империей – Военно-Грузинская дорога. Для решения этой задачи в 1830 г. были организованы военные экспедиции под командованием генерал-майора Ренненкампа и генерал-майора Абхазова, в результате которых осетины и ингуши подчинились российской администрации и стали привлекаться для обслуживания горной магистрали. Ускорился процесс переселения местных племен на равнину.

Чтобы пресечь нежелательные связи племен Западного и Восточного Кавказа осенью 1828 г. Г.А. Емануэль совершил поход против карачаевцев, закончившийся «замирением» этого народа. В дальнейшем карачаевцы воздерживались от участия в «Кавказской войне», т.к. мирные отношения с российской властью были гораздо выгоднее для них, нежели конфронтация.

Немало сил затрачивалось в противоборстве с закубанцами, не раз совершавшими серьезные прорывы в глубь российской территории. Борьба с ними затруднялась тем, что до Адрианопольского мира 1829 г. закубанцы считались подданными турецкого султана и не раз получали от него помощь. Но и после того, как Северо-Западный Кавказ стал формально принадлежать Российской империи, накал борьбы не спадал. Далеко не случайно, что именно здесь раньше всего вернулись к ермоловской тактике, оправдавшей себя на Сунже и в Кабарде. Г.Х. Засс, обративший против горцев их же практику набеговой войны, стал инициатором переноса укреплений с Кубани на Лабу, которая позволила создать предпосылки для дальнейшего прочного закрепления этих территорий за Россией.

Для пресечения связей причерноморских племен с другими державами, прежде всего Турцией, являвшейся главным импортером рабов, поступавших с Кавказа, и таким образом стимулировавшей

набеговую практику, а также поставлявшей порох и оружие местным народам, России пришлось возводить на восточном берегу Черного моря целую серию крепостей, которые вместе с флотом должны были прикрыть южные рубежи государства. Подобный шаг имел и важное политическое значение. Россия, таким образом, утверждала свое присутствие в регионе, показывала, что способна контролировать новые, расширившиеся границы. Это была сложная задача, потребовавшая значительных усилий. Первоначально блокада побережья проводилась преимущественно средствами флота, но добиться необходимого результата не удавалось. И тогда начинается строительство укреплений, гарнизоны которых должны были участвовать в патрулировании суши. Возведение этих фортификационных сооружений производилось как отрядами, действующими со стороны Кубани, так и с моря, силами морских десантов.

Но, как показала практика, возвести укрепления было легче, чем удержать их. Тяжелый, непривычный климат, скудная, однообразная пища стали причиной высокой смертности среди гарнизонов. Горцы непрестанно тревожили их своими нападениями. Добиться полного прекращения контрабандной торговли так и не удалось, хотя ее масштабы и сократились. Многообещающим оказался опыт использования укреплений в качестве центров торговли с местными племенами. Падение нескольких крепостей в 1840 г. показало уязвимость установленной блокады, но одновременно свидетельствовало, что укрепления действительно служили препятствием для турецких купцов. Однако бесконфликтно занять освобождавшуюся от зарубежных конкурентов нишу российская администрация не сумела, а потому конфронтация с оказавшимися на грани голода горами только усилилась.

Безусловно, строительство укреплений само по себе не могло привести к «замирению» беспокойных горцев, но, являясь частью системы военных, экономических, дипломатических мер, оно приближало завершение т.н. Кавказской войны и способствовало стабилизации на Северо-Западном Кавказе.

Главным внешнеполитическим соперником России на Кавказе с 30-х годов XIX века стала Англия. Не сумев справиться с «русской угрозой» руками турок и персов, англичане начинают активно использовать собственную агентуру в борьбе против российской власти в регионе (преимущественно на Северо-Западном Кавказе). Интерес Британии к Кавказу объяснялся ее экспансионистскими устремлениями на Востоке и прикрывался заявлениями о необхо-

димости защищать Индию, на которую якобы покушалась Российская империя.

Своей антироссийской деятельностью выделялся Д. Уркарт, сумевший спровоцировать выступление ряда черкесских племен против России. Он всячески стремился дискредитировать действия царской администрации на Кавказе, призывал не признавать условия Адрианопольского мира 1829 г. Будучи секретарем британского посла в Константинополе, он стал одним из главных инициаторов в организации провокации с отправлением к кавказским берегам шхуны «Виксен» с контрабандным товаром. Разразившийся в связи с этим скандал можно считать наиболее значимым российско-британским конфликтом вплоть до Крымской войны. Помимо Уркарта, на Кавказе действовали Спенсер, Белл, Лонгворт и ряд других подданных Великобритании. Англичане всячески стремились придать «черкесскому вопросу» международный статус, для чего создавали т.н. черкесское правительство, участвовали в подготовке «Декларации независимости Черкесии». Даже уступки России в отношении черноморских проливов на Лондонских конференциях 1840 и 1841 гг. не привели к пересмотру британскими правительственными кругами своих взглядов по кавказской проблеме. Англичане лишь начали действовать более изоциренно, организуя и используя в регионе русофобски настроенных польских националистов [15].

Заметное влияние на племена Северо-Западного Кавказа оказывала деятельность эмиссаров, присылаемых Шамилем. Они стремились консолидировать закубанцев в их борьбе против России. Но усилия Хаджи-Магомета, Сулеймана-эфенди и Мухаммеда Эммина все же не смогли создать государственное образование, равноценное имамату, что, впрочем, не делало борьбу с ними более легкой. Например, только в 1849 г. черкесы произвели 101 нападение на Кавказскую Линию. Они не имели столь заметных результатов, как победы Шамиля на Северо-Востоке, но держали Линию в непрестанном напряжении. Чтобы предотвращать вторжения «хищников», российское командование в свою очередь широко применяло превентивные удары. В 1852 г. против «немирных» горских аулов на реках Ходзя, Губс успешно действовал генерал Н.И. Евдокимов. Практиковалась оправдавшая себя практика переселения горцев поближе к российским военным укреплениям. Не чуралась российская администрация и переговоров с наиболее влиятельными горскими фамилиями [16]. Но добиться

перелома не удавалось ни одной из сторон. В 1853 г. Мухаммед Эммин попытался прорваться в Карачай. Хотя эта акция закончилась для горского предводителя провалом, влияние его среди закубанцев не только не уменьшилось, но даже возросло. Показательно, что к началу Крымской войны набеги на русские пределы достигли необычайного размаха. Но эти набеги носили преимущественно промысловый характер, и даже то затруднительное положение, в котором оказалась российская власть в годы тяжелейшего противостояния с ведущими европейскими державами и турками, не заставили горцев изменить привычному укладу. В перспективе это неминуемо должно было привести к крушению антироссийского сопротивления, которому нечего было противопоставить возрастающей эффективности военно-политической, экономической и культурной экспансии империи [17].

Таким образом, в период царствования Николая I российская государственность сумела выработать верную военно-политическую линию во взаимоотношениях с населением Северного Кавказа. Учитывая, что избежать военной составляющей в проводимом на Северном Кавказе политическом курсе было невозможно, следует признать, что он был сведен к разумному минимуму. Отказавшись от эпизодических акций и стремления навязать противнику генеральное сражение, перейдя к систематическим «осадным» шагам российское командование выработало оптимальную модель своих действий в регионе. Все это позволяло расширить экономические, культурные и т.п. мирные способы влияния на местное население. Именно последние в конечном итоге стали главными факторами, обеспечившими органичную адаптацию северокавказской окраины России в общеимперский организм.

Примечания

1. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006. – С.8-25.
2. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Ессентуки, 1999.
3. Высокочков Л.В. Николай I. – М., 2006. – С.294-316.
4. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.) / Под ред. В.Б. Виноградова – С.310-345.
5. Там же. – С.362-428.

6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С.371-382.
7. Багддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М., 2007. – С.272-276.
8. Удовик В.А. Воронцов. – М., 2004. – С.234.
9. Даргинская экспедиция 1845 г. – СПб., 2001; Клычников Ю.Ю. Даргинская экспедиция 1845 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир, 2003. – Вып.2. – С.184-191.
10. Виноградов В.Б. Н.П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». – Армавир, 2000.
11. Потто В.А. Яков Петрович Бакланов. Биографический очерк. – СПб., 1885.
12. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М., 2003. – С.62.
13. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004. – С.525-571.
14. Зайончковский А.М. Восточная война, 1853-1856. В 2 т. Т. II, в 2 ч. Ч.2. – СПб., 2002. – С.439.
15. Клычников Ю.Ю. Российская политика... – С.101-127, 429-489.
16. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – М., 2004. – С.340-341.
17. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С.490-512, 553-555.

О.В. Матвеев

**«Почитаю себя счастливым,
что поставлен во главе Кавказской армии...» :
Великий князь Михаил Николаевич
на завершающем этапе Кавказской войны**

Выдающийся отечественный кавказовед В.В. Дегоев справедливо заметил, что увлечение проблемами общественного строя, военными сражениями, массовыми переселениями людей и влиянием на них религиозных систем привело к «обезлюживанию», явной «деперсонификации» богатой на личности истории Кавказской войны. Десятилетиями культивировалась традиция «рисовать портреты деятелей Кавказской войны лишь двумя красками – черной и белой. А возможности такой «живописи» крайне скудны. Вдобавок они еще больше обедняются необходимостью принимать во внимание такую ранимую область массового сознания, как национальные чувства» [1].

Показательно в этом контексте отношение к имени главнокомандующего Кавказской армией на завершающем этапе войны Великого князя Михаила Николаевича (1832–1909). Если дореволюционная историография о нём носит сугубо апологетический характер [2], то современные авторы порой помещают имя этого кавказского наместника в специальный список «палачей адыгского народа» [3]. Создается впечатление, что традиционные подходы к событиям Кавказской войны в условиях «войны историографий» [4] не всегда работают на установление истины. В данной статье предпринята попытка разобраться в роли великого князя в событиях 1863–1864 г. на Северо-Западном Кавказе, применяя методы антропологического и историко-психологического анализа.

Михаил Николаевич был назначен Наместником Кавказским и главноначальствующим Кавказской армии 6 декабря 1862 г. К этому времени четвертому (младшему) сыну Императора Николая I едва исполнилось 30 лет, он имел чин генерала-от-артиллерии. За всю свою жизнь Михаил Николаевич не участвовал, а только присутствовал еще молодым в одном-единственном сражении под Инкерманом, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Некоторый военно-административный опыт он получил, испол-

няя обязанности генерал-фельдцейхмейстера – командующего всей русской артиллерией. Время пребывания Михаила Николаевича на этом посту совпало с периодом коренных реформ в русской артиллерии, вызванных, прежде всего, переходом от гладкоствольного к нарезному вооружению. В ходе этих преобразований оборудовались новые артиллерийские полигоны, создан специальный артиллерийский комитет, было организовано обучение артиллеристов на всех уровнях. Кроме того, с февраля 1860 г. Великий князь Михаил Николаевич возглавлял военно-учебные заведения империи.

На плечи «главноначальствующего» на Кавказе всегда ложилась колоссальная нагрузка по административному обустройству огромной имперской окраины, руководство боевыми действиями в сложнейших условиях, принятие решений, способных оказать огромное влияние на развитие отношений России с сопредельными государствами и Европой [5]. Управление Кавказом даже такими выдающимися военными и администраторами как А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский не раз отмечалось разного рода конфузами. Если же первым лицом здесь оказывался человек, неспособный выйти за рамки стереотипов своего времени, то в истории региона он оставался неудачником, как например, Г.В. Розен, А.И. Нейдгардт или Е.А. Головин.

В современной литературе высказана версия о том, что в своих масштабных преобразованиях страны Император Александр II стремился распространить действия реформ на возможно большую часть империи. В условиях существования дворянской оппозиции он старался опереться на членов своей семьи, назначив Великого князя Константина Николаевича Наместником в Польшу, а Михаила Николаевича – на Кавказ. Подтверждение этой версии исследователи видят в проводимых в Кавказском крае в 60–70-х г. XIX в. реформах [6]. Поддержал такой подход и В.М. Муханов, специально изучавший причины удаления с поста главнокомандующего А.И. Барятинского. Историк пришел к выводу: «Александр II поступил политически мудро, показав с помощью назначения своего брата доверие и расположение горцам, а главное, важность этого региона для России» [7].

Соглашаясь с этими утверждениями, позволим себе присовокупить к ним ещё одно немаловажное соображение. Чрезвычайно весомым для престижа самодержавия внутри страны и на международной арене было то, что точку в многолетней борьбе за присоединение края поставит представитель Царской фамилии. Финал Кавказской войны был предрешен. Вглубь гор против остатков абадзехских, шапсугских и убыхских отрядов неумолимо продвигались войска Кубанской области, руководимые опытными военачальниками Н.И. Евдокимовым, В.А. Гейманом, П.Д. Бабычем. От Великого князя Михаила Николаевича не требовалось особых полководческих свойств, чтобы принудить горцев покориться. Отсутствии у нового Наместника опыта оказалось в этих условиях не столь важным, поскольку противостояние с горцами на завершающем этапе Кавказской войны уже выработало план действий, а опыт М.С. Воронцова и А.И. Барятинского заложил программу админи-

стративной деятельности на Кавказе [8]. Прибывшему в край в феврале 1863 г. Великому князю оставалось лишь номинально завершить Кавказскую войну.

Поэтому представляется, что командование Михаилом Николаевичем войсками Кавказской армии в 1863–1864 г. характеризуется двумя главными чертами. Во-первых, он полностью принял систему войны, сложившуюся в годы управления краем А.И. Барятинским, прислушивался к советам фельдмаршала. Среди опубликованной В.М. Мухановым переписки Михаила Николаевича с А.И. Барятинским обращает внимание письмо Великого князя от 10 декабря 1862 г., в котором говорится: «Назначение Наместником Кавказским и командующим Кавказской Армией для меня весьма лестно, как выражение доверия Государя и потому ещё, что получаю в командование первую армию в мире! Но я очень хорошо чувствую, как новое поприще будет для меня трудно по малой моей опытности в делах вообще и в администрации в особенности. Дай Господи мне оправдать ожидание Государя и быть полезным и на столь важном государственном поприще.

Надеюсь, что Ты не будешь отказывать мне в советах и поволишь в затруднительные моменты обращаться к Тебе и просить Твоего мнения» [9]. А.И. Барятинский в ответном письме нарисовал целую программу деятельности Наместника на Кавказе. Для успеха военных действий в Кубанской области победитель Шамиля настаивал на соблюдении двух условий: постоянной войны и усиления казачьей колонизации. «Вашему Императорскому Высочеству, – отмечал фельдмаршал, – выпадает славный жребий нанести удар сопротивлению Западных горцев. Тогда Вам останется осчастливить целый край, оживленный новой жизнью, дарами мира и просвещения» [10].

В своем первом приказе по Кавказской армии от 14 февраля 1863 г. Великий князь приветствовал войска от имени «бывшего вождя нашего, генерал-фельдмаршала князя Барятинского». «Почитаю себя счастливым, что поставлен во главе Кавказской армии, и горжусь этим местом, прославленным моим знаменитым предшественником», – писал далее Михаил Николаевич [11].

Один из первых историков Кавказской войны Р.А. Фадеев, несколько идеализировавший главнокомандующего, констатировал: «Великий князь ни в чем не изменил плана войны, установленного при князе Барятинском и служившего с тех пор основанием всем действиям на Западном Кавказе. План этот, без сомнения, был наилучший в данных обстоятельствах; он решал дело вернее и полнее

всякого другого. Тем не менее, почти все на Кавказе ожидали изменений, а другие, в то время еще не убежденные результатом, даже не желали их. Было столько же голосов «за», как и «против», и даже вторых было едва-ли не больше. Великому князю предстояло следовать установленному порядку, но выбирать – и он выбрал лучшее. Я не знаю примера, чтобы за переменной главнокомандующего не последовало больших изменений в самом характере действий. Слишком трудно вложить в свою душу чужую мысль и развивать ее последовательно: это также творчество; немногие люди, облеченные полномочием власти, пойдут по чужой дороге, потому только, что она лучшая. Великий князь принял чужой план от того, что он был самый верный в предстоявшем деле, и развил его до изумительной простоты результата» [12]. Опираясь на такого блистательного помощника, каким являлся командующий войсками Кубанской области граф Н.И. Евдокимов, «вложить свою душу в чужую мысль и развивать ее последовательно» было нетрудно. В письме к Великому князю от 1 июля 1863 г. А.И. Барятинский писал: «Я счастлив, что Вы на деле сами уверились в умении и настойчивости генерала Евдокимова; эти слова Вашего Императорского Высочества превосходно определяют ничем незаменимые достоинства этого генерала и вместе с тем утверждают меня в уверенности, что военные успехи в Кубанской области увенчаются скоро, прочно и достойно вашего имени». Фельдмаршал уверял, что прекрасно видел все недостатки Н.И. Евдокимова, «но польза, которую он приносит, вдесятеро вознаграждают все его слабости» [13].

Участник событий М.И. Венюков вспоминал, что перед приходом нового главнокомандующего среди командного состава имели место слухи о том, что «участь графа Евдокимова решена именно вследствие множества хозяйственных не порядков в Кубанской области. Но вот Наместник прибыл, и граф с ним в свите: ничего похожего на натянутые отношения между ними заметно не было. Когда же, посвятив объезду Кубанской области более трёх недель, Наместник издал в станице Суворовской великолепный приказ по войскам об изъявлении графу Евдокимову самой теплой признательности за все им сделанное, тогда графские порицатели присмирели» [14]. Проведя несколько дней с войсками Пшехского отряда, Великий князь мог лично убедиться в эффективности применяемой Н.И. Евдокимовым системы постепенного выдавливания адыгов из естественных, созданных природой укрепленных позиций, к морю. К проезду главнокомандующего Адагумский отряд

вытеснил горцев из лесистых предгорий между реками Афипс и Шебш. Разрабатывалась дорога через горы по рекам Хабль и Абин, чтобы открыть доступ к причерноморским шапсугам [15]. В приказе по Кавказской армии от 11 марта 1863 г. Великий князь отметил: «Войска найдены мною в превосходном состоянии: их бодрый вид, неутомимость в походе, их мужество, которого я был личным свидетелем, не оставляет желать ничего лучшего» [16].

Вторая важнейшая черта деятельности Михаила Николаевича на завершающем этапе Кавказской войны заключается в следовании династическим сценариям эпохи Николая I, героическим мифам и презентациям власти в империи. Американский историк Ричард Уортман вслед за отечественными исследователями М.М. Бахтиным и Ю.М. Лотманом отмечал, что подобные презентации с одной стороны имитировали архетипы героических мифов, с другой – создавали воодушевленный политический миф о власти. Они наделяли правителя качествами, свидетельствующими о его принадлежности к миру эпопеи. Презентация события канонизировала современные события и лица, включая их в мифическое прошлое. Правитель предстал демиургом, который жестом или печатным манифестом совершал чудеса завоевания и преобразования [17]. Все посещения Великим князем Кубанской области и Черноморского побережья в 1863–1864 г. превращались в торжественные церемонии. Кавказские войска и их противники – горцы оказывались на таких церемониях лишь декорациями [18]. Дела, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края, содержат немало переписки, связанной с хлопотами властей по поводу проезда Великого князя и организации соответствующих церемоний [19].

На таких церемониях неказистые с виду, воспитанные не для смотров и парадов, а для боевых действий с умным и храбрым противником кавказские солдаты и офицеры вынуждены были приспособиться к плац-парадной культуре, олицетворяемой Великим князем. М.И. Венюков вспоминал, что «когда стало известным скорое прибытие нового главнокомандующего, роты порешили сделать новые значки и вообще завести некоторые предметы скромного солдатского щегольства; для этого они опять сделали экономию на съестных припасах» [20]. После проезда Наместника, отмечал тот же мемуарист, «прозаическая служба отряда возобновилась» [21].

По словам С.Ю. Витте, Великий князь Михаил Николаевич был «человеком с традициями и традициями великокняжескими. По убеждениям – он был сын своего отца Николая Павловича, причем

он обожал его память» [22]. Войсковой строй в эпоху Николая I, по мнению Р. Уортмана, выступал олицетворением нации, устойчивости самодержавного порядка, воспроизведенного в миниатюре плац-парада. В 1840-х г. Император основал для Великих князей Николая и Михаила собственные «потешные полки», куда вошли сыновья аристократов и важных придворных сановников [23]. Эту привычную с детства обстановку Михаил Николаевич, видимо, попытался перенести и в Кавказскую армию.

Начавшийся 1864 г. не оставлял горцам никаких шансов на сохранение независимости. Войска под командованием Н.И. Евдокимова методично, не неся огромных потерь, принуждали то одно, то другое горское общество покоряться русской власти. Это обстоятельство не всегда вписывалось в героическую эпопею завоевания. Поскольку в официальном мифе числом погибших оценивалось значение того или иного военного предприятия, недоброжелатели Евдокимова в окружении Великого князя стали использовать факты сбережения жизни солдат для нападков на прославленного военачальника [24]. Хорошо знавший ситуацию Д.А. Милютин писал в своих воспоминаниях: «Дело покорения Кавказа казалось уже законченным, и в дальнейших военных действиях надобность миновала. Но такая преждевременная и почти безкровная развязка не входила в расчеты многих личностей, жаждавших боевой славы; в самой среде ближайших сподвижников Великого князя главнокомандующего были недовольные на графа Евдокимова за то, что он повел дело слишком поспешно и покончил прежде, чем **разыгран был предложенный эпизод великой кавказской эпопеи** (выделено нами – *О.М.*). Нужно было хотя бы как-нибудь потешить войска и в особенности начальников, рассчитывавших на великие и богатые награды» [25]. Именно поэтому, как считал Д.А. Милютин, была затеяна грандиозная «операция» под личным командованием Великого князя, призванная сыграть последний аккорд в Кавказской войне с торжественной церемонией её окончания. Под предлогом очищения гор от племени айбга, которое уже не представляло никакой опасности для установления русской власти в крае, было сосредоточено 25 с половиной батальонов пехоты и 11 сотен конницы с артиллерией. Одна из колонн под командованием князя Д.А. Святополк-Мирского направилась вверх по р. Мзымте; другая под начальством генерал-майора П.Н. Шатилова двинулась из Абхазии в долину р. Псоу; третья, руководимая генерал-майором В.А. Гейманом – по долине р. Сочи и далее в верховья р. Мзымты;

наконец, четвертая под начальством генерал-майора Н.П. Граббе пошла туда же с Севера через перевал Главного Кавказского хребта с верховий Малой Лабы. Все эти войска, кроме колонны генерала Шатилова не встретили никакого сопротивления. Воины айбга оказали солдатам Шатилова отпор ружейным огнем и камнями, при этом отряд понес потери до 60 человек. Лишь обходное движение колонны князя Святополк-Мирского заставило горцев отступить. Великий князь тут же отправил в Петербург телеграмму о «громкой победе», сообщив, что «в обществе айбга сосредоточилась бездомовная и воинственная молодежь со всего берега», оказала «упорное сопротивление», но обходное движение соседней колонны «заставило скопище разбежаться. Потери в обеих колоннах за все время до 70 человек. Войска высказали себя молодецки» [26]. Д.А. Милютин, на котором лежала обязанность публиковать телеграммы о «победах» Великого князя на Кавказе, посчитал неудобным дать текст в редакции Михаила Николаевича. «Я опасался, – вспоминал генерал, – что после громкого возвещения об окончательном покорении горских племён, об умиротворении всего Кавказа известие о новом сражении, в котором войска наши вновь «выказали себя молодецки», подало бы повод к толкам в публике и ослабило бы доверие к прежним официальным известиям. Телеграмма эта особенно была нектати при тогдашних наших объяснениях с иностранными послами относительно газетных толков по поводу переселения горцев» [27]. Поэтому Д.А. Милютин дал извещение об «операции» Великого князя в «Инвалиде» в более сдержанной форме, не упомянув о потерях. Михаил Николаевич немедленно потребовал объяснений, нажаловался на генерала Милютина самодержавному брату. Размолвка с Великим князем, грустно констатировал Милютин, показала «мне на опыте, как трудны служебные отношения, когда должностное лицо есть вместе с тем член Царской семьи» [28].

Грандиозная «операция» по замыслу Великого князя должна была завершиться торжественной церемонией и парадом войск, собравшихся к 20 мая 1864 г. в урочище Кбаадэ. Это была глухая котловина, закрытая со всех сторон горами и не имеющая никакого стратегического значения. Но этому урочищу, где сегодня располагается известный курорт Красная Поляна, суждено было стать знаковым местом в завершении героической эпопеи под руководством сына и брата Императора. 21 мая четыре колонны выстроились вокруг небольшого холма, на котором стоял «покоритель Западного Кавказа» Великий князь, окруженный генералами, офице-

рами и Георгиевскими кавалерами. «В большую диковинку были в ту пору для войск, в особенности Кубанской области, смотры и парады, – писал С.С. Эсадзе. – В походе и сражениях они чувствовали себя как дома, а здесь суетились, не зная, как и за что взяться» [29]. Состоялся молебен, а затем – церемониальный марш. При всех Великий князь подъехал к Н.И. Евдокимову и обнял его. Войска умилились. Кто знает, о чем думал в этот миг изувеченный ранами полководец, прошедший в боях и походах путь от рядового, сына бывшего крепостного, до графа и генерала-от-инфантерии? Через 13 лет, после взятия Карса 6 ноября 1877 г., Великий князь Михаил Николаевич также перед фронтом всех войск горячо обнимал истинного победителя турок М.Т. Лорис-Меликова. Однако театральность этого действия не обманула боевого генерала. В частном письме Н.А. Белоголовому Лорис-Меликов нарисовал не весьма лестный психологический портрет Михаила Николаевича [30].

Торжественный сценарий завершения Кавказской войны был разыгран как по нотам. Великий князь официально объявил о покорении Западного Кавказа [31]. На имя Императора была отправлена соответствующая телеграмма. В ответ Александр II пожаловал Михаилу Николаевичу орден Св. Георгия 2-й степени и украшенную алмазами шапку с надписью «За окончание Кавказской войны». «Этими двумя наградами я хотел в твоём лице почтить всю славную Кавказскую армию», – писал Император. В специальном рескрипте Александр II объявил: «На долю Вашего Императорского Высочества выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорения Западного Кавказа и впервые возвестить русскому народу, что «отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени»» [32]. Тем самым парад 21 мая 1864 г. канонизировал события Кавказской войны в официальном духе, выдвигая на первый план героической эпопеи руководителя торжественного церемониала. Войска получили Георгиевские знамена, генералы и офицеры – богатые земельные пожалования за счет казачьих земель и награды. Нижним чином был сокращён срок службы с 20 до 15 лет.

Величественное событие необходимо было увековечить и для потомков. Именно Великий князь Михаил Николаевич явился инициатором создания полковой историографии кавказских войск. В феврале 1865 г. командующий войсками Кубанской области получил отзыв начальника Главного штаба Кавказской армии, в котором говорилось: «Его Императорское высочество Главнокомандующий армиею, желая сохранить для потомства полное и подробное

повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся шестьдесят лет непрерывной войны с горцами, приказал мне просить Ваше Сиятельство объявить по вверенной Вам области: 1) чтобы во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и жизни на Кавказе. Офицеров, которые будут избраны для составления описания, Его Высочество разрешает освободить от некоторых служебных обязанностей и уволить для занятия в тех архивах, где хранятся старые дела и документы; 2) пригласить всех военных и других званий лиц, у кого окажутся какие-либо записки и воспоминания, имеющие какое-либо отношение к событиям минувшей войны, или записанные ими частные рассказы и случаи, доставить всё это в Главный штаб армии» [33]. Созданные на основе этого распоряжения Миаила Николаевича истории частей и подразделений хотя и отличаются верноподданическим характером, но до сих пор поражают обилием фактического материала о боевой повседневности кавказских войск [34].

По указанию Великого князя Михаила Николаевича военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа стал издаваться «Кавказский сборник», задачами которого были не только сбор и публикация исторических свидетельств о Кавказской войне, но и воспитательные, идеологические функции [35]. Сочувственную резолюцию наложил Великий князь и на проект учреждения Кавказской археографической комиссии, результатом которой стала публикация 12-томного фундаментального сборника документов Архива канцелярии Кавказского Наместника [36].

События финала Кавказской войны стали начальной вехой в деятельности Великого князя Михаила Николаевича в регионе, которым он управлял до 1881 г. В этой войне он проявил противоречивые качества. С одной стороны, пошел навстречу выработанной выдающимися кавказскими военачальниками за годы противостояния с горцами системы ведения военных действий. С другой – не смог преодолеть влияния плац-парадной культуры, привитой с детства, заложил основы имперского мифа о Кавказской войне. Однако национальные мифы всегда исторически обусловлены, определяют во многом систему ценностей народа, способствуют укреплению самосознания и отстаиванию государственных интересов. К тому же, историко-психологический портрет Великого князя Михаила Николаевича интересен не только как отражение атрибутов и символов царской России, но и реалий того времени, которые отвечали, или, наоборот, не всегда вписывались в эту символику.

Примечания

1. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и дополн. М., 2003. С. 157.
2. См.: Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич. СПб., 1906.
3. См., например: Земля адыгов. Краснодар, 1998.
4. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 69.
5. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 173.
6. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие управления / Под ред. С.Г. Агаджанова и В.В. Тревпалова. М., 1998. С. 273.
7. Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 189–190.
8. Чернуха В.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 243.
9. Муханов В.М. Указ. соч. Приложения и документы. С. 337.
10. Там же. С. 341.
11. Цит. по: Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Составлен начальником военно-исторического отдела полковником Семеном Эсадзе. Майкоп, 1993. С. 88.
12. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 177.
13. Указ. соч. Приложения и документы. С. 343.
14. Венюков М.И. Кавказские воспоминания 1862–1863 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 625.
15. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / Под ред. Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 2003. С. 111.
16. Цит. по: Эсадзе С.С. Указ. соч. С. 92.
17. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / Пер. с англ. С.В. Житомирского. М., 2004. С. 23.
18. Там же. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И.А. Пильшикова. М., 2004. С. 21.
19. См., например: ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 332 «Дело с почетными рапортами подданных Великому князю Михаилу Николаевичу при проезде по району Адагумского отряда»; Д. 346 «Сведения о проезде Великого князя Михаила Николаевича»; Д. 275 «О награждении чинов отряда по случаю проезда Великого князя Михаила Николаевича»; Д. 307 «Пере-

писка о 64-х знаках отличия военного ордена, пожалованных Михаилом Николаевичем» и др.

20. Венюков М.И. Указ. соч. С. 624.
21. Там же. С. 627.
22. Витте С.Ю. Указ. соч. С. 40.
23. Уортман Р.С. Указ. соч. Т. 1. С. 413.
24. Лапин В.В. Указ. соч. С. 174.
25. Милютин Д.А. Воспоминания 1863–1864 г. / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 449.
26. Цит. по: Там же. С. 456.
27. Там же. С. 457.
28. Там же. С. 458.
29. Эсадзе С.С. Указ. соч. С. 112.
30. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. Документальные свидетельства. С. 333.
31. Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20-е – 70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Под ред. Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 2001. С. 291.
32. Цит. по: Эсадзе С.С. указ. соч. С. 114.
33. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.
34. Матвеев О.В. «Все случаи военных событий урущев в свежей памяти...» (К историографии 1-го Линейного генерала Вельяминова полка) // Культурная жизнь Юга России. 2004. №4; 2005. №5; Его же. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Краснодар, 2006. Т. 1 (22). См. также: Матвеев О.В. Дубровин Николай Фёдорович 1837–1904). Армавир, 1994; Его же. Василий Александрович Потто. Армавир-Краснодар, 1997; Матвеев О.В., Скибицкая И.М. К историографии завершающего этапа Кавказской войны: Симон Спиридонович Эсадзе // Историческое регионоведение – вузу и школе (материалы 9-й всероссийской научно-практической конференции). Армавир, 2005. Ч. 1; Они же. «Становились везде твердою ногою...» С.М. Духовский и его труд о финале Кавказской войны // Мечом и пером: вехи истории служилой элиты России. Краснодар, 2005.
35. Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т. 1 (33) / Под ред. Н.Ю. Силаева. М., 2004. С. 323.
36. Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2 (34). С. 350.

Э.М. Далгат

Политика Российских Государей в Дагестане во второй половине XIX в.

С окончанием Кавказской войны наступил новый этап в политике России в Дагестане. После политического подчинения Дагестана царским правительством встала задача обустройства завоеванного края.

Одним из первых мероприятий, проведенных властями Дагестана, была административная реформа. Осторожно, шаг за шагом, правительство приступило к созданию нового управления, которое укрепило бы его позиции в этом регионе.

В 1856 г. Императору Александру II было представлено несколько проектов по вопросу управления покоренными народами Кавказа. Одобрение Царя получил проект будущего Наместника на Кавказе А.И. Барятинского. По этому проекту Кавказ делился на большие военные отделы. Ими руководили начальники, обладавшие большими правами. Горские народы Кавказа не вошли в систему гражданского управления, и для них было введено военно-народное управление. При главном штабе Кавказской армии в 1860 г. была учреждена Канцелярия по управлению кавказскими горцами. В последующем было несколько реорганизаций этого органа, но всегда вплоть до 1917 г. в его ведении были дела горских народов, находившихся в системе военно-народного управления.

В 1860 г. была создана Дагестанская область. В нее входили бывший Прикаспийский край (без Кубинского уезда) и весь горный Дагестан. Область была разделена на четыре военных отдела – Северный Дагестан, Южный Дагестан, Средний Дагестан и Верхний Дагестан.

Управление Дагестанской областью делилось на военное и гражданское. Первое подразделялось на: 1) управление войсками; 2) управление туземным населением на особых правах; 3) управление ханское. Гражданскими управлениями являлись Дербентское градоначальство и управление городом Петровском. Во главе области стоял начальник Дагестанской области. Он был командующим войсками области, действовавшим на правах командира корпуса, а по гражданскому управлению – на правах генерал-губернатора. Военные отделы возглавили офицеры царской

армии. Им подчинялись и окружные управления, а по военным вопросам – и ханства.

Постепенно политика царских властей по отношению к бывшим феодальным владельцам менялась. Ханская власть в Дагестане после окончания военных действий сделалась излишней, выглядела анахронизмом. Постепенно, в течение нескольких лет, власть всех феодальных владельцев в Дагестане была ликвидирована, и в ходе административных реформ было образовано девять округов.

Административная реформа, проведенная Александром II, имела для Дагестана большое значение. Во-первых, она содействовала изживанию средневековых институтов. Во-вторых, с образованием области Дагестан впервые в истории приобрел административную целостность. В-третьих, с проведением реформы стабилизируется политическая ситуация, и ослабляется феодальная эксплуатация. Единая система административного управления способствовала внутреннему сближению народов Дагестана. Она приобщала их к более передовым формам государственного управления.

Помимо административных, в Дагестане было проведено еще несколько важных реформ.

Для того, чтобы формально ликвидировать политическую власть беков, администрация провела реформу сельского управления и судебную реформу.

Положение о реформе сельского управления было утверждено в апреле 1863 г. В управление сельским обществом включались сход (джамаат), старшина, кадий и суд. Сход рассматривал выборы сельских должностных лиц, раскладку общественных и казенных податей и повинностей, обеспечивал проведения сельскохозяйственных работ и т.д.

Сельские старшины и их помощники назначались начальниками округов. Плату за службу они получали от властей.

Сельский кадий, избранный на сходе, утверждался властями. В его обязанности входила деятельность религиозных учреждений, а также судопроизводство на основе шариата. Сельский суд избирался сельским сходом на три года. Он разбирает дела о мелких правонарушениях и гражданских исках между общинниками на небольшие суммы.

Несмотря на то, что сельское управление являлось низовым звеном колониально-административной власти, она все же подорвало ханскую и бекскую власть в селах, создало единообразную систему во всей области, избавив жителей от неограниченного феодального произвола.

В начале 1860 года была проведена судебная реформа. В ходе ее были созданы Дагестанский областной суд, Дагестанский народный суд и окружные суды.

В Дагестанском областном суде разбирались дела по общим для всей империи законам, если преступление было совершено жителями на территории гражданского управления. Члены этого суда назначались начальником области.

В Дагестанском народном суде и окружных судах дела разбирались на основе адата и шариата. Председателями областного и народного судов являлись помощники начальника области. Существовали также военно-полевые суды, где судили участников антиправительственных выступлений. В окружных судах дела рассматривались на родных языках гласно.

В 1875 г. Дагестанский областной суд был заменен мировыми отделами в городах Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре, там где было гражданское управление. Судебные реформы 60–70-х годов являлись шагом в сторону буржуазного судопроизводства, попыткой установить в крае определенную законность.

Большое влияние на изменение социально-экономических отношений в Дагестане оказала крестьянская реформа. Предпосылкой реформы было не внутреннее развитие Дагестана, а экономическое развитие России, которая втягивала Дагестан в орбиту влияния русского капитализма. Одной из причин, ускорившей проведение реформы, было обострение социальной напряженности из-за сильного феодального гнета, который испытывали дагестанские крестьяне.

Боязнь крестьянских выступлений заставляла власти принимать определенные меры, вмешиваться в сословно-поземельные отношения дагестанцев. Одной из таких мер было проведение в Дагестане реформы, отменившей зависимость части крестьян от своих феодалов и определенным образом изменившей сословно-поземельные отношения.

Необходимость приспособления экономики Дагестана к нуждам российского капитализма, а также усиление антифеодальных настроений в крае, вызванное ужесточением феодальной эксплуатации, вынуждало власти провести здесь крестьянскую реформу.

Она была проведена не во всех феодальных владениях, где существовали зависимые отношения, а только в некоторых: шамхальстве Тарковском, ханстве Мехтулинском, Присулакском наибстве и Кумыкском округе.

Раньше всего начали подготовку к проведению реформы в Кумыкском округе. В 1860 г. здесь был создан «Кумыкский комитет по делам личным и поземельным». Затем в 1863 г., после создания в Терской области Сословно-поземельной комиссии, Кумыкский комитет был преобразован в Кумыкский отдел этой Комиссии.

В результате сбора информации сословно-поземельная комиссия пришла к выводу, что из 405 789 дес. земли в Кумыкском округе 386 422 дес. находилось во владении феодалов, а 19367 дес. принадлежало казне [1].

В результате раздела земли 166 феодалов сохранили за собой 184396 десятин земли, что составляло 48 % всей земли. Крестьянам-кумыкам, составлявшим 5297 дворов или семейств, дали 130761 дес., а кочующие ногайцы в числе 1547 дворов получили 70413 дес., т.е. выделенная ими земля составляла 52 % всей земли [2].

В отличие от России в Кумыкском округе крестьянам не пришлось выкупать свои земли, находясь до этого в положении временнообязанных.

Здесь довольно быстро (к 1870 г.) отмежевали земли феодалов от земель, отданных крестьянам. Процесс же размежевания земель между разными селениями затянулся на долгие годы.

Наряду с Кумыкским округом, который административно входил в Терскую область, крестьянская реформа была проведена и в трех владениях Дагестанской области: Присулакском наибстве, шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском.

Более последовательно реформа была проведена в Присулакском наибстве. Князь Али-Султан Казаналипов в начале 1867 года освободил от зависимости подвластных ему крестьян селений Султан-Янги-юрт, Чонт-аул и Чир-юрт. Крестьянам было выделено 14330 десятин земли на правом берегу реки Сулак. В среднем подымный надел составлял около 17 десятин удобной и неудобной земли [3].

Менее последовательно была проведена реформа в шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском.

В результате крестьянской реформы от феодальной зависимости освободилось 30 тыс. крестьян в Кумыкском округе и 25 тыс. в шамхальстве, ханстве и наибстве, т.е. всего 55 тысяч феодально-зависимых крестьян стали свободными.

Важным мероприятием, проведенным царскими властями в Дагестане, была **отмена рабства**. Еще в начале XIX в. администрация старалась ограничить рабство, запрещая при продаже семей рабов разлучать детей и родителей. В 60-е годы XIX в. было решено окончательно ликвидировать этот устаревший институт.

В течение трех лет, с 1866 по 1868 годы в Дагестане было освобождено 1542 рабов [4]. Их снабжали документами об освобождении, приписывали к сельским обществам и на 8 лет освобождали от уплаты налогов [5].

Помимо рабов в 60-е годы XIX в. свободу получили чагары – крепостные крестьяне. В шамхальстве Тарковском было освобождено 45 дымов чагар, что составляло примерно 220 душ обоего пола. Освобождение свелось к тому, что они по-прежнему пользовались шамхальской землей, но уже не отбывали за это повинности шамхалу [6].

В Кумыкском округе чагары составляли 1056 душ. Как и в шамхальстве, их освободили от крепостной зависимости и наделили землей без выкупа [7].

В других феодальных владениях чагары составляли 180 дворов или около 900 душ обоего пола. В отличие от Кумыкского округа и шамхальства эти чагары не были наделены землей. Им просто объявили, что они свободны и могут уйти от своего бывшего хозяина и приписаться к другим сельским обществам. Но этой «свободой» мало кто из чагар воспользовался, так как уходя от бывшего хозяина, чагары теряли право на недвижимость. Всего от крепостной зависимости в 60-е годы XIX в. было освобождено немногим более 2 тысяч чагар.

В результате крестьянской реформы 60-х годов XIX в. и ликвидации независимых феодальных владений в сословно-поземельном строе Дагестанской области произошли значительные изменения. Реформы определенным образом повлияли на изменение классовой структуры дагестанского общества, внесли коррективы в систему поземельных отношений, существовавших в середине XIX в.

Проведение реформ, оказавших значительное влияние на политическое, социально-экономическое и культурное развитие Дагестана, связано с проводниками политики Русских Царей на Кавказе – Наместниками Кавказа.

В период окончания военных действий и начала реформ Наместником Кавказа был А.И. Барятинский. Человек умный, опытный, хорошо знавший Кавказ, он наметил обширную программу действий по экономическому развитию края. Но осуществить эти планы пришлось его преемнику на посту Наместника – Великому князю Михаилу Николаевичу. Он был назначен Наместником Кавказа в конце 1862 г. и занимал этот пост вплоть до ликвидации наместничества в начале 80-х годов в царствование Александра III.

При Михаиле Николаевиче в Дагестане были проведены главные преобразования, о которых было сказано ранее. Реформы способствовали процессу постепенного втягивания Дагестана в русло экономического развития России, в которой активно развивались капиталистические отношения, проникавшие в различные отрасли хозяйства области.

Упразднив наместничество, Александр III ввел должность Главноначальствующего на Кавказе. В 1883 г. было принято новое положение об управлении Кавказом, ликвидировавшее его относительную самостоятельность и поставившее его в зависимость от отраслевых министерств. На должности Главноначальствующего на Кавказе поочередно побывали А.М. Дондуков-Корсаков (1883–1890 гг.), А.С. Шереметев (1891–1896 гг.) и Г.С. Голицын (1897–1904 гг.).

В период их управления значительных реформ на Кавказе не было проведено. Вместе с тем, надо отметить, что при необходимости они умели отстаивать интересы Кавказа перед центральными ведомствами. Так, в восьмидесятые годы в Петербурге обсуждался вопрос о привлечении кавказского населения к отбыванию воинской повинности. Главноначальствующий А.М. Дондуков-Корсаков, предвидя отрицательное отношение кавказцев к этой мере, добился ее отмены, в результате чего дагестанцы вместо отбывания воинской повинности платили воинский налог.

В тот же период в Петербурге министром финансов был поднят вопрос о том, чтобы с целью экономии упразднить Дагестанскую область. Он предлагал присоединить ее Южные округа к Бакинской губернии, а все остальные к Терской области. Это предложение встретило возражение со стороны А.М. Дондукова-Корсакова. Он отмечал, что из всех местностей Кавказского края именно Дагестанская область соответствует тем условиям, которые требуются для установления самостоятельной административной единицы. Поскольку Дагестан имеет естественные географические границы, население его представляет почти однородную массу по культурному развитию, религии, характеру и нравам. Таким образом, по мнению Главноначальствующего, Дагестан составлял совершенно самостоятельное целое в географическом, этнографическом и историческом отношениях и дробить его было нецелесообразно. Помимо этого, Главноначальствующий считал, что разделение области может иметь опасные последствия, ибо труднее будет контролировать население отличавшееся энергией, храбростью и предприимчивостью и лишь недавно сложившее оружие после полувековой упорной борьбы.

Государственный Совет поддержал позицию Главного начальствующего в этом вопросе. Благодаря твердости и дальновидности А.М. Дондукова-Корсакова единство и целостность Дагестана была сохранена.

Политика Русских Государей по экономическому освоению края предусматривала строительство грунтовых и шоссежных дорог в Дагестане. В 90-е годы через область была проведена Владикавказская железная дорога, ускорившая процесс вовлечения края во всероссийский рынок. В Дагестане появилась хотя и слабая фабрично-заводская промышленность, товарный характер приобретало сельское хозяйство, шел процесс классового расслоения крестьянства, формировалась национальная буржуазия.

Важным аспектом политики Русских Государей в Дагестане было развитие светского образования и культуры. В области стали открываться учебные заведения с преподаванием на русском языке, постепенно формировалась светская национальная интеллигенция. При военных гарнизонах, в городах появились учреждения здравоохранения, где горцы получали медицинскую помощь.

Вторая половина XIX в. была особым этапом в истории Дагестана, ставшим составной частью огромной империи. Несмотря на колониальный характер политики Российских Государей, на все ее недостатки и упущения как, например, сохранение феодальной зависимости крестьян, Дагестан сделал мощный рывок и перешел на качественно новый этап своего развития.

Примечания:

1. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.
2. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 12. Л. 241.
3. История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 187.
4. Там же. С. 100.
5. Освобождение бесправных рабов в Дагестане // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 26.
6. Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.101.
7. Там же.

В.Н. Ратушняк

Визиты Российских Императоров на Кубань

Северо-Западный Кавказ долгое время был ареной дипломатической и военной борьбы России и Турции. Однако в результате победы русского оружия в войне 1828 – 1829 гг. и заключения Адрианопольского мира к России отходило все Черноморское побережье Кавказа от устья р. Кубани до северной границы Аджарии. Но турки не смирились с поражением. Снабжая горцев оружием и настраивая их против России, Турция надеялась рано или поздно вернуть утраченное. Поэтому Россия стала в наиболее удобных местах и гаванях побережья строить военные укрепления и размещать русские гарнизоны. Так, в 1831 г. стало возводиться Геленджикское укрепление. Ввиду удобства бухты царское правительство придавало ему особое значение. Строительство шло в условиях зноя, малярии и лихорадки, ни на минуту не прекращаясь. О значимости объекта говорил тот факт, что его решил посетить Российский Император Николай I.

20 сентября 1837 г. в пасмурный день, при довольно сильном волнении моря к Геленджикской бухте подошло судно «Полярная звезда», на борту которого находился сам Всероссийский Император Николай I. Его импозантная фигура колоритно выделялась среди Царской свиты и офицеров команды. Известно, что Николай Павлович был высок ростом (189 см.) и этим напоминал своего более великого и более высокого предка Петра I. С большим трудом, не без риска оказаться в морской воде, опытные матросы-гребцы на шлюпке доставили на берег величественную персону Императора. Из-за разгулявшейся непогоды церемония торжественной встречи Царя была непродолжительной. Отобедав с командиром гарнизона, Царь посетил лазареты, до отказа забитые больными чинами. Многим солдатам он прикрепил к груди Георгиевские кресты-знаки высшей солдатской доблести, а умирающему офицеру Штейбену «пожаловал» три тысячи золотых червонцев.

Утром Царь проснулся от шума и криков. Горел провиантский магазин.

Бушующее пламя подбиралось к пороховому погребу, взрыв которого имел бы ужасные последствия. Спокойно и невозмутимо смотрел Император на самоотверженную борьбу солдат с огнем. Огонь был усмирен, но намеченный к отъезду Николая I парад был отменен (одной из причин был сильный ветер, буквально валивший

с ног уставших солдат). Ограничились тем, что Царь обошел выстроенный для его проводов гарнизон. Зброшенные далеко от родных мест в непривычные условия существования солдаты гарнизона производили жалкое впечатление. Очевидцы потом утверждали, что при виде своих изможденных от болезней и непосильной службы солдат непреклонно-суровый Русский Самодержец незаметно смахнул предательски набежавшую слезу. 23 сентября 1837 г. морским путем Царь посетил Анапу, где не только погода, но и тамошний гарнизон произвели на него более благотворное впечатление.

Через 13 лет опять в сентябре Кубань посетил Наследник Императорского Престола Александр Николаевич. 14 сентября 1850 г. он на пароходе «Владимир» прибыл в Тамань. 4 дня он пробыл на Кубани, встретившись с представителями всех сословий и народов края. 18 сентября Цесаревич покинул крепость Усть-Лабинскую и через станицы Кавказского линейного войска направился в крепость Прочный Окоп.

Минуло 11 лет и созданную Кубанскую область осенью 1861 г. посетил теперь уже ставший Императором Александр II. 11 сентября под орудийный салют он ступил на берег Тамани. Выстроенные войска встречали Императора. С приветственной речью к нему обратился командующий Кавказской армией генерал-адъютант Орбелиани. Он представил высших чинов армии и Кубанского казачества. Царь обратил внимание на стоящую в стороне большую группу горцев – более полсотни человек и направился к ним. При приближении Императора горцы схватились за оружие, и, положив его на землю, в гордом почтении склонили свои головы. Вперед вышел старейшина, который сказал о том, что горцы долго воевали против царских войск, но теперь готовы верно служить Царю, лишь бы он не выселял их с Кавказа. Александр II пообещал сделать все возможное для этого. Заночевав в Темрюке, Император 12 сентября прибыл в столицу Кубанского казачьего войска г. Екатеринодар. Побывав на молебне в Войсковом казачьем соборе, он принял хлеб-соль от войска. 13 и 14 сентября по пути в Майкоп Александр II провел смотр войскам Шапсугского и Нижне-Абазехского отрядов, посетил Григорьевское и Усть-Лабинское укрепления, а в верховьях р. Фарс встретился с депутацией горцев во главе с убухом Хаджи Берзеком. Горцы просили о неприкосновенности своих земель, о прекращении строительства крепостей, станиц и дорог на их территории. Царь заявил, что их просьбу о подданстве он может принять лишь при условии, что горцы прекратят свои набеги, будут подчиняться новым властям, вернут пленных и беглых. Не менее категорично в верхо-

вьях р. Фарс он ответил на аналогичную просьбу абазехов, заявив их представителям: «Я даю месячный срок – абазехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают земли в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию». Столь бескомпромиссная позиция Государя сыграла немаловажную роль в том, что горцы продолжили героическую, но обреченную борьбу с царскими войсками, а затем большинство из них покинуло родные места. 18 сентября в урочище Мамрюк-Огой Император провел смотр Кавказским войскам, а 19 сентября отправился в обратный путь.

Прошло еще 27 лет. По неписанной традиции вновь в сентябре Кубань ожидала приезда нового монарха – Александра III. Царская семья решила провести путешествие по Кавказу, посетив Ростов, Владикавказ, Екатеринодар, Новороссийск, Батуми, Тифлис и другие города.

21 сентября 1888 г. в 17 часов Царский поезд медленно подошел к перрону Екатеринодарского вокзала. Вдоль железнодорожного полотна были выстроены войска, тысячи нарядных горожан пришли взглянуть на это необычное зрелище. Вокзал, украшенный цветами и зелеными гирляндами, окруженный столетними дубами, помнившими еще первых переселенцев-запорожцев, был удивительно красив. Грянул казачий оркестр и под тысячегласное «ура» на перрон ступил Император, Его Августейшая супруга Мария Федоровна, двадцатилетний Наследник Престола – будущий Император России Николай II и второй сын Императора – семнадцатилетний Георгий. Наказной атаман Кубанского казачьего войска и Начальник области генерал-лейтенант Г.А. Леонов, сопровождавший Царскую Семью от станции Невинномысской, представил Августейшим особам войсковое начальство и «отцов города» – руководителей Городской Думы.

В сопровождении почетного конного эскорта Царская Семья прибыла к Александро-Невскому войсковому собору. Здесь был отслужен молебен по случаю приезда высоких гостей, затем Император с семьей отправился в подготовленные для него апартаменты в доме Наказного атамана. На следующий день состоялся торжественный сбор войскового круга.

23 сентября 1888 г. Царский поезд при громадном скоплении народа отбыл по недавно введенной в эксплуатацию железнодорожной магистрали в Новороссийск, а оттуда – пароходом в Батуми.

Был на Кубани с кратковременным визитом и последний Русский Император Николай II. Он единственный из своих предшественников прибыл не в период золотой осени, а в ноябре. Да и время было

неспокойное. Шла Первая мировая война, ставшая эпилогом династии и прологом революции.

24 ноября 1914 г. по пути на Кавказский фронт Николай II посетил г. Екатеринодар. Еще в Тихорецкой его встретил Наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М.П. Бабыч и был приглашен в вагон к царскому столу. Сидя друг против друга, обсуждая вопросы текущего времени, думали ли они, что буквально через несколько лет один из них будет расстрелян вместе со своей семьей в подвале Ипатьевского дома в г. Екатеринбурге, а другого в возрасте 74 лет замучают революционные солдаты и полуживого закопают в землю в Пятигорске. Но это было еще впереди, а пока поезд шел по своему маршруту. 24 ноября в 13 часов дня показался Екатеринодарский вокзал, украшенный приветственными транспарантами и флагами. Прибывшего Императора приветствовали делегации от всех сословий. Государю Императору Николаю II был преподнесен хлеб-соль.

В открытом автомобиле под колокольный перезвон всех церквей, одетый в форму Кубанского казачьего войска, Николай II направился в Александро-Невский собор. Здесь его встретил приветственным словом епископ Ейский Иоанн. После молебна состоялся традиционный в таких случаях войсковой круг. Правда, в условиях военного времени он был не столь продолжительным и торжественным, как ранее. Потом Государь посетил городскую больницу, где обошел палаты с ранеными воинами, интересовался их здоровьем, обстоятельствами ранения, некоторых наградил медалями. Затем осмотрел склад белья для раненых, чтобы убедиться, что воины России не оделены заботой и вниманием патронирующей их общины сестер милосердия. Император Николай II посетил также Мариинский институт и детский приют имени Императрицы Марии Федоровны. В ознаменование приезда Государя Императора на Кубань Екатеринодарская Городская Дума постановила открыть в городе еще одну больницу, переименовать улицу Красную в Николаевский проспект, учредить по пять именных стипендий в высших, средних и начальных учебных заведениях г. Екатеринодара. Пробыв в Екатеринодаре около четырех часов, Государь Николай II отправился дальше. Это было последнее в истории Императорской России посещение Кубани Русскими монархами.

Примечание

Ратушняк В.Н. “Кубанские исторические хроники”, Краснодар 2008 г.

А.В. Казаков

Династия Романовых и адыги (черкесы) в Первой Мировой войне

Спектр взаимоотношений боярского рода, а с 1613 г. – Царской династии Романовых с представителями Кавказа, в частности, адыгов (черкесов), достаточно широк и охватывает все стороны жизни. Попробуем остановиться на некоторых, на первый взгляд, не самых значимых эпизодах из них.

Как известно, контакты адыгской (черкесской элиты) с Московским государством и Киевской Русью исторически уходят вглубь веков.

Причисленный к лику святых выдающийся русский адмирал Федор Федорович Ушаков в своей родословной указывал, что он является прямым потомком по мужской линии касожского (черкесского) князя Редеди, жившего в XI веке[1].

В более позднее время, начиная с середины XVI века установились регулярные связи между Черкесией и Московским государством, когда черкесские князья со своими дворянами стали выезжать на службу в Москву. С начала 60-х годов того же века, когда Царь Иван Грозный вторым браком женился на черкесской (кабардинской) княжне Марии Темрюковне Идаровой-Черкасской, эти связи упрочились.

В конце XVI века, двоюродный брат Царицы Марии Темрюковны – черкесский (кабардинский) князь Карачай (в крещении Борис) Камбулатович Черкасский, женился на племяннице первой жены Ивана Грозного – Анастасии Романовне Юрьевой – дочери ее брата боярина Никиты Романовича Юрьева, сестре патриарха Филарета (Федор Никитич), Марфе (Марии Никитичне). Последняя (Марфа она же Мария Никитична) была – родной тетей будущего первого Царя из Романовых – Михаила Федоровича. В ноябре 1600 г. князь Черкасский по делу своих родственников Романовых был сослан Борисом Годуновым на Белоозеро, где и умер 25 апреля 1601 г.[2].

Сын его – князь Иван Борисович Черкасский, доводившийся Царю Михаилу Федоровичу, двоюродным братом, принимал самое активное участие в выборе Царем своего родственника и стал боярином 11 июня 1613 г. В 1633–1642 гг. князь Иван Черкасский являлся фактическим руководителем русского правительства[3].

Другой именитый представитель кабардинских князей – Дмитрий (до крещения Каншао, Каншов) Мамстрюкович Черкасский, племянник Царицы Марии, выехал на русскую службу из Кабарды в Москву в конце 90-х годов XVI века. Будучи с 1610 г. одним из видных воевод во время войн Москвы с Польшей и Литвой участвовал в организации в 1612 г. вместе с князем Дмитрием Пожарским похода и в боях за освобождение Москвы во главе полка освобождал Углич от поляков, в 1613 г. в качестве воеводы штурмовал крепость Белую под Смоленском. Член Земского собора с 1613 г., он в качестве кандидата от земщины был выдвинут на Царский престол и отказался от претензий в пользу Михаила Федоровича. При Романовых он был боярином с 6 января 1619 г. Воевода в Ярославле в 1617 г., позднее – воевода Московский. Был первым воеводой на Украине, где охранял русские границы от крымских нашествий. В 1624–1634 гг. возглавлял приказ Казанского дворца и Сибирский приказ. В 1633 г. воевал в качестве главного воеводы русских войск под Смоленском. С 1645 г. занимал высшую должность ближнего боярина [4].

Еще один представитель Черкасских – двоюродный брат Царя Михаила Федоровича – Черкасский Иван Борисович (Карачаевич). В 1607 г. во главе одного из трех полков воевал против Лжедмитрия II, в августе 1612 г. участвовал в освобождении Москвы от поляков. С 1613 г. являлся боярином. В ноябре 1618 г., командуя полком, разгромил крупный отряд поляков. В 1638 г. был назначен главным воеводой – главнокомандующим всей московской рати на Юге для предотвращения нашествия крымцев и ногайцев. Видный государственный, политический и военный деятель России XVI в., занимал ряд крупных государственных постов, возглавлял Стрелецкий с 1627 г. и Иноземный с 1641 г. приказы, позднее – приказы Казенного Двора, Большой Казны и Аптекарский. Был фактически главой русского правительства с 1633 г. до своей смерти в 1642 г. [5].

Представители Черкасских еще продолжительное время играли значительную роль и при следующих Царях и Императорах – представителях Дома Романовых. Об этом имеется достаточное большое количество публикаций.

В разные исторические периоды взаимоотношения России и Северного Кавказа претерпевали различные метаморфозы, но уже не прерывались.

В связи с тем, что весь спектр взаимоотношений Черкесии и России, черкесов (адыгов), в частности, кабардинцев и представи-

телей царствовавшего в России с 1613 по 1917 годы рода Романовых, в одной публикации охватить не реально. Мы попытаемся показать некоторые аспекты их взаимоотношений в последние несколько лет царствования Романовых.

Как известно, 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 г. Германия, а следом и ее союзница Австро-Венгрия, объявили войну России.

Реакция многих российских мусульман на объявление войны России Германией и Австро-Венгрией, а также на последовавшее нападение Турции и младотурецкое воззвание, была своеобразной. Народы Кавказа оставались свободными от воинской повинности и призыву не подлежали. Однако, известия о начале войны летом 1914 г. всколыхнули Кавказ, и к Наместнику Императора на Кавказе стали поступать многочисленные обращения от делегаций горских народов, желавших принять участие «в войне за Белого Царя» [6].

Еще в Крымской 1853-1856 и русско-турецкой 1877-1878 гг. войнах тысячи горцев Кавказа, в частности адыги-милиционеры, в составе конно-иррегулярных формирований участвовали на стороне России. В русско-японской войне 1904-1905 гг. также имелся опыт использования Кавказской конной бригады в составе Дагестанского и Терско-Кубанского полков, созданной из горцев-добровольцев. Почти половина всадников Терско-Кубанского полка, куда входили: Кабардинская, Осетинская, Ингушская, Чеченская и две Горско-Кубанские сотни, где Кабардинская и две Кубанские сотни в подавляющем большинстве состояли из адыгов (черкесов), за храбрость в боях с японцами получила в награду знаки отличия Военного ордена – Георгиевские кресты, практически все офицеры получили по несколько боевых орденов. За мужество и воинское отличие на этой войне были награждены высочайшей наградой – орденом св. Георгия 4-й степени и Золотым оружием выходцы из Кабарды: капитан Хагондоков Константин Николаевич (Эдыг Исмаилович) [7] и хорунжий Анзоров Мудар Кайсынович [8], каждый, помимо других орденов.

Таким образом, опыт участия горцев Кавказа во внешних войнах России был еще свеж, были живы многие участники последних двух войн.

24 июля 1914 г. собравшимся в Нальчике из кабардинских селений и балкарских обществ доверенных – почетных представителей, начальник Нальчикского округа подполковник Султанбек Клишбиев довел экстренное сообщение о том, что вслед за Германией ее союзница Австро-Венгрия объявила России войну [9].

Почетные представители Кабарды и Балкарии постановили: «1914 года, июля 24-го дня. Слобода Нальчик. Доверенные от селений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ Нальчикского округа, собравшись сего числа в слободе Нальчик для обсуждения вопросов, связанных с существующим положением Российского Государства, вознеся Господу Богу молитвы о здравии и благоденствии Его Императорского Величества Государя Императора и Всего Царствующего Дома, единогласно постановили – обратиться к Начальнику Терской области и Наказному атаману Терского казачьего войска с просьбой по телеграфу: «...Просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и Пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава. Составленный текст телеграммы одобрить и просить начальника округа отправить таковую за своей подписью»[10].

В тот же день, 24 июля Начальник Терской области генерал Флейшер, получив эту телеграмму, сразу же телеграфом передал ее текст в Тифлис Наместнику Царя на Кавказе генералу от кавалерии графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. Наместник, в свою очередь, без промедления известил Императора Николая II о намерении населения Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ сформировать конный полк [11].

О принятом в Нальчике решении в течение нескольких дней узнала вся Россия. Официальный правительственный канал распространения информации – Санкт-Петербургское (переименованное вскоре в Петроградское) телеграфное агентство, передало сообщение 26 июля 1914 года, которое опубликовала газета «Кавказ», выходящая в Тифлисе: «Владикавказ. Представители Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ, выразив верноподданные чувства, постановили просить разрешение Белого Царя сформировать за счет населения Кабарды и Горских обществ конный полк из четырех сотен для отправления на войну»[12].

26 июля Начальник Нальчикского округа подполковник Клишбиев в течение дня получил несколько срочных телеграмм: сначала из Владикавказа от Начальника Терской области генерал-лейтенанта Флейшера, где говорилось: «Наместник разрешил сформировать за счет населения Кабарды и Пяти Горских обществ Нальчикского округа один конный полк четырехсотенного состава. Немедленно приступить к составлению списков посотенно и формированию применительно штату, который высылается. Под-

робности денежного довольствия, офицерского состава запрошены в штабе округа. Душевно поздравляю. Глубоко убежден, что полк покроет себя славой, доблестью, выполнит ожидания Государя Императора»[13].

Следом поступила телеграмма следующего содержания: «Государь Император вполне одобрил и утвердил распоряжения относительно формирования Кабардинского полка и рад горячему порыву населения Кабарды и Горских обществ»[14].

Получивший право на жизнь Кабардинский конный полк стал в 1914 году первой на Северном Кавказе национальной воинской частью, личный состав которой формировался на добровольных началах из горцев – кабардинцев и балкарцев Нальчикского округа. Именно этот факт, ставший известным в стране и на всем Кавказе и одобренный самим царем Николаем II, послужил толчком к принятию в начале августа 1914 года в штабе Кавказского военного округа в Тифлисе, а затем и в высших правительственных кругах России решений о формировании других добровольческих полков из горского населения Кавказского региона[15].

Высочайший приказ Николая II о создании «Кавказской туземной конной дивизии», состоявшей из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского был объявлен 23 августа 1914 г.[16].

Рядовой состав – всадники и унтер-офицеры набирались из добровольцев, представлявших практически весь Кавказ. В Дагестанском полку служили горцы, разговаривавшие на 20 наречиях. На фронт они выступили «по доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы» [17].

Об исключительном внимании Императора Николая II к новой дивизии кавказских горцев свидетельствует тот факт, что командиром ее тогда же, 23 августа, был назначен младший брат Царя – генерал-майор Свиты Его Величества Великий князь Михаил Александрович, родившийся 22 ноября 1878 года[18].

Первоначально на должность начальника дивизии планировался князь Орбелиани, но Наместник на Кавказе просил Николая II в знак внимания и милости к народам Кавказа назначить начальником его младшего брата Михаила – талантливого кавалерийского офицера. Известие о состоявшемся назначении вызвало неподдельный восторг у горских всадников, по свидетельству очевидцев, с гордостью произносивших: «Велики Кенезь Михалка – бират Царя!». Существование дивизии, в рядах которой доблестно сра-

жались дети и внуки тех, кто в XIX веке воевал против русской армии на Кавказе, ... ее яркая история осталась красивым примером братства по оружию и сердечных отношений между русскими и народами Кавказа [19].

«Я очень его любил, как человека, безусловно честного и чистого сердцем... стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь прерогативами Императорской фамилии... Он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг» писал о Великом князе Михаиле Александровиче русский генерал Алексей Алексеевич Брусилов в книге «Мои воспоминания»[20].

Назначенный командиром Кабардинского конного полка полковник Воронцов-Дашков из Нальчика в Гатчину под Петроградом послал 5 сентября 1914 года командиру Кавказской конной дивизии Великому князю Михаилу Александровичу телеграмму следующего содержания: «Доношу Вашему Императорскому Высочеству – Кабардинский полк сформирован и приступает к занятиям. Понеделник полк выступает в лагерь Прохладная, в трех верстах от станции. Прошу известить день выезда»[21].

Через три недели, в субботу утром 27 сентября Великий князь Михаил Александрович прибыл в Прохладную и немедленно посетил лагерь, где находился Кабардинский конный полк[22].

В тот же день Великий князь Михаил Александрович в лагере под станицей Прохладной «смотрел» и принял Кабардинский конный полк. На состоявшемся затем торжественном обеде почетные представители от Нальчикского округа преподнесли ему шашку[23].

30 сентября 1914 года газета «Терские ведомости» сообщала, что 27 сентября Его Высочество имел остановку на станции Прохладная, где почетные старики-станичники поднесли хлеб-соль и две девичьи казачки – букет цветов[24].

1 октября со станции Прохладной началось отправление Кабардинского полка на фронт.

Через два дня, 29 сентября Великий князь Михаил Александрович – командир Кавказской конной дивизии прибыл в Тифлис, где во дворце Наместника он принимал «депутации» и был заверен следующими словами: «Ваше Императорское Высочество! Мусульмане ... возложили на нас высокую честь приветствовать Вас и выразить свое глубокое счастье по поводу назначения Вас Начальником Кавказской мусульманской дивизии... Смело решаемся доложить Вашему Высочеству, что все мусульмане Кавказа готовы, как один человек, принести в жертву состояние свое и жизнь на благо доро-

гого Отечества...» В ответ Михаил Александрович сказал: «Передайте всем мусульманам Мою благодарность. Я тронут и вполне убежден, что мусульмане оправдают Мою в них уверенность»[25].

Более года Великий князь Михаил Александрович умело командовал дивизией, которая неоднократно отличалась на Юго-Западном фронте и приобрела заслуженную славу во время боев в Карпатах, весной 1915 г., в Заднестровье осенью 1915 г., на Днестре у Гайворонки, во время Луцкого прорыва 1916 г.[26].

«Я был дежурным по (Кабардинскому) полку и, проходя спешно, мимо часового у денежного ящика, отдавшего мне честь, сделал шаг ближе и машинально протянул руку, чтобы убедиться в целостности печати – мне показалось, что она не в порядке. В то же мгновение надо мной сверкнула шашка часового. По-русски он не знал ни слова. Но устав знал твердо. В племенном отношении состав офицеров был смешанный. Кроме русских были грузины, осетины, кабардинцы и балкарцы. Первые же бои выдвинули много отличившихся всадников, произведенных в прапорщики, однако в Кабардинский полк принимали только по постановлению общества господ офицеров, так же, как и вновь производимых из училищ ... Отношения среди офицеров были чрезвычайно дружеские и сердечные. Никому в голову не приходило считаться с национальными или религиозными особенностями. Все чувствовали себя русскими офицерами, членами одной и той же семьи»[27].

«Великий князь Михаил Александрович посетил в госпитале умирающего горца. Когда Великий князь отошел от кровати, умиравший произнес: «Через глаза нашего Михаила сам Бог смотрит»[28].

После событий Февральской революции 1917 г. разнужданность новых революционных властителей и преследование всего, что имело заслуги перед Россией и Государем, наконец, злобное издевательство в отношении самого монарха, вызвало наивное: «Они, – не хотели слушать Царя и отняли у него Престол. Напиши ему – пусть едет к нам, в Кабарду, мы его прокормим и защитим»[29].

Служить в столь необычном соединении считалось почетным и далеко не всем предоставляемым правом. Дикая дивизия совмещала несовместимое, в ней служили офицерами, по крайней мере, порядка двух десятков национальностей. Были французы – принц из департамента Сены подполковник Наполеон Мюрат – помощник командира Ингушского полка – правнук знаменитого маршала Франции (мать «принца Напо» происходила из знатного княжеского грузинского рода Дадзиани) и полковник Бертрен, двое итальянских маркизов – братья

Альбицци, бывший офицер прусской армии поляк – князь Станислав Радзивилл, персидский принц Фазула-Мирза, представители русской знати, закавказских и горских князей, финских, шведских и прибалтийских баронов. И многие офицеры в черкесках могли увидеть имена свои на страницах Готского альманаха. Дивизия сформирована была на Северном Кавказе. В четыре месяца обучили ее и бросили на австрийский фронт. Еще только двигалась она на Запад эшелон за эшелон, а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочные заграждения и окопы. Неслась по венгерской равнине к Будапешту и Вене. Говорили, что на русском фронте появилась страшная конница откуда-то из глубин Азии. Среди снискавших позднее славу и известность – генерал-майоры князя Багратион, Хагондоков, Вадбольский, полковники князь Амилахвари, граф Воронцов-Дашков, князь Святополк-Мирский, Султан Крым-Гирей, подполковник князь Чавчавадзе и др. В дивизии служили потомок царей Иверии Светлейший князь Георгий Грузинский, известный всей России редактор «Нивы», критик и знаток балета Ивлев (Светлов), черкесский (кабардинский) князь Бекович-Черкасский, и мн. Другие [30].

И хотя большинство всадников совсем не говорили по-русски, взаимопонимание между чинами дивизии было полным, чему в немалой степени способствовали прикомандированные к каждой сотне прапорщички горской милиции – представители наиболее уважаемых родов горских селений. Офицеры, чутко относившиеся к вере, традициям и обычаям горцев, пользовались уважением и популярностью, часто перераставшими в привязанность. История «Дикой дивизии» не дала ни единого случая дезертирства [31].

16 октября Император Николай II направил из Петрограда в штаб командиру Кавказской конной дивизии Великому князю Михаилу Александровичу телеграмму следующего содержания: «Передайте представителям племен, формировавших полки Кавказской конной туземной дивизии, Мою радость по поводу выступления частей в поход, а также и Мою уверенность, что полки проявят на деле воинскую доблесть». В тот же день Михаил Александрович по телеграфу передал текст царской телеграммы в Тифлис Наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову, сопроводив ее словами: «Прошу Ваше Сиятельство сообщить вышеуказанным племенам Кавказа о таком внимании к ним Его Императорского Величества» [32].

За выдающиеся воинские подвиги как самого командующего, так и его подчиненных «в период январских боев за обладание проходами в Карпатах, подвергая свою жизнь явной опасности и будучи

под шрапнельным огнем противника, примером личной храбрости и мужества воодушевлял и ободрял войска своего отряда, причем выдержал с 14-го по 25-е января натиск превосходящих сил противника на весьма важном направлении – на Ломна – Старое Место, а затем при переходе в наступление активным действием содействовал успешному его развитию», Высочайшим приказом от 5 марта 1915 года командующий Кавказской конной туземной дивизии Великий князь Михаил Александрович был награжден орденом св. Георгия 4-й степени [33].

В приказе по дивизии № 33 от марта 1915 года Великий князь Михаил Александрович, в связи с полученной им телеграммой о награждении его орденом св. Георгия, заявил: «этой высокой боевой наградой Я всецело обязан самоотверженной работе всех чинов дивизии, от генерала до последнего всадника, которым за их доблестную службу выражаю самую сердечную благодарность» [34].

Неоднократно бывавший в Кавказской конной дивизии военный корреспондент журнала «Нива» Николай Брешко-Брешковский, хорошо знавший многих офицеров, приехав на ее позиции и в конце июля 1915 года, в вышедшем 22 августа 1915 года опубликовал знаменитый очерк «Кавказские орлы в Галиции», посвященный ставшей широко известной в России Кавказской конной дивизии [35].

Брешко-Брешковский, после посещения соединения писал: «...на встречу ... дивизии кавказских орлов, о подвигах которых у нас в Петрограде успели сложить легенды... Штаб дивизии кавказских орлов, слетевшихся на этой галицийской равнине из Осетии, Чечни, Кабарды и Абхазии, отовсюду из горной страны прирожденных воинов, с детства джигитующих и владеющих пашкой, помещается в небольшом местечке... На каждом шагу попадают – вот уж никак неожиданно-негаданно здесь – всадники Туземной Кавказской дивизии. Одни в нарядных черкесках, другие попросту в черных бешметах, оружие – пашки, револьверы и кинжалы в серебре. Коричневые папахи лихо откинута назад на бритых головах, и лица, обожженные солнцем, с таким резким очертанием линий, говорящих о другой далекой стране и других небесах, улыбаются с наивным приветом... Прирожденные воины... Бранное поле со всеми кровавыми переживаниями – родная стихия для них. Безмерная храбрость и такая же выносливость. Под стать легендарным кавказцам, и доблестный вожь их, Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Александрович... Горцы, все как на подбор лихие джигиты, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то беззаветным восточным фанатизмом боготворят своего вож-

дя. И когда перед сотнями их появляется Великий Князь – смуглые горбоносые лица как-то просветляются вдруг под косматыми, ужас наводящими на врага, папахами. Между собой они любовно называют Великого Князя «наш Михаил»... Великий князь поименно знает всех своих офицеров, до прапорщиков включительно»[36].

Далее Брешко-Брешковский пишет: «Слетевшиеся из Чечни, Кабарды и Осетии на бранный пир кавказские орлы, хотя и привезли с собой свои партизанские повадки, свою одиночную, если так можно выразиться, удасть, но это нисколько не мешает им представлять собою стройную, регулярную, хорошо обученную часть... Стихийной, бешеной лавиной кидаются они, артистически работая острым, как бритва, кинжалом против штыков и прикладов... и об этих атаках рассказывают чудеса. Австрийцы давно прозвали кавказских орлов «дьяволами в мохнатых шапках». И действительно, одним своим видом, таким далеким от какой бы то ни было общеевропейской военной формы, кавказцы наводят на неприятеля панику... Каждый полк, каждая сотня – дружная, тесно сплотившаяся семья. Семья порою в буквальном значении этого слова, ибо многие всадники – близкая родня между собою... Остальные же – товарищи детских воинственных игр одного и того же аула. Эта тесная сплоченность и дружба особенно ярко сказывается в минуту опасности. Каждый считает священным долгом поддержать другог о в беде, заслонить своей грудью, принять на себя удар, молодецки отразить его... такая чисто уже легендарная неустранимость и храбрость дивизии, по праву»[37].

В приказе № 100 от 17 марта 1916 г. Кавказской туземной конной дивизии приводится приказ Августейшего бывшего командующего дивизией Великого князя Михаила Александровича: «Полтора года тому назад волею Государя Императора Я был поставлен во главе Кавказской туземной конной дивизии, с которой отныне связан неразрывными узами совместной боевой службы Царю и Родине в переживаемые военные дни, командуя которой заслужил орден св. Георгия 4-й степени, Георгиевское оружие и орден св. Владимира 3-й степени с мечами. С глубоким волнением и сердечной благодарностью вспоминаю геройскую службу всех чинов дивизии, от генерала до последнего всадника и солдата, в течение истекшего с тех пор времени. Памятны Мне первые дни тяжких зимних боев в Карпатах... блестящие боевые действия весной на реках Днестре и Пруте, непрерывной цепью проходит в Моей памяти ряд боев в июле, августе и осенью 1915 года у Шупарки, Новоселка-

Костюкова, в районе Доброполе и Гайворонка, увенчанные блестящими делами, каковые составляют одну из лучших страниц истории нашей конницы. За это время чины дивизии были удостоены награждения: 3 офицеров ордена св. Георгия, в том числе павший смертью храбрых доблестный командир Чеченского конного полка полковник Святополк-Мирский – ордена св. Георгия 3-й степени; 3 офицеров – Георгиевского оружия; 3744 всадника и нижних чинов Георгиевскими крестами и 2344 всадника и нижних чинов Георгиевскими медалями. Пожалованные Мне высшие знаки отличия отношу всецело к доблестной работе дивизии. О самоотверженной боевой работе дивизии свидетельствуют цифры понесенных ею потерь: за это время убито и умерло от ран 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов, ранено и контужено 144 офицера, 1438 всадников и нижних чинов. Вечная память героям, своей смертью в бою запечатлевшим великий подвиг служения Царю и Родине. Неисчислимы все отдельные подвиги героев-кавказцев, представителей доблестных народов Кавказа, своей беззаветной службой явивших непоколебимую верность Царю и общей Родине и увековечивших неувядаемую славою молодые кавказские полки, ныне закаленные в кровавых боях. Пусть слава о них будет воспета в аулах родного Кавказа, пусть память о них навеки живет в сердцах народа, пусть заслуги их будут записаны для потомков золотыми буквами на страницах Истории. Я же до конца Моих дней буду гордиться тем, что был начальником горных орлов Кавказа, отныне столь близких моему сердцу... Еще раз благодарю Вас всех, мои дорогие боевые соратники, за вашу честную службу...»[38].

2 сентября 1916 года полковник Старосельский в приказе по полку объявил для всадников и офицеров телеграмму Великого князя Михаила Александровича: «Искренне благодарю Вас и славный Кабардинский полк за молитвы и выражение чувств. Со своей стороны, моему сердцу навсегда дорога память о совместной боевой службе с доблестными кавказскими полками. Шлю Кабардинскому полку горячий привет и пожелания дальнейшей боевой славы»[39].

В конце декабря отбыл из Румынии в Петроград бывший командир Кавказской конной дивизии, генерал-адъютант Великий князь Михаил Александрович, с начала января 1917 года назначенный генерал-инспектором российской кавалерии... Из Петрограда от Михаила Александровича на имя командира дивизии придет телеграмма: «Сердечно приветствую Вас с Новым годом. Всей душой скорблю о потерях, понесенных Моей славной и доблестной дивизи-

зией; буду ходатайствовать об отдыхе. Прошу Мне сообщить подробнее о потерях и делах дивизии»[40].

В конце 1915 года в правительственных кругах в Петрограде рассматривался вопрос о новом назначении генерала из кабардинцев Константина Николаевича Хагондокова. Именно с этим обстоятельством и связана телеграмма, отправленная 23 декабря начальником штаба Кавказской конной дивизии генерал-майором Юзефовичем: «Петроград. Директору Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Полковник Хагондоков ныне произведен генерал-майоры и состоит начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса. Посему за высылкой послужного списка и аттестата благоволите обратиться к командиру названного корпуса»[41].

10 января 1916 года генерал-майор Хагондоков, сдав должность начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, отбыл по вызову в Петроград, где уже был решен вопрос о его новой должности и месте службы. Командир Кавказской конной дивизии Свиты Его Величества генерал-майор Великий князь Михаил Александрович издаст специальный приказ, посвященный Константину Николаевичу Хагондокову, с высокой оценкой его деятельности: «Отсутствие мое из дивизии не дало Мне возможности своевременно проститься с бывшим командиром 2-й бригады генерал-майором Хагондоковым, покинувшим дивизию по случаю нового назначения. Генерал-майор Хагондоков, приняв начальствование над бригадой в самом начале ее формирования, со свойственными ему энергией и знанием дела в короткое время обучил бригаду и привил ей те высокие качества, которые бригада показала в ряде блестящих дел»[42].

И далее Великий князь указывал, как героически сражались полки 2-й бригады под командованием Хагондокова, начиная с «боевого крещения бригады 19 декабря у дер. Верховина-Быстра» и затем на всем протяжении боевых действий до лета 1915 года, когда он стал во главе штаба 2-го кавалерийского корпуса[43].

«С глубокой признательностью вспоминаю доблестную боевую работу генерала Хагондокова на пользу дивизии, – посчитал своим долгом сказать Великий князь Михаил Александрович. – Желая глубокоуважаемому Константину Николаевичу полного благополучия и дальнейшего успеха»[44].

Высочайшим приказом Императора Николая II от 20 января 1916 года генерал-майор Хагондоков был назначен военным губернатором Амурской области и Наказным атаманом Амурского ка-

зачьего войска. В феврале, приехав в областной центр Благовещенск, он приступил к своим обязанностям [45].

По службе в Кавказской конной дивизии Константин Николаевич близко знал Великого князя Михаила Александровича, младшего брата Царя. В то же время Хагондоков был лично знаком с самими Императором и Императрицей Александрой Федоровной, которая в письме к Николаю II даже называла его своим другом[46].

Из вышедшего в Москве–Ленинграде в 1927 году «Переписки Николая и Александры Романовых. 1916-1917 годы» пятитомника видно, что осенью 1916 года Императрица Александра Федоровна предпринимала действия, чтобы назначить Константина Николаевича Хагондокова градоначальником Петрограда, лицом, облаченным правами губернатора столицы Российской империи. Должность эта находилась в ведении Министерства внутренних дел, которое в этот период возглавлял Александр Дмитриевич Протопопов. Товарищем (заместителем) министра ВД был князь Владимир Михайлович Волконский, с которым Хагондоков был хорошо знаком. В конце сентября Императрица Александра Федоровна узнала о планах князя Волконского назначить генерал-майора Хагондокова Петроградским градоначальником. Поддерживая выдвижение кандидатуры «Хагондокова», она говорила о нем с «Другом» семьи Григорием Ефимовичем Распутиным. 26 сентября 1916 года Александра Федоровна послала телеграмму в Могилев, в Ставку Николаю II: «Хагондокова рекомендую на место, о котором я писала в письме, которое ты получишь сегодня. Согласно справке, возможно, что он будет наиболее подходящим» [47].

Николай II также получил письмо от Александры Федоровны от 26 сентября: «...Протопопов предложил на место Оболенского моего друга Конст. Ник. Хагондокова, т.е. В. Волконский предлагает его. У меня имеется полная справка о нем (хотя мы и знаем его), и она вполне благоприятная. Он сейчас состоит Военным губернатором и Наказным атаманом Амурского казачьего войска, он проделал Китайскую кампанию, японскую и эту войну, участвовал в усмирении восстания в Манджурии в 1900 году. Он, вероятно, мой ровесник или даже моложе, в службе (офиц.) с 10 августа 1890 года, имеет все военные знаки отличия, какие только дают в его чине. Наш Друг говорит, что если он нам предан, то почему же не назначить его? Я страшно была изумлена, мне никогда не снилось, чтоб можно было назначить его на это место. Он в чине ген.-майора. Быть может, это лучше, чем Андр[иан], у которого, конечно, есть враги. Мне помнит-

ся, что Хагандоков говорил мне, что вышел в отставку из-за болезни почек, но эта служба не утомительна – требуется энергичный человек, а его белый [Георгиевский] крест тоже должен производить впечатление»[48].

В тот же день из Ставки ушло письмо Николая II Александре Федоровне: «... В среду я приму Прот[опопова] и поговорю о Петроградском градоначальнике... Твой друг Хагандоков назначен атаманом Амурского казачьего войска! Всего лишь несколько месяцев назад! Я, право, не знаю, как он был бы как градоначальник»[49].

27 сентября 1916 года Александра Федоровна вновь пишет супругу о Хагандокове, считая возможным отозвать его с поста Амурского военного губернатора: «Если бы можно было отпустить сюда Хагандокова, то было бы хорошо; по крайней мере его военные ордена подадут на то надежду, – все же, может быть, ты найдешь другого на его место...»[50].

Константин Николаевич Хагандокова на пост Петроградского градоначальника не был назначен. Одной из главных причин этого современники считали то, что, приехав в октябре по делам службы в Петроград, он где-то неодобрительно отозвался о всесильном Распутине, и это дошло до Императрицы [51].

Его имя еще дважды встречается в письмах Александры Федоровны Николаю II. Через месяц, 26 октября она писала, что ей в этот день предстоит принять несколько человек, в их числе и Хагандокова. На следующий день Императрица в письме поделилась с супругом, как прошла ее встреча с Константином Николаевичем: «Хагандоков выглядит как и прежде, только похудел, и лицо у него хитрое, – он привел меня в смущение тем, что представил мне вести разговор. Я говорила исключительно о Сибири» [52].

Это была последняя встреча Императрицы Александры Федоровны и Хагандокова перед предстоящей Февральской революцией и падением Дома Романовых. Из Петрограда Хагандоков возвратится в Благовещенск и вплоть до Февральской революции оставался в должности военного губернатора Амурской области и Наказного атамана Амурского казачьего войска [53].

2 марта 1917 г. передав «наследие» своему брату Михаилу Александровичу, бывшему командиру Кавказской конной дивизии, Император Николай II отрекся от престола. Однако и Михаил Александрович 3 марта отказался от престола и обратился с Манифестом к народам России.

Манифест Великого князя Михаила Александровича Романова был распространен Петроградским телеграфным агентством по всей стране. 6 марта его опубликовал в приказе по Кавказской конной дивизии генерал-лейтенант Баграцион.

«...Одушевленный одною со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную Власть, если такова будет воля Великого Народа нашего, которому подлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»[54].

Корнет Кабардинского полка Алексей Арсеньев в своих воспоминаниях писал: «Отречение Государя от престола потрясло всех; того «энтузиазма», с которым все население, по утверждению творцов революции, «встретило ее», не было; была общая растерянность, вскоре сменившаяся каким-то опьянением от сознания, что теперь – «все позволено». Всюду развевались красные флаги, пестрели красные банты. В Дикой Дивизии их не надели – кроме обозников и матросов-пулеметчиков...» [55].

Революционные события в Петрограде существенных перемен в жизнь Кавказской конной дивизии, которой еще недавно командовал Великий князь Михаил Александрович, не внесли. Весь ее командный состав оставался на своих местах. Стабильной была обстановка как в целом по дивизии, так и в ее полках, состоявших из всадников-добровольцев, объединенных крепкими узами землячества и родственными отношениями. Здесь, как и прежде, сохранялись твердая воинская дисциплина и верность воинскому долгу, уважение всадников к своим командирам, многие из которых, начав войну рядовыми «охотниками», за боевые заслуги получили офицерские чины. В то же время в целом по российской армии, все более подвергавшейся массовой пораженческой пропаганде «революционных сил», катастрофически падала дисциплина, росло неповиновение командирам. А это несло с собой то, что ломался стержень, на котором всегда держалась и держится любая армия, – воинская дисциплина и служебная субординация. И совсем скоро в поддавшейся разложению армии, в ее полках и дивизиях массовый характер примут дезертирство, самовольное оставление боевых позиций, дикие расправы «революционных» солдат над своими командирами [56].

Командир дивизии Великий князь Михаил Александрович в феврале 1918 года по распоряжению Совнаркома РСФСР был задержан

в Гатчине, где жил, и отправлен в ссылку в Пермь. Спустя четыре месяца, в ночь на 12 июня, расстрелян [57].

Отголоски бурных политических событий 1917 г. еще долго находили отголоски на периферии России.

Бывший офицер Кабардинского конного полка Арсеньев писал: «После событий февральской революции 1917 г. разнужданность новых революционных властителей и преследование всего, что имело заслуги перед Россией и Государем, наконец, злобное издевательство в отношении самого монарха, вызвало наивное: «Они, – не хотели слушать Царя и отняли у него Престол. Напиши ему – пусть едет к нам, в Кабарду, мы его прокормим и защитим» [58].

А вот как отразились в различных источниках события, имевшие отношение к созданию легендарной Кавказской туземной конной дивизии и роли Романовых в этом.

«Воронцов-Дашков объявил, что младший брат Государя, Михаил Александрович вернулся из-за границы и заявил Государю и военному министру: «Я вернулся в Россию. В то время, когда моя Родина обливается кровью, я считаю для себя позором находиться за границей, сидеть за бутылкой шампанского. Прощу принять меня не как Великого князя, а как обыкновенного рядового полковника и дать мне один из кавказских полков». Этим Великий князь Михаил Александрович хочет искупить свои грехи. Великий князь Михаил Александрович женился на обыкновенной гражданке г. Москвы, дочери нотариуса, за что, на него обиделась Царская фамилия и все министерство, говоря, что он этим опозорил дом Романовых, и лишили его звания, наследства и права проживать в России, пока от нее не откажется. Михаил Александрович не хотел их слушать и уехал за границу» [59].

«Далее, Воронцов-Дашков объявил: «И вот обращаюсь к Вам, кто из вас первый отзовется на формирование добровольного конного полка имени Великого князя Михаила». Тогда первым отозвался начальник Нальчикского округа полковник Султан-Бек Клишбиев, вторым отозвался полковник Кизан-Алипов – чеченец, который служил начальником округа и при Наместнике, третьим – ингуши, четвертым – дагестанцы, пятым – черкесы, шестым – бакинские татары, седьмым – абхазцы дали сотню, которая влилась в Кабардинский конный полк [60].

В полк, когда он стоял лагерем в ст. Прохладной, приехал Великий князь Михаил Александрович, которого встретили представители Кабарды и Балкарии, поехавшие в Прохладную. Туда же были

приглашены княжеские и дворянские дочери, и двое суток было устроено гулянье в честь приема полка Михаилом Александровичем. Как особо почетному гостю, в честь Михаила Александровича был зарезан годовалый жеребенок, которого сварили, пожарили, из внутренностей сделали колбасы, а жеребенок целиком был подан гостям, во главе которого стояли Михаил Александрович, полковник Бертрэн-англичанин [61], которого Михаил привез с собой и назначил командиром 1-го эскадрона. Личный адъютант его Хан Эриванский [62], а также князь Наурузов [63], Магомет Шалбаров [64], Хабиж Абдурахманов [65], привезли более 30 фазанов, которые были на второй день поданы во время обеда с кабардинской красной настоящей бузой [66].

«...прапорщик Кабардинского конного полка Дикой дивизии Кучук Балкаров состоял всю компанию Германской войны личным постоянным ординарцем генерала князя Багратиона – зам. великого князя Михаила Романова ... Балкаров в автобиографии упустил, что он в Японскую кампанию получил три Георгиевских креста за боевые отличия и был произведен в юнкера, в Германскую кампанию – в Кабардинском полку Дикой дивизии за боевое отличие произведен в прапорщики и получил четвертый Георгиевский крест и серебряную медаль 4-й степени, так же, что был личным ординарцем князя Багратиона, начальника «Дикой дивизии». И когда я ему сказал, почему это скрываешь, нужно правду говорить, если ты честный партиец. Он сказал, что не надо все показывать, а то ... Балкаров сказал, что он бежал из Австрии с фронта. Это не правда, когда дивизия шла в Ленинград на Временное правительство, на ст. Дно приехали из Ленинграда представители кавказских наций, и всадников «Дикой дивизии», уговорили не ехать в Ленинград, на своих братьев и матросов, а ехать к себе на Кавказ... Багратион Балкарову, как личному ординарцу и верному преданному, поручил все свои вещи и приказал взять в Кабарду денщика, вещи и двух его верховых лошадей (английскую и англо-арабскую) и верховую лошадь Великого князя Михаила, которую преподнесли ему кабардинцы из завода Тавкешева, и быть в Нальчике до его приезда. Балкаров уехал с дивизией с вышеупомянутыми, и сохранял их в Нальчике с 1918 г. ... лошади и вещи Великого князя Михаила и князя Багратиона были отправлены к князю Наурузову, в селение Наурузова. Все это Балкаров скрывает ...» [67].

Примечания

1. *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб, 2006, С. 274; *Овчинников В.Д.* Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003, С. 5.

2. *Сокуров В.Н.* Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус, № 1 (10), 1999. Нальчик, 1999, С. 127.

3. *Сокуров В.Н.* Там же; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Том I (Далее – КРО). М., 1957, С. 47, 383, 385, 401, 408; КРО, т. II, С. 147; ЦГА КБР, ф. 1209, оп. 13, д. 3 («Документы о происхождении Кабардинских владельцев»); Там же, д. 20; РГВИА, ф. 14719, оп. 2, д. 38; Черкасский Б.М. О роде князей Черкасских // Эльбрус, № 1 (10), 1999. Нальчик, 1999, С. 89; *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007, С. 85–87; К истории герба рода князей Черкасских // Генеалогия Северного Кавказа, 2005, № 13, С. 94, 95; Из книги «Описание храма пресвятой Богородицы Новоспасского монастыря» // Генеалогия Северного Кавказа, 2005, № 13, С. 101, 102.

4. *Сокуров В.Н.* Указ. Соч., С. 128; КРО, т. I, С. 131, 140, 141, 182, 183, 190, 383, 384, 386, 412, 425; КРО, т. II, С. 147; *Черкасский Б.М.* О роде князей Черкасских // Эльбрус, № 1 (10), 1999. Нальчик, 1999, С. 88; Кабардино-Балкарская Республика: Сквозь столетия. Нальчик, 1995, С. 23; *Опрышко О.Л.* По тропам ..., С. 81–85.

5. КРО, т. I, С. 142, 168–383, 385, 408, 425; Там же, т. II, С. 147; *Сокуров В.Н.* Указ. Соч., С. 127; *Черкасский Б.М.* Указ. соч.; *Опрышко О.Л.* По тропам ..., С. 87–91; Кабардино-Балкарская Республика: Сквозь ..., С. 23; *Думанов Х.М.* Почетное знамя (Страницы из прошлого) // Генеалогия Северного Кавказа, 2005, № 13, С. 97.

6. *Александров К.* «Тебе боится – не спи. Моя – мужчина. Моя – не боится. Спать будет» // Информационное агентство «Белые Воины», Посев 9.02.2005

7. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М., 2004, С. 367; Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788–1913. М., 2007, С. 378, 537.

8. Военный орден Святого ..., С. 358; Исмаилов Э.Э. Указ. соч., С. 373, 526.

9. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия 1914–1917 годы. Возвращение из забвения. Нальчик, 2007, С. 7–9.

10. Там же, С. 9.

11. Там же, С. 9–10.

12. Там же, С. 10.

13. ЦГА КБР, ф. И-6, оп. 2, д. 75 т. 1, л. 31.

14. ЦГА РСО-А, ф. 54, оп. 10, д. 296, л. 11.

15. *Опрышко О.Л.*, Кавказская конная..., С. 10.

16. ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 27, л. 299.

17. *Александров К.*, Указ. публ.

18. *Опрышко О.Л.*, Кавказская конная..., С. 11.

19. *Александров К.*, Указ. публ.

20. *Опрышко О.Л.*, Кавказская конная..., С. 11.

21. Там же, С. 24.

22. Там же, С. 28.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же, С. 31.

26. *Александров К.* Из воспоминаний офицеров Кавказской туземной конной дивизии // Информационное агентство «Белые Воины», Посев 9.02.2005.

27. Там же.

28. Там же.

29. Там же.

30. *Опрышко О.Л.*, Кавказская конная..., С. 57; *Александров К.*, Указ. публ.

31. *Александров К.*, Указ. публ.

32. Терские ведомости, 1914, 23 октября.

33. Кавказ, 1915, 19 марта; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М., 2004, С. 644.

34. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная..., С. 92.

35. *Брешко-Брешковский Н.Н.* Кавказские орлы в Галиции // Нива, 1915, № 34.

36. Там же.

37. *Брешко-Брешковский Н.Н.*, Указ. соч.

38. РГВИА, ф. 3530, оп. 1, д. 91, лл. 131–131-об; *Опрышко О.Л.*, С. 240–241.

39. РГВИА, ф. 3641, оп. 1, д. 51, л. 91; *Опрышко О.Л.*, С. 293.

40. ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 38, л. 12; *Опрышко О.Л.*, С. 313.

38. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная..., С. 180.

39. Там же, С. 293.

40. Там же, С. 313.

41. РГВИА, ф. 3530, оп. 1, д. 128, л. 902.

42. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная..., С. 235.

43. Там же.

44. РГВИА, ф. 3530, оп. 1, д. 91, лл. 169–169-об.

45. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная..., С. 235.

46. Там же, С. 236.

47. Цит. по *Опрышко О.Л.*, С. 236.

48. Там же, С. 236-237.
 49. Там же, С. 237.
 50. Там же, С. 237.
 51. Там же, С. 237.
 52. Там же, С. 237.
 53. Там же, С. 237-238.
 54. ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 38, л. 73-об; *Опрышко О.Л.*, С. 324-325.
 56. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная..., С. 325.
 57. *Платонов О.* Убийство царской семьи. М., 1991, С. 74, 75.
 58. *Александров К.*, Указ. публ.
 59. Архив УФСБ России по КБР, ф. 10, оп. 1, д. 64, л. 4.
 60. Там же.
 61. Подполковник Бертрэн Гавриил Алексеевич на самом деле был французом.
 62. Поручик лейб-гвардии Хан Эриванский Керим Аббас-Кули – потомок персидского наместника – сардара в Эривани.
 63. Имеется в виду кабардинский князь прапорщик Наурузов Таусултан Магометович.
 64. Здесь – крупный кабардинский коннозаводчик Шалбаров Магомед Хакаяшевич.
 65. Имеется в виду внук генерала из кабардинцев Абдрахманова Фицы – Абдурахманов Хабиж Хажибекирович, позднее ставший штабс-ротмистром.
 66. Архив УФСБ России по КБР, ф. 10, оп. 1, д. 64, лл. 5-6.
 67. Там же, лл. 7-8.

**О наводнении в станице Бакинской
 Псекупского полка Кубанской области в 1866 году и о
 пожертвовании
 Императрицей Марией Александровной
 иконы двенадцати великих праздников
 жителям станицы в 1868 году**

*...настоящее Божие чудо происходит тогда,
 когда душа человека готова его принять,
 готова поверить в Бога, пойти за Ним.
 И тогда, в помощь ей Господь посылает чудо –
 чудо избавления от опасности,
 помощи в трудной ситуации и даже исцеления [1].*

В июле 1856 г. главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом был назначен князь Александр Иванович Барятинский (1815-1879), в августе он был утвержден в должности наместника Кавказского. Через три года весь Восточный Кавказ был покорен, а неуловимый до этого Шамиль – взят в плен. Одновременно с решительными действиями на Восточном Кавказе, велась война и в Западной части этого края, приведшая к покорению многих племен, живших между реками Лабою и Белою [2].

В 1860 г. командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории был назначен генерал Николай Иванович Евдокимов (1804-1873). Руководя действиями Адагумского, Даховского и Пшехского отрядов, прорубавших просеки и уничтожавших непокорные аулы, он к весне 1863 г. овладел значительной территорией, на которой было водворено до 4 тыс. казачьих семей в 24 новых станицах. В течение лета 1863 г. Н.И. Евдокимов перенес передовую линию на реки Пшеха и Курджипс, что вынудило абадзехов сложить оружие. Стесненные в узком пространстве между крутыми склонами Главного Кавказского хребта и Черным морем, Абхазией и течением Пшады, убыхи, джигеты и шапсуги вынуждены были подчиниться требованиям генерала Евдокимова. 21 мая 1864 г. пять русских колонн соединились в урочище Кбаадэ, что привело к завершению многолетней Кавказской войны [3].

После окончания войны в 1864 г. долина Псекупса стала заселяться станицами Псекупского полка. В этом ряду казачьих станиц, осев-

ших на месте сожженных абадзехских аулов, самой нижней оказалась Бакинская, образованная на месте аула Ашугабль, славившаяся лесной промышленностью. В этом месте Псекупс уже становился судоходным и потому абадзехи производили здесь сплавы леса к Кубани на продажу казакам. Нужно сказать, что водворение на этих землях казаков сопровождалось повальными болезнями, неурожаями хлеба, нападениями хищных зверей и наводнениями, не считая других невзгод, затруднявших новую жизнь русских людей в горах. Станица Бакинская располагалась на горе, с востока ее окружал лес, а с запада, севера и юга омывали река Псекупс и речка Бакинка. Берега этих рек имели здесь не менее шести саженей отвесной высоты над обычным уровнем летних вод. Станичники в основном занимались земледелием и вывозом леса, имелись и табачные плантации. Климат в станице был влажным и жители нередко страдали от разлива рек, приводивших к наводнениям [4].

Особенность горных наводнений состоит в том, что они происходят как раз в ту пору, когда в других местностях и климатах реки находятся на низком уровне и замерзают. Из таких наводнений самое губительное и памятное было в начале декабря 1866 г., на третий год после основания ст. Бакинской. Поскольку, из всех станиц она была самой низкой, именно здесь наводнение и произвело наибольшее опустошение.

Об этом трагическом событии сохранились не только архивные документы, но и обширная, наполненная красочными описаниями статья, опубликованная в газете Кубанские Войсковые Ведомости 21 декабря 1868 г. (№ 50). К сожалению, автор статьи не подписался своим настоящим именем, а использовал псевдоним «Переселенец», однако, с наибольшей вероятностью, можно предположить, что им был сам Иван Диомидович Попко (1819-1893), историк, генерал Кубанского казачьего войска, в то время полковник, командир Псекупского полка (1864-1871), о чем говорит тот факт, что в отчете командира полка И.Д. Попко от 12 декабря 1868 г. № 6565 и в указанной статье в КВВ, слово в слово, повторяется один и тот же факт, на котором автор особенно заостряет внимание, а именно: о победоносном переходе через реку Псекупс в 1863 г. в районе ст. Бакинской Августейшего главнокомандующего (в данной работе эта фраза приводится при цитировании отчета И.Д. Попко от 12.12.1868 и выделена курсивом).

В наше время исследованием данной темы занимался старший научный сотрудник Государственного научно-творческого учрежде-

ния Краснодарского края «Кубанский казачий хор» М.В.Семенцов, научный редактор и составитель сборника «Дикаревские чтения (13). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год» (Краснодар, 2007), а также других сборников этого цикла. В сборнике опубликован обширный труд М.В. Семенцова «Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв.», наполненный богатым фактическим материалом, в котором дается подробная характеристика экологической обстановки на Кубани в указанный период. В частности, здесь же говорится и о зимнем наводнении 1866 г. в станице Бакинской, происшедшем из-за разлива реки Псекупса, «а также о происходившем в то время в станичной церкви молебствии, при начале которого вода быстро пошла на убыль» [5].

Настоящий труд представляет собой попытку, опираясь на архивные документы и указанные материалы, напомнить о событии, имевшем место в станице Бакинской в 1866 г. и о пожертвовании иконы Двенадцати Великих праздников Императрицей Марией Александровной для станичной церкви в 1868 г. Результатом этого явилось образование новой славной традиции в ст. Бакинской, что также внесло определенный вклад в многоцветие традиционной культуры Кубанского казачества.

Наводнению предшествовали бури и дожди с моря, продолжавшиеся непрерывно в течение недели. С наступлением декабря все горные реки в полковом округе вышли из берегов. Особенно бурным при этом было разлитие Псекупса. При станице Ключевой, лежавшей на границе между предгорьями и нагорным краем, река представляла бушующее озеро, более версты в поперечнике. Ниже, при станицах Саратовской и Бакинской, где крутые берега реки имеют не менее шести сажен отвесной высоты над обыкновенным уровнем летних вод, оба побережья во многих местах были залиты. Двадцать дворов в ст. Бакинской, ближайших к речному руслу, подверглись наводнению, но жители успели спастись, дома уцелели, пострадали лишь печи – они были разрушены; сено же и разное хозяйство унесло водой. Внизу от станицы по обеим берегам реки располагались зимовники, в которых находились более зажиточные хозяева с худобой и запасами сена. Несмотря на то, что вода в Псекупсе быстро прибывала, они не тревожились, так как не могли и предположить, что она может преодолеть столь высокие берега. Однако же в ночь на 4 декабря наводнение, достигнув небывалого уровня, хлынуло на зимовники, и вода с оглушительным ре-

вом устремилась на поля. Тогда жители поняли, что единственное их спасение заключается в бегстве, подальше от тех ужасных берегов, еще недавно казавшихся безопасными. Однако вскоре все видимое пространство стало исчезать во мраке ночи и запоздавшие хуторяне, оставив свое добро на произвол судьбы, стали искать спасение на крышах сараев, на деревьях и на стогах сена. В этих убежищах им удалось отсидеться, так как высший наплыв половодья продолжался не более 4-х часов пополуночи. Вода пошла на убыль с такой же быстротой, с какой наступала [6]. Жертвами катастрофы стали только 4 человека, которые не успели уйти или укрыться от наводнения [7].

В это время с того места, где находилась станичная церковь, слышался ранний благовест, – то приходской пастырь священник Константин Четыркин вместе с прихожанами возносил коленопреклоненные молитвы, обращенные к Творцу и Спасителю нашему, Господу Иисусу Христу. Известно также, что в тот день праздновался день Св. Великомученицы Варвары.

Люди, спасавшиеся в зимовниках на крышах строений и ежeminутно ожидающие смерти от подступающих волн, достигавших их последнего убежища, единогласно заявили потом, что в тот самый час, когда слышался благовест, возраставшая с шумом и пеною вода остановилась, успокоилась и, через несколько минут, с удвоенным ревом, устремилась обратно к своему ложу [8]. Воистину, велика сила соборной молитвы!

Наводнение причинило чувствительный ущерб хозяйству перепоселенцев: им было поглощено около 300 голов домашнего крупного и мелкого скота, ок. 200 штук домашней птицы; истреблено значительное количество запасов хлеба и сена, разрушена до основания мельница и вымыты с корнем только что разведенные виноградники. Всех имущественных потерь, понесенных бакинцами, исчислено было на сумму до 6000 рублей. Но потери эти были ничтожны в сравнении с тем, что могла натворить разбушевавшаяся стихия, преодолев преграды, поставленные ей самой природой.

Правительство не замедлило оказать помощь пострадавшим. Когда же, Государыня Императрица Мария Александровна узнала о бывшем в декабре 1866 года в Бакинской станице губельном наводнении, случившемся вследствие разлива р. Псекупса, «а равно и о происходившем в то время в станичной церкви молебствии, при начале которого вода быстро начала убывать, Ея Величество, желая, чтобы в станице сохранилось вящее воспоминание о таковой

милости Божией и о спасительном действии общей молитвы Господу, Августейше соизволила пожертвовать в означенную станичную церковь икону Дванадцати Великих праздников» [9].

12 октября 1868 г. священный дар благочестивой монархини прибыл в атаманскую канцелярию, откуда был препровожден в ст. Ключевую, к командиру Псекупского полка полковнику И.Д. Попко [10].

14 октября икона прибыла в ст. Ключевую, где ее принял под расписку полковой казначей Филатов. В связи с этим полковник И.Д. Попко направил начальнику станицы Бакинской письмо, датированное 20 октября 1868 г. (№ 5535), в котором сообщал об этом событии и просил «для принятия и доставления в станицу означенной иконы, выслать в полковое правление одного из судей и старосту станичной церкви».

Далее в письме говорилось: «Затем не оставьте объявить станичному обществу о таковом Всемиловитейшем даре и распорядитесь открыть подписку в станице на сооружение киота достойного Августейшего этого дара, и на сделание к нему надписи, которая увековечила бы для внуков и правнуков память о Всемиловитейшем пожертвовании и о самом событии, обратившем на себя Высочайшее Ея Императорского Величества внимание ... она, по мнению моему, должна быть вырезана на медной доске, что могут исполнить надлежащим образом станичные художники. Заказ этот я могу сделать в С-Петербурге и в самом непродолжительном времени. На киот и на надпись полагаю потребуется рублей до 150» [11].

Для принятия Августейше пожертвованной иконы в Бакинскую станичную церковь были отправлены станичный судья урядник Колотий и церковный староста казак Дробот [12].

28 ноября 1868 г. икона прибыла в церковь станицы Бакинской. Там она была встречена приходским священником о. Константином Четыркиным, в грозную минуту молившимся об избавлении от потопа, а ныне в светлой ризе вышедшем далеко за станицу со всем станичным населением на встречу грядущей святыне. Сотни рук простирались к Святой иконе, казавшейся ниспосланной свыше, и не прежде она была внесена в храм Божий, как только по окончании с молитвенным пением всех больших улиц станицы. Это радостное явление стало небесным утешением для всех переселенцев после испытаний и скорбей пережитых ими во время наводнения. И радость их была безмерна [13].

Из рапорта командира Псекупского полка И.Д. Попко от 12 декабря 1868 г. № 6565 исправляющему должность наказного атамана

на Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанту Своеву, становится известным, что жители станицы Бакинской «с чувствами благоговейной верноподданнической признательности приняли св. икону Дванадцати великих праздников, Августейше пожертвованную Ея Императорским Величеством в станичную церковь для вящего сохранения в станице памяти, как о спасительном действии общей молитвы, так и о милости Божией, проявившихся при чрезвычайном наводнении, постигшем станицу в 1866 году...» Далее в рапорте сказано следующее: «Этот самый день в настоящем месяце был избран обществом для торжественного празднования в станице, в присутствии командира и других офицеров полка, священного дара Ея Величества, благодарственным молебствием, парадом и крестным ходом, с предношением Августейше пожертвованной иконы. При чем станичное общество в приговоре своем тогда же постановленном, выразило одушевляющие его чувства благоговейной верноподданнической признательности и вместе единодушное желание, дабы ежегодно в 4-й день декабря, по совершении в станичной церкви благодарственного Господу Богу молебствия о здравии и спасении Августейшего Царствующего дома, был совершаем крестный ход в станице, с предношением вышеупомянутой св. иконы.

Глубоко разделяя, как чувства, так и желание, выраженное в приговоре общества станицы Бакинской, и, представляя приговор этот на благоусмотрение Вашего Превосходительства, беру смелость испрашивать дальнейшего представления его по команде на Всемилостивейшее Ея Императорского Величества воззрение, если Ваше Превосходительство соизволите признать это уместным.

Испрашиваю также сношения с Преосвященным Кавказским о преподании разрешения и благословения на установление ежегодного крестного хода в станице Бакинской, в 4-й день декабря, от местной приходской церкви к р. Псекупсу с предношением Августейше пожертвованной иконы и с освящением воды в Псекупсе по чину православной церкви.

При этом не могу пройти молчанием, что Его Императорское высочество, наш августейший Главнокомандующий (здесь имеется ввиду Наместник Кавказский, генерал-фельдцейхмейстер, Великий Князь Михаил Николаевич (1832-1909). – А.Б.), близ того места, где ныне поселена станица Бакинская и где казаки желают совершить крестный ход с водоосвящением, имел в 1863 году победоносный переход через реку Псекупс с боевым отрядом, нанесшим поражение скопищу абадзехов, принадлежащее к числу

последних славных дел, завершивших покорение Западного Кавказа. У казаков живет память об этом деле и она не умрет, коль скоро будет связана с парадной молитвою на тех же берегах р. Псекупса. А открытая молитва с процессией, подобной вышеозначенной, вообще в духе православных русских людей» [14].

К вышесказанному следует добавить, что станичный приговор, упоминаемый в рапорте, подписали: священник Константин Четыркин, начальник станицы сотник Агапов, судья урядник Колотий, за судью урядник Молчанов, урядники отставные – 9 человек, отставные казаки тридцать четыре человека, внутреннеслужащие урядники – пятнадцать человек, военнослужащие урядники – три человека, казаки – девятнадцать человек, малолетки – тридцать четыре человека и хорунжий Головин, а также хорунжий Лысенко, сотники Санин, Нерсесов, Лысенко, есаул Цымлянцов, войсковой старшина Камянский, командир полка полковник Попко [15].

И, наконец, 7 февраля 1869 года из канцелярии Наказного атамана Кубанского казачьего войска пришло сообщение № 364 на имя командира Псекупского полка, в котором излагалось следующее: «По поводу представления мною на разрешение Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армиею рапорта Вашего ко мне от 12 декабря прошедшего 1868 года № 6565 и приговора жителей Бакинской станицы с выражением Верноподданнических чувств по случаю Всемилостивейшего пожертвования Ея Императорским Величеством иконы для церкви той станицы, а равно желания означенных жителей испросить разрешение об учреждении ежегодно 4 декабря крестного хода, начальник штаба Кавказского военного округа от 16 числа истекшего января № 54 уведомил меня, что к совершению такового крестного хода, со стороны Его Высочества препятствий не встречается.

Затем, сделав вместе с сим, сношение с Епископом Кавказским и Екатеринодарским (в то время епископом Кавказским и Екатеринодарским был Феофилакт (Губин), ум. 11.05.1872г.) о надлежащем с его стороны разрешении на учреждение означенного крестного хода, уведомляю Ваше Высокоблагородие обо всем этом для сведения» [16].

Но это сухой официальный отчет. Вот как описывает эти события «переселенец» (вероятнее всего сам командир Псекупского полка И.Д. Попко) в газете Кубанские Войсковые Ведомости, не стесняемый казенными оборотами речи: 4 декабря 1868 г. в станицу Бакинскую прибыли «священнослужители соседней станицы Са-

ратовской, ученики полковой школы и командир полка с офицерами. Местная 3-я Бакинская сотня снарядилась с раннего утра и вышла в строй к параду. К ней пристроилась станичная школа со своим значком. Жители станицы, от старого до малого, наполнили церковь и все пространство, обнесенное церковной оградой. По совершению соборне Божественной литургии, Августейше дарованная икона была вынесена из церкви с хоругвями и святынями, и был совершен крестный ход, по окончании которого, пред боевым строем, пред лицом учащегося поколения и многочисленного народа, совершено было молебствие с возглашением многолетия Их Императорских Величеств и всему Царствующему Дому. Затем все предстоявшие строевые чины, старики, дети и казачки, приложились к святой иконе с миропомазанием, благословляя в своих сердцах Августейшую виновницу станичного праздника, любвеобильную мать Отечества. Торжество завершилось поздравлением и теплым словом, сказанным командиром полка поочередно к народу, к строю и к школьному юношеству. Отовсюду слышался один и тот же задушевный отклик – громкое, восторженное «Ура!». Командир вошел в ряды детей и еще раз обратился к ним со словами: «Вы будете жить детки после нас, когда уж нас не будет на свете; так вам-то пуще наказываю, чтоб крепко помнили и в век не позабыли, что вот, этот честной образ, в золоченой оправе, пред которым мы все теперь молились, соизволила прислать в станицу Государыня Царица Мария Александровна. Завсегда молитесь за нее Богу». – «Будем помнить, будем молиться!», – дружно и радостно отзывались звонкие голоса будущих казаков Государевых. И еще раз общее «Ура!» огласило станицу. А в окрестной горной природе стояла безмятежная тишина и Псекупс едва приметно мелькал в глубине долины, как будто это была и не та река, которая в нынешний день, два года тому назад, натворила столько бед в станице и принесла столько слез с хищною своей волною.

После внесения св. иконы в церковь была отслужена панихида за упокой усопших в этот день станичников, и затем все присутствовавшие при молитве перешли к соборной станичной избе. Здесь, после обычного хлеба-соли, по заранее состоявшемуся решению, был написан общественный приговор, в котором осчастливленные Высокомонаршим даром, казаки станицы Бакинской, служащие и неслужащие, и сиденочные малолетки, выразили одушеворяющие их чувства благоговеющей верноподданнической признательности, и вместе искреннее желание достойно выполнить завещанную им

волю обожаемой Монархини – чтобы пожертвование Ея Величества вяще утвердило в них и в их потомстве христианское памятование о милости Божией и святую веру в промысел Божий, спасающий молящихся в православном единении; для чего постановили испросить благословения епархиального Преосвященного, дабы ежегодно, в 4-й день декабря, по совершении в станичной церкви благодарственного Господу Богу молебствия о здравии и спасении Августейшего Царствующего Дома, был совершаем крестный ход к реке Псекупсу, с предношением Августейше пожертвованной иконы и с освящением воды в Псекупсе по чину православной церкви. «И желаем мы», – сказано в заключении приговора, – «желаем все и от всей силы настоящих радостно-признательных чувств наших выразить и засвидетельствовать, что икону сию мы приемлем как священное благословение нам и детям нашим для продолжения непоколебимо доблестной службы Престолу и Отечеству на указанном нам новом посту в предгорьях Северо-Западного Кавказа, где отцы наши и старшие из нас проливали кровь в боях, тут мы потщимся пролить пот мирного и честного труда, дабы новозаселенный и неустроенный край не замедлил достигнуть предназначенного ему благоустройства, и мы были бы точными исполнителями державной воли Государя Императора, чтобы в горах Западного Кавказа утвердилось русское христианское население».

После этого усердные бакинцы при участии командира и офицеров полка предприняли для Августейше пожертвованной иконы, или, как они выражаются «для дорогого благословения Матушки Царицы», – сооружение приличного киота по рисунку, составленному помощником войскового архитектора В.А. Филиповым. К киоту приготавлилась, на бронзовой, вызолоченной доске, надпись следующего содержания:

«В лето от Р.Х. тысяча восемьсот шестьдесят шестое, а от поселения Псекупского полка третье, месяца декабря с 3 на 4 число, в полуночную пору, станица Бакинская была постигнута наводнением, исшедшем из реки Псекупс и потопившим часть домов в станице, а в юрте оной – прибрежные зимовники жителей. Застигнутые здесь люди, всякого пола и возраста, искали спасения на кровлях строений и вершинах деревьев; но вода ежеминутно прибывала, возвышалась и грозила поглотить спасавшихся в последнем убежище. В сей скорбный час, среди мрака ночи, рева бури и смятения пенящихся волн, послышался погибающим ранний благовест от станичной церкви, где приходской пастырь, с собрав-

шеюся паствою, вознес теплое, коленапреклоненное моление Господу сил. И в самый тот молитвенный час, когда люди, спасавшиеся в зимвниках на крышах строений и ежеминутно ожидающие смерти от подступающих волн, достигавших их последнего убежища, единогласно заявили потом, что в тот самый час, когда послышался блавест, возраставшая с шумом и пеною вода остановилась, успокоилась и, через несколько минут, с удвоенным ревом, устремилась обратно к своему ложу».

«По всеподданнейшем доведении до сведения Государыни Императрицы Марии Александровны о сем гибельном наводнении, равно и о происходившем в станичной церкви молебствии, Ея Императорское Величество августейше соизволила пожертвовать в означенную церковь сию икону двенадцати праздников, дыбы вяще сохранилось в станице воспоминание о явленной милости Божией и о спасительном действии общей молитвы Господу».

«Да исполнится в нас и в потомках наших завет священного и драгоценного дара сего, и да будет, по завету отцов наших, первая наша молитва о Благочестивейшем, Богом хранимом Государе Императоре Александре Николаевиче и Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Александровне, об Августейшем Атамане нашем Государе Наследнике Цесаревиче и Великом Князе Александре Александровиче, и всем Царствующем Доме» [17].

Таким образом, ознакомившись с источниками, мы видим, что в ст. Бакинской Кубанской области, в 1868 г., возникла еще одна добрая народная традиция, закрепляющая в памяти людей чудесное спасительное событие, происшедшее на Кубанской земле вскоре после окончания длительной, жестокой и кровопролитной Кавказской войны. Несомненно, что подобные традиции отражают не только тончайшие черты национального характера русского народа, но и его глубинную сущность, как народа православного и верного традициям своих великих предков. Более того, следует отметить, что чудесные явления, выходящие за рамки материалистического понимания современной науки, являлись одним из важнейших аспектов, оказывавших серьезное влияние на формирование традиционной культуры Кубанского казачества, да и не только казачества, но и всего русского православного народа в целом. При этом чудеса могли быть как истинные, то есть имеющие в себе природу Божественного Света, Духа Святаго, так и ложными, то есть, по определению Русской Православной Церкви, исходящие от лукавого. И, если первые способствовали духовному очищению

человека, исцелению его от тяжелых недугов и укреплению монархической государственности, то последние вырождались в нелепые, бессмысленные, а нередко и вредные суеверия, парализующие волю человека, укрепляющие и лелеющие его гордыню и разрушающие устои государства.

«Если избавление происходит не от Бога, человек теряет что-то духовное, а иногда он, получая исцеление ... приобретает другую, скрытую болезнь, более опасную, чем та, от которой он избавился. Следует всегда помнить слова Господа: «Если кто хочет идти за мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст за душу свою? Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего... и тогда воздаст каждому по делам его (Мф. 16, 24-27)... Дело в том, что настоящее Божие чудо происходит тогда, когда душа человека готова его принять, готова поверить в Бога, пойти за Ним. И тогда в помощь ей Господь посылает чудо – чудо избавления от опасности, помощи в трудной ситуации и даже исцеления» [18].

В заключение хотелось бы добавить несколько слов о том, что в 1876 г. в ст. Бакинской была построена новая деревянная церковь. На ее строительство было затрачено 17000 рублей, из которых 5000 рублей поступили из казны и 5000 от войска. В церкви служил священник Константин Четыркин, получавший жалование от войска 200 рублей 70 копеек, и псаломщик, получавший 51 рубль 42 копейки.

В 6 верстах от храма располагалась причтовая земля (60 десятин). Для хлебопашества она была неудобна (лесиста) и сдавалась в аренду за 400 рублей.

Священнику принадлежал во всех отношениях удобный церковный дом, а псаломщик снимал квартиру за 30 рублей. Имелась школа грамоты, помещавшаяся в здании бывшей станичной школы [19].

В 1930-е годы храм был разрушен. В настоящее время в ст. Бакинской нет действующей церкви, но в душе все же теплится огонек доброй надежды на то, что со временем на этом чудесном месте вновь зазолотятся купола и засверкают кресты нашей неугасимой Русской Веры.

Примечания

1. Православные чудеса последнего времени. Санкт-Петербург, 2003. С. 445
2. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 40-41.
3. Там же. С. 151-152.
4. Справочник по Ставропольской епархии. Составил священник Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1910. С. 381;
5. Семенцов М.В. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения (13). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Материалы Северо-кавказской научной конференции. Краснодар, 2007. С. 98.
6. Кубанские Войсковые Ведомости. 21 дек. 1868. № 50.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 351. Оп. 1. Д. 348. Л. 3.
8. ГАКК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 348. Л. 3-3 об. КВВ. 21 дек. 1868.
9. ГАКК. Там же. Л. 1-1 об.
10. ГАКК. Там же. Л. 1-1об, 6.
11. ГАКК. Там же. Л. 12-13.
12. ГАКК. Там же. Л. 7.
13. ГАКК. Там же. Л. 14-14-об.; КВВ. 21 дек. 1868.
14. ГАКК. Там же. Л. 16-17.
15. ГАКК. Там же. Л. 19.
16. ГАКК. Там же. Л. 20-20-об.
17. КВВ. 21 дек. 1868. № 50.
18. Православные чудеса последнего времени. Санкт-Петербург, 2003. С. 444-445.
19. Справочник по Ставропольской епархии. Сост. Священник Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1910. С. 381.

Кавказское направление геополитики России.

Поступательное движение России на Кавказ медленно, но неуклонно начинается еще в XVI веке с присоединения в 1552 г. Казанского ханства и покорения в 1556 г. Астрахани, обеспечившие выход к Каспийскому морю. При Петре I русские войска дошли до Дербента.

Необходимо подчеркнуть, что выход на кавказскую авансцену Петра I в 1722 г. (Каспийский поход) вызвал сильное неприятие со стороны Османской империи. Как пишет турецкий историк Джемал Гекче в своей работе «Кавказ и Кавказская политика Османской империи», турки рассматривали дальнейшее продвижение Петра I на Кавказ как повод для объявления войны России [1; С. 30].

По мнению О.П. Марковой это явилось одной из причин ухода Петра I с Кавказа [2; С. 27].

Тем не менее, военные успехи Петра I полностью определили политику России на следующие два столетия. Одним из приоритетных направлений российской политики становится Кавказ. Однако, геополитическая и геостратегическая привлекательность этого региона притягивала не только Россию, но и ее давних соперников – Турцию и Иран, которые активно сопротивлялись продвижению России на Кавказ.

К концу XVIII века расстановка сил на поле истории вполне определилась. В результате четырех ожесточенных войн с Османской империей и войны с Ираном Россия включила Северный Кавказ в свой протекторат.

Однако правящие круги султанской Турции и шахского Ирана рассчитывали взять реванш. Уже к началу XIX в. Северный Кавказ оказался втянутым в орбиту сложных международных отношений, связанных с восточной политикой европейских держав – Англии и Франции, за спиной которых стояли Турция и Персия.

Турция владела Балканами и держала в своих руках ключ к проливам, за которым тянулась Россия. В этой связи надо заметить, что внешняя политика растущей Российской империи преследовала вожделенную цель – «обладание Константинополем и проливами», которое по справедливому мнению Н.Я. Данилевского «превращает южную границу России в самую безопасную и неприступную» [3; С. 376].

Осуществляя свои цели на практике, Россия приступила к расширению своих границ в направлении Черноморско-Каспийского бассейна. Здесь интересы России пересекались с интересами Англии и Франции, которые в свою очередь также стремились захватить восточные рынки сбыта.

Активизация враждебных действий Османской империи в исследуемый период была связана с очередной попыткой возврата к границам XVII–XVIII веков. Как подчеркивает русский посланник в Константинополе Г.А. Строганов в письме от 2 декабря 1818 г. на имя главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова «эти действия Турции обусловлены внушениями завистливых держав, особенно Англии» [4; С. 414].

Таким образом, в первой четверти XIX в. кавказская проблема приобретает международный характер, являясь важной составляющей восточного вопроса. Дагестану в этой системе международных отношений отводилась далеко не последняя роль. «Доминирующее значение Дагестана... определялось на только его географическим и военно-стратегическим положением на Кавказе, но и тем, что через Дагестан осуществлялась морская и транзитная торговля между Россией, Ираном и Закавказьем» [5; С. 3].

В своей политике османский двор делал серьезную ставку как на дагестанских феодальных владетелей, которые щедро одаривались и подкупались с целью их привлечения на сторону султана, так и на дагестанский народ, получивший лестную оценку первого министра двора Джебдет-паши, как «народ, прославившийся своей силою, преданностью вере своей и чрезвычайной храбростью» [6; С. 382]. Развивая далее эту мысль на страницах своегоopusа турецкий историограф продолжает: «Дагестанцы, самые воинственные из народов того края и более всех жаждущие боя, видя как неприятель, мало помалу, захватывает мусульманские земли, страшились, чтобы, наконец, очередь не дошла и до них...» [6; С. 385].

На протяжении нескольких веков, с тех пор, на Кавказ в целом и Дагестан, в частности, стали зоной геополитических интересов Османской империи, сюда направлялись многочисленные эмиссары, под видом всевозможных дервишей, мулл, которые являлись проводниками протурецкой политики на местах. Они хорошо оплачивались султанской казной.

К 1806 г. деятельность султанских эмиссаров активизировалась. В посланных в Дагестан фирманах содержались призывы ко всем мусульманам подняться на борьбу с неверными [4; С. 527].

Таким образом, если к концу XVIII века политика османов, по мнению турецкого историка Рахми Туна регрессирует, «хотя продолжают развиваться религиозные и экономические отношения» [7; С. 120], то уже в первой четверти XIX века она заметно оживляется.

24 декабря 1806 г. Турция объявила войну России. Как свидетельствовали русские источники: «Начавшаяся в 1806 г. война с Турцией еще более обострила и без того враждебное отношение к нам кавказских горцев» [8; С. 80].

Политическая доктрина Османской империи нашла свое концентрированное выражение в словах первого министра двора, уже упоминавшегося нами Джебдеш-паши: «Так как Джебел-и-Кафказ как громадная страна отделяет Россию от Анатолии, то с приобретением силы в Гюрджистане, русские и Анатолию подвергли опасности» [6; С. 392].

Наличие общих геополитических пристрастий и в, частности, устремление обеих держав, как России, так и Турции на Кавказ делало неизбежным военные столкновения между ними.

Турецкое правительство прилагало большие усилия, чтобы привлечь на свою сторону народы Кавказа в предстоящей войне. «Проникавшие в горы лазутчики агитировали горцев на борьбу с «москвитами», обещая в будущем обретение рая. Задача состояла в том, чтобы «привлечь и приласкать народы Кавказа» и этим средством добыть себе необходимые силы для противодействия русским» [6; С. 374].

Надо сказать, что турецкие историки в своем большинстве пытаются убедить читателей в том, что горцы, как правило, в русско-турецких конфликтах выступали на стороне османов. Так, к примеру, Р. Туна, анализируя турецко-кавказские отношения, пишет, что «в османо-русских войнах кавказцы становились на сторону османов и вместе с ними сражались против русских» [7; С. 120]. Действительно, такие случаи имели место. В турецком архиве Баш Векалет имеется документ, относящийся еще к 1697 г. Это письмо садразама «владельцу Дагестана и Кумука» Шамхалу с просьбой о военной помощи для отвоевания захваченной русскими крепости Азов [1; С. 888].

Агитация турецких агентов, прибывших в это время на Кавказ, с целью «возбуждать к возмущениям горцев Дагестана» не увенчалась успехом. 5 мая 1812 г. Бухарестским мирным договором Россия закрепила свою победу над Турцией, подтвердив все трактаты, заключенные ранее между этими государствами. Год спустя, 24 ноября 1813 г. был заключен Гюлистанский договор, по которому шахский Иран отказывается от притязаний на Дагестан, Грузию.

Мирные договоры с Османской империей и Ираном, юридически оформили признание уже свершившегося, во многих случаях, добровольного вхождения в состав России большинства ханств, горских обществ Северного Кавказа и ряда азербайджанских ханств [13; С. 48].

Несмотря на то, что вхождение Дагестана в состав России в целом, было явлением позитивным, необходимо помнить, что в этот период наступательная политика России приобретает довольно жесткий оттенок в связи с назначением на Кавказ генерала А.П. Ермолова.

Несмотря на подписанный мирный договор в Бухаресте, Турция не намерена была отказаться от своих извечных притязаний на Кавказ. Формы и методы турецкой политики также остаются традиционными: обширная резидентура по всему Северному Кавказу, где обещаниями, где подкупом, где религиозной пропагандой пытаются поднять население на «священную войну против неверных».

Как писал В.А. Потто: «Турция также как и Персия, исподволь готовилась к войне с Россией, войска в Анапе усиливались; тамошний паша писал дерзкие письма..., кумыки участвовали в разгроме Амир-Аджи-юрта, в осаде Герзель-аула, в убийстве Грекова и Лисаневича» [14. С. 343]. Все эти события происходили в 1825 году.

А в апреле 1828 г. началась новая русско-турецкая война. В царском манифесте подчеркивалось, что Россия не помышляла о разрушении Османской империи» [13; С. 53]. Крупные бои развернулись на Северном Кавказе; вновь была взята Анапа, а в 1829 г. – Эрзерум.

Стремительное продвижение русских в военной кампании 1828–29 гг. на Северном Кавказе решило исход войны. 22 августа 1829 г. был подписан Адрианопольский мир. Согласно его условиям к России отошли Анапа, Потти, Ахалцих. Порты отказывались от всяких претензий на области, ранее входившие в состав России, и признавала, что весь берег Черного моря от устья Кубани до крепости Св. Николая на вечные времена считаются владениями Российской империи» [13; С. 53].

Как подчеркивает турецкий историк Р.Туна: «в мирном соглашении, принятом в городе Эдирне Кавказ против воли самих кавказцев был передан России». Этот акцент, указывающий на факт насильственного присоединения народов Кавказа, вопреки исторически достоверным источникам, присутствует во многих исторических сочинениях, вышедших из под пера турецких источников, как прошлого, так и настоящего времени.

В заключении хочется подчеркнуть, что Кавказ, по образному выражению В. Дегоева был одной из фундаментальных «несущих»

опор грандиозной Российской империи. «Он, собственно, представлял для России основную «имперообразную» величину на юге, обеспечивавшую стратегически удобные границы, широкую буферную зону как для защиты от Турции и Ирана, так, при необходимости, и для нападения на них, доступ к двум морям и возможность продвижения в Среднюю Азию [15; С. 54].

Политическое кредо Александра I, характеризующее кавказскую политику, выразилось в инструкции Ермолову. «Я надеюсь утвердить благосостояние и распространить просвещение в землях, лежащих за Кавказом, а также довершить постепенное покорение народов, на нем обитающих [16; С. 166].

Таким образом, главная идея состоит в просветительской миссии России на Кавказе, хотя само покорение осуществлялось военными методами.

Примечания

1. *Gokce G. Kafkasya ve Osmanli Imperatoriuguñnun Kafkasya siyasety. Istanbul, 1979.*
2. *Маркова О.П.* Россия. Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
4. АКАК. Т. VI. Ч. II.
5. *Джахиев Г.А.* Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1828) Махачкала, 1991.
6. *Джевет-паша.* Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 г. по 1202 г. хиджры. Русский архив. 1888. Т. 3.
7. АКАК. Т. III.
8. *Tuna R. Cerkeslerin Kafkasya“ dan gocu – Kafkasya uzerine bes konferans. Istanbul, 1977.*
9. *Потто В.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1885–1895. Т. V.
10. *Tuna R. Ibid.*
11. *Osmanli devleti ile Kafkasya... BVA. Besters.*
12. АКАК. Т. I. Тифлис, 1866.
13. АКАК. Т. IV.
14. *Документальная история образования многонационального государства Российского. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М., 1998.*
15. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.
16. *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000.

Раздел II. Народы Северного Кавказа в служении Императорскому престолу

Э.Г. Вартамян

Александр Сергеевич Грибоедов и политика царского правительства на Востоке

Среди замечательных людей России XIX в. привлекает внимание многогранная личность Александра Сергеевича Грибоедова (1795–1829), знаменитого писателя и выдающегося дипломата. Жизнь А.С. Грибоедова оборвалась рано, дипломатическая служба его была недолгой, но он оставил яркий след в истории внешних сношений России.

А.С. Грибоедов объединил собой два рода, носивших одну и ту же фамилию. Корни этих родов уходят вглубь XVII, даже XVI вв. В 1614 г. Царь Михаил Фёдорович Романов пожаловал Михаилу Ефимовичу Грибоедову несколько деревень в Вяземском уезде, и в грамоте было сказано, что Великий Государь пожаловал Грибоедова «за ево многие службы» в «нужное и во прискорбное время» «против врагов наших Польских и Литовских людей, которые до конца хотели разорить государство Московское и веру христианскую попрасть, – а он, Михайло, будучи во Московской службе, противу тех злодеев наших стоял крепко и мужественно, и много дородство и храбрость и кровопролитие и службу показал, голод и наготу и во всём оскудение и нужду всякую осадную терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился» [1]. Под

1650 годом упоминается Иван Грибоедов, ехавший во главе поезда царицы в походе царя Алексея Михайловича в Кашин, а в 1669 г. Фёдор Акимович Грибоедов был щедро награждён «тишайшим Царём» за составление «истории о Царях и Великих князьях земли русской», написанной для царских детей и в своё время очень известной среди старых русских книжников. При Петре Великом служил Тимофей Иванович Грибоедов воеводой в Дорогобуже, потом комендантом в Вязьме. Многих Грибоедовых встречают исследователи в списках лейб-гвардии Преображенского полка XVIII в. [2].

Большое влияние на формирование мировоззрения юного Александра Грибоедова оказали атмосфера Благородного пансиона при Московском университете и Московского университета. А.С. Грибоедов учился на трёх факультетах университета: философском (словесное отделение), юридическом и физико-математическом. В то время в Московском университете учились многие юноши, чьи имена оказались связанными с героической эпохой войны 1812 г. Ко времени окончания учёбы в 1812 г. А.С. Грибоедов свободно владел четырьмя европейскими языками [3]. Когда началась Отечественная война, большая часть воспитанников университета ушла в армию. Среди них был и 17-летний Александр Грибоедов.

После окончания Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. А.С. Грибоедов прибыл в Петербург, где в кругу молодых интеллектуалов он выделялся широтой знаний, образованностью, остротой ума, проявлением независимости в суждениях на разные темы. В 1815 г. в прошении об отставке с военной службы он так мотивировал своё прежнее решение о вступлении в армию: «Находясь в звании кандидата прав Московского университета, я был готов к испытанию для поступления в чин доктора, как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы Отечества нашего, и вскоре затем последовало высочайшее Его Императорское Величества воззвание к дворянству ополчиться для защиты Отечества. Я решил тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу» [4].

Со времён Императора Павла I, когда строгости военной службы побуждали молодых дворян искать штатских должностей, многие из них устремлялись в Иностранную коллегию. Дипломатическая служба стала входить в моду настолько, что для подготовки к ней был даже приспособлен Московский Архив иностранных дел. Свое-

образный рецидив этого повышенного интереса дворянства к службе по ведомству иностранных дел имел место в последнее десятилетие царствования Александра I. Не чужд того интереса оказался и Александр Грибоедов [5].

После учреждения Александром I в 1802 г. восьми министерств, в том числе Министерства иностранных дел, Иностранная коллегия ещё довольно длительное время продолжала сохранять свои штаты, но руководство ею теперь осуществлял министр. Зачисление на службу в ведомство иностранных дел происходило по именному указу Царя. После этого новый служащий давал подписку о сохранении им государственных тайн и приносил присягу [6].

Прекрасная образованность и блестящие способности Александра Сергеевича дали ему возможность быть зачисленным в штат коллегии сразу. В это время в коллегии числились А.С. Пушкин, В. Кюхельбекер, впоследствии ставший близким другом А.С. Грибоедова. Одновременно, 15 июня 1817 г., они все трое подписались под указом о неразглашении служебных тайн и были привлечены к присяге.

В 1818 г. А.С. Грибоедов был определён в новообразованную русскую миссию при дворе персидского шаха. А.С. Грибоедов писал своему другу С.Н. Бегичеву в апреле 1818 г.: «Теперь объясню тебе непритворную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать куда бы ты думал? – В Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает» [7]. Тем не менее А.С. Грибоедов стал тщательно готовиться к будущей работе на Востоке. Он занимался персидским и арабским языками, достигнув в этом больших успехов, собирал научную литературу по Востоку и внимательно с нею знакомился. Переписка А.С. Грибоедова показывает, что ему были хорошо знакомы работы об Иране (Шардена, Д. Малькома и др.),

После отъезда из Петербурга и до конца жизни А.С. Грибоедов оказался самым тесным образом связанным с Востоком и, находясь на дипломатической службе, отстаивал внешнеполитические интересы России, её престиж великой державы. Из скромного секретаря русской миссии в Иране А.С. Грибоедов со временем стал активным дипломатом, затем – полномочным министром при дворе в Тегеране.

В течение многих лет он служил в Персии под начальством С.И. Мазаровича, поверенного в делах, главы российской мис-

сии, аккредитованной при наследнике шахского престола Аббасемирзе (наследник шахского престола) в Тебризе [8], затем на Кавказе – у генералов А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича и, наконец, снова в Персии. Уже в самом начале своей дипломатической карьеры, А.С. Грибоедов проявил себя как неординарный дипломат, способный в сложных ситуациях принимать быстрые и взвешенные решения, ему удавалось добиваться от персидской стороны нужных для России договорённостей. Это проявилось, в частности, в 1819 г., когда он сумел получить разрешение шахских властей на вывод из Персии в пределы России 158 пленных российских подданных. Эта акция встретила полное одобрение А.П. Ермолова, могучая фигура которого властно главенствовала на политическом горизонте Кавказа, поскольку вопрос о передаче пленных был одним из важных при переговорах российского чрезвычайного посольства с Фатх-Али-шахом во время пребывания в Персии в 1818 г. А.П. Ермолову импонировала и сама манера поведения А.С. Грибоедова во время переговоров [9].

Дипломатическая служба в Иране была сложной и трудной. Таковой её делали интриги представителей соперничавших с Россией держав, традиции восточной дипломатии, социальная, политическая и экономическая отсталость Ирана. Аббас-мирза управлял Южным Азербайджаном – областью, пограничной с Российской империей и самой крупной провинцией Ирана. Он был давним и упорным врагом России. Учитывая антирусскую позицию принца, английские резиденты делали на него ставку. Они считали, что Аббас-мирзу будет легко использовать как орудие в их борьбе против растущего русского влияния на Среднем Востоке. В своих расчётах англичане не ошиблись: наследный принц следовал в фарватере британской политики. Это обстоятельство осложняло работу русских дипломатических агентов в Тебризе, в том числе и А.С. Грибоедова.

Не приходится сомневаться в том, что ещё до отъезда в Иран А.С. Грибоедов был ознакомлен А.П. Ермоловым с иранской политикой англичан и получил от генерала весьма точные наставления, какой линии поведения следует придерживаться русским дипломатическим агентам в Тебризе по отношению к английским резидентам. А.П. Ермолов, несомненно, указывал А.С. Грибоедову, что английские политики стараются подорвать русское могущество в Закавказье и влияние России на всём Среднем Востоке. В своё время министерство иностранных дел России обращало внимание самого А.П. Ермолова на то, что Англия более других

европейских держав старалась сблизиться с иранским правительством [10]. Помня советы А.П. Ермолова, А.С. Грибоедов с особым вниманием приглядывался к деятельности английских дипломатов в Иране. Фигуры английских резидентов, пребывавших в те годы в Тебризе, были весьма колоритны. Обычно они вербовались из лиц, имевших большой стаж индийской службы и зарекомендовавших себя активными агентами английского капитала (Генри Уиллок, Эдуард Уиллок Уильям Монгис). Пользуясь длительным отсутствием при тегеранском дворе дипломатических агентов других европейских держав, Англия прочно закрепила своё влияние в Иране. Появление русских представителей в Персии грозило нарушить эту «монополию влияния» и вынудить англичан несколько потесниться. Английские резиденты вовсе не желали терять захваченные позиции и только усилили свою борьбу против России на Среднем Востоке.

Деятельность русской миссии в Иране в годы пребывания в ней А.С. Грибоедова (1819–1829) заключалась прежде всего в мероприятиях по осуществлению Гюлистанского трактата. Этот договор завершил русско-иранскую войну 1804–1813 гг. Иран признавал вхождение в состав Российской империи Грузии, Дагестана, Северного Азербайджана, России предоставлялось исключительное право иметь военный флот в Каспийском море, а купцы обеих стран получили право свободной торговли [11]. Иранское правительство не смирилось с потерей Закавказья. Русская миссия в Иране почти на каждом шагу наталкивалась на прикрытое, а иногда и не завуалированное противодействие английских резидентов, которые видели в секретаре русской миссии, молодом, одарённом дипломате, своего опаснейшего противника. А.С. Грибоедов тщательно следил за тем, чтобы в прессу, особенно иностранную, не проникали ложные слухи о Востоке, порочащие Россию [12].

Гюлистанский трактат предусматривал свободное возвращение русских пленных из Ирана в Россию. Условие это, по убеждению русских властей, должно было явиться основанием и для возвращения дезертиров, которые бежали из русских частей в Иран, из которых Аббас-мирза сформировал «русский батальон». Царское правительство и командование в Закавказье придавали большое значение расформированию этого батальона. Вывод русских перебежчиков из Ирана был крупной дипломатической акцией А.С. Грибоедова. «Школа Ермолова» способствовала утверждению А.С. Грибоедова в принципе святости заключённых Россией договоров. «Поведение

наше должно иметь основанием точное и строгое соблюдение трактата», – писал А.С. Грибоедов [13]. Впоследствии, уже полномочным министром России в Иране, А.С. Грибоедов сам внушал этот принцип русским чиновникам на Востоке.

А.П. Ермолов и А.С. Грибоедов горячо любили Россию и стремились высоко держать престиж русского имени на Востоке. Обоих дипломатов отличали твёрдость в отстаивании интересов России, смелость в ведении переговоров, но конкретные пути и средства к поддержанию авторитета России на Востоке они часто избирали разные. А.П. Ермолов, «проконсул Кавказа», придерживался определённой политической линии – «права сильного», А.С. Грибоедов – «строжайшего правосудия». Он рассуждал – «действовать страхом и щедротами можно только до времени; однако строжайшее правосудие мирит покорённые народы со знамёнами победителей» [14]. Это заключение свидетельствует о зрелости А.С. Грибоедова как политика и дипломата. Принцип «строжайшего правосудия» А.С. Грибоедов впоследствии расшифровал в своём «Вступлении к проекту устава Российской Закавказской компании». А.С. Грибоедов указывал, что «ничто не скрепит так твёрдо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод», приводящее к водворению «некоторого равенства между членами одного и того же общества», ... «чем больше здешние жители почувствуют пользу и приятность от нового изменённого рода жизни, тем более возлюбят род правления, поставивший их на сию ступень» [15].

Тебризский период дипломатической службы А.С. Грибоедова окончился в 1821 г. его поездкой в Грузию к А.П. Ермолову. А.С. Грибоедов явился туда с докладом о положении дел в Иране в связи с разгоревшейся ирано-турецкой войной 1821–1822 гг. А.П. Ермолов назначил А.С. Грибоедова состоять при себе в качестве секретаря по иностранным делам, а в 1822 г. А.С. Грибоедов был произведён в чин коллежского асессора и получил разрешение носить орден Льва и Солнца, пожалованный ему шахом. Около полутора лет провёл А.С. Грибоедов в Грузии, много ездил с А.П. Ермоловым по Кавказу, занимался литературной деятельностью.

В июле 1826 г. началась вторая русско-персидская война. С 12 мая 1827 г. А.С. Грибоедов участвовал в походах, в сражениях, проявив мужество и бесстрашие. Вторая война, как и первая, закончилась поражением Ирана. 10 февраля 1828 г., после взятия русскими войсками Эривани, в местечке Туркманчай, при

ближайшем участии А.С. Грибоедова был подписан мирный договор с Персией. Согласно договору мир между Россией и Персией устанавливался «на вечные времена», а положение России в Закавказье значительно упрочилось. Договор подтверждал условия Гюлистанского договора 1813 г., а также включение в состав России Восточной Армении, обязывал персидскую сторону выплатить России контрибуцию в размере 20 млн. руб. серебром [16].

В Петербурге пристально следили за трудно шедшим процессом согласования статей Туркманчайского трактата, с нетерпением ожидая окончания войны. Подписание мирного договора с Персией было очень важно для России, втянутой в Восточный кризис и готовившейся разрубить узел российско-турецких противоречий на Балканах, Черном море и вопросе о Проливах военным путём.

После подписания мира с Персией А.С. Грибоедов в марте 1828 г. был послан в Петербург с текстом Туркманчайского договора для вручения его на подпись Николаю I. Это была почётная миссия, свидетельствующая об уважении к заслугам А.С. Грибоедова со стороны главнокомандующего в Грузии и первого уполномоченного России по подписанию Туркманчайского договора И.Ф. Паскевича. О роли А.С. Грибоедова в подготовке условий мирного договора знали уполномоченные шаха. Впоследствии это сыграло свою роль в разжигании ненависти к А.С. Грибоедову в среде высокопоставленных русофобов в Персии.

А.С. Грибоедов был приветливо встречен министром иностранных дел России К.В. Нессельроде и самим Императором Николаем I, не ожидавшими получить столь выгодный для России мирный договор с Персией. В придворных кругах А.С. Грибоедова приветствовали как «деятельного участника переговоров с персами», называли «отличным, усердным и опытным в делах чиновником». 16 марта К.В. Нессельроде написал И.Ф. Паскевичу в Тифлис, что договор, «без сомнения, произведёт удовлетворительное впечатление на внешние наши сношения. Должно надеяться, что и дела наши с Персией примут с сей эпохи прочный и совершенно для нас удовлетворительный ход... Я нашёл все статьи трактата Туркманчайского до мельчайших подробностей обдуманно с строжайшей точностью» [17].

Вскоре А.С. Грибоедов получил от Николая I поздравление с производством в чин статского советника, награждением орденом Анны 2-й степени с алмазами, медалью за Персидскую войну.

А.С. Грибоедов надеялся на то, что его служба на дипломатическом поприще окончена, что он сможет остаться в Петербурге и заняться литературной деятельностью. К тому времени он был уже известным литератором, автором нашедшей и имевшей широкое хождение в рукописных списках комедии «Горе от ума». Но его планам не суждено было осуществиться. Как дипломатическому чиновнику российского министерства иностранных дел К.В. Нессельроде предложил А.С. Грибоедову возвратиться в Персию, чтобы возглавить там российскую миссию. Выбор на А.С. Грибоедова пал не случайно, ибо в Петербурге понимали, насколько трудно было не только подписать трактат о мире между Россией и Персией, но и добиться от неё выполнения всех его статей. Для этого нужен был опытный дипломат, хорошо знавший Персию и политическую обстановку в ней. 25 апреля 1828 г. Императорским указом объявлялось об учреждении российской миссии в Тегеране во главе с полномочным министром (посланником) А.С. Грибоедовым.

Начался новый этап в отношениях между Россией и Персией, в международных отношениях на Среднем Востоке, в которых большое место занимали противоречия между Россией и Англией. В нём ярко высветилась борьба политических группировок в шахском окружении, их отношение к наследнику Аббасу-мирзе и внешнеполитические позиции последнего.

Одним из неотложных дел главы российской миссии в Иране было возвращение пленных и подданных, что предусматривала статья 13 Туркманчайского договора. Необходимо было обеспечить своевременное получение восьмой части контрибуции, которые, как указывал И.Ф. Паскевич А.С. Грибоедову «с величайшей пользой могли бы быть употреблены в настоящей войне против турок» (речь идёт о русско-турецкой войне 1827–1829 гг. – В.Э.) [18]. А.С. Грибоедову удалось решить вопрос о возвращении русских пленных, о недопущении притеснений русских предпринимателей в г. Реште. Пребывание А.С. Грибоедова на дипломатическом посту становилось всё более неудобным как представителям «партии войны» из окружения Фатх-Али-шаха, так и английским дипломатам в Иране. Стали распространяться слухи о том, что российский посланник слишком затянул свой официальный приём у шаха по прибытии в Тегеран, во время которого шах стоял перед ним, что будто бы во время следования из Тебриза в Тегеран А.С. Грибоедов грубо обращался с персидскими чиновниками и др. Всё это представляло злонамеренные уловки, преследующие

цель дискредитировать царского посланника. Атмосфера враждебности накалялась. Поводом к трагедии послужило обращение к А.С. Грибоедову нескольких лиц с просьбой оказать им помощь в возвращении на Кавказ, где они ранее проживали, среди них были две женщины из гарема зятя шаха Аллаяр-хана.

29 января 1829 г. на базарах и площадях Тегерана, затем в мечетях стали раздаваться призывы к разгрому российской миссии. Трудно предположить, что шахское правительство не было проинформировано об этом, тем более, что А.С. Грибоедов вечером 29 января направил ноту протеста министру иностранных дел Ирана Мирзе Аболь-Хасан-хану.

30 января 1829 г. огромная толпа фанатиков ворвалась на территорию российской миссии в Тегеране. Сотрудники миссии и сам А.С. Грибоедов уговорами пытались остановить разъярённую толпу, но это ни к чему не привело. А.С. Грибоедов отверг предложение сотрудников укрыться в армянской церкви Тегерана, считая бегство унижительным для главы представляемой им великой державы. Сотрудники миссии стали мужественно защищаться. Одетый в официальное парадное платье, с орденами на груди, А.С. Грибоедов принял активное участие в обороне миссии и был зверски зарублен. Погиб почти весь состав миссии (37 человек), в живых остались первый секретарь И.С. Мальцев и два курьера. В официальном сообщении персидского правительства об убийстве в Тегеране, направленном И.Ф. Паскевичу, вина возлагалась на А.С. Грибоедова, якобы вызвавшего своими опрометчивыми поступками возмущение фанатично настроенной толпы. В Петербурге о разгроме миссии стало известно в марте 1829 г. Донесения И.С. Мальцева подтверждают версию подготовки правительственными кругами Ирана заговора против А.С. Грибоедова и российской миссии в Тегеране. Несомненно то, что убийство А.С. Грибоедова было политическим актом.

Для официального завершения затянувшегося дипломатического конфликта между Персией и Россией царское правительство приняло решение допустить в Петербург «искупительную миссию» от шаха. Большую роль в подготовке миссии в Петербург сыграли ультимативные письма И.Ф. Паскевича Аббасу-мирзе, в которых он в весьма жёсткой форме требовал определения политики в отношении России: «Не употребляйте во зло терпение Российского Императора. Одно слово моего Государя – и я в Азербайджане... и может статься не пройдёт и года, и династия Каджаров уничтожит-

ся. Не полагайтесь на обещания англичан и уверения турок... С Турцией Россия не может делать всё, чего желает, ибо держава сия нужна для поддержания равновесия политической системы Европы. Персия нужна только для выгод Ост-Индской купеческой компании, и Европе равнодушно, кто управляет сим краем» [19].

«Искупительную миссию» возложили на 23-летнего Хосрова-мирзу, любимого внука шаха. Официальный приём миссии состоялся 12 августа 1829 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца. Сопоставим две даты – 30 января 1829 г. – разгром российской миссии в Тегеране и 10 августа 1829 г. – приём «искупительной миссии» в Петербурге. Понадобилось более полугода, чтобы покрыть расстояние от Тегерана до Петербурга. Хосров-мирза передал Императору Николаю I грамоту Фатх-Али-шаха, в которой шах подтверждал свою непричастность к тегеранской трагедии, приносил извинения за бессилие остановить кровопролитие и отмечал, что виновные будут наказаны. В шахской грамоте были следующие слова: «Предайте вечному забвению происшествие, оскорбившее равно двор российский, как и двор персидский ...». Император выразил удовлетворение принесёнными шахом извинениями и произнёс: «Я предаю всякому забвению злополучное тегеранское происшествие» [20]. Эти слова подвели черту под отношением официальной России к тегеранской трагедии. Более того, Николай I простил шаху часть контрибуции (2 млн. руб.), а выплату оставшейся части пролил на пять лет.

Среди сокровищ Алмазного фонда России внимание посетителей привлекает знаменитый алмаз «Шах», поднесённый принцем Хосровом-мирзой в 1829 г. Николаю I. «в искупление» убийства А.С. Грибоедова. На его гранях выгравированы три надписи, позволяющие прочесть его историю: «Бурхан Низам-шах Второй 1000 г.»; «Сын Джахангир-шаха Джахан-шах 1051 г.»; «Каджар Фатх-Али-шах султан 1242» [21]. Все надписи сделаны на персидском языке, принятом при дворе Великих Моголов и некоторых мусульманских княжеств Индии. Первая надпись обозначает имя правителя индийской провинции Ахмаднагар и дату 1591/92 г. в переводе с хиджры [22], вторая – имя Императора из династии Великих Моголов и дату – 1641/42, третья – имя иранского шаха из династии Каджаров и дату 1826/27 г. И связать бриллиант «Шах» с именем великого писателя можно как напоминание о безвременной кончине А.С. Грибоедова. В памяти людей останется его бессмертная

комедия «Горе от ума» и трагическая гибель человека, затянутого в хитросплетения кровавой истории начала XIX в.

Причина, которая привела к разгрому российской миссии в Тегеране, состояла, по мнению исследователя Б.П. Балаяна, в реваншистских планах Каджаров, которые рассчитывали в случае успеха турецкой армии в русско-турецкой войне 1827–1829 гг. денонсировать Туркманчайский договор и начать против России третью войну в невыгодной для царизма международной обстановке [23]. На это толкала Иран и Англия, стремившаяся укрепить свои экономические позиции и политическое влияние на Среднем Востоке и Закавказье.

Донесения российских дипломатов в Петербург отражали в целом благожелательное отношение европейских правительств к завершению напряжённости на Среднем Востоке, восхваляли сдержанность Императора Николая I, который довольствовался за кровь своего несчастного министра свидетельством раскаяния и смирения шаха. Русско-персидская война 1826–1828 гг. и возникшая после подписания Туркманчайского трактата напряжённость между Персией и Россией составили один из компонентов Восточного кризиса 1820-х гг. Сохранив с Россией мирные отношения, Персия стала активнее втягиваться в орбиту её восточной политики.

Примечания

1. Александр Сергеевич Грибоедов. М., 1994. С. 10.
2. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 5–6.
3. *Ревякин А.С.* История русской литературы XIX в. М., 1981. С. 169.
4. *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 131.
5. *Попова О.И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964. С. 15.
6. *Булгарин Ф.В.* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове. М., 1990. С. 56.
7. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 25.
8. По традиции наследник шахского престола назначался генерал-губернатором одной из самых крупных провинций Ирана – Южного Азербайджана.
9. *Шостович С.В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960. С. 41–42.
10. Грибоедов А.С. в Грузии и Персии: историко-библиографический очерк. М., 1929. С. 45.
11. Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 82.
12. *Цымбал Е.В.* Письма А.С. Грибоедова к К.К. Нессельроде // Русская литература. 1985. № 3. С. 150.

13. *Пашуто В.Т.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 128.

14. *Мясоедов Н.Е.* Деловая переписка А.С. Грибоедова с К.К. Родифиникиным // Русская литература. 1995. № 2. С. 65.

15. *Маркова О.П.* Новые материалы «Проекта Российской Закавказской компании» А.С. Грибоедова и П.Д. Завелейского. М., 1951. С. 324.

16. Хрестоматия по новой истории: В 3-х т. Т. 2. М., 1965. С. 492–493.

17. *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 139.

18. *Цымбал Е.В.* Указ. соч. С. 156.

19. *Аринштейн Л.* Новые данные об обстоятельствах гибели А.С. Грибоедова // В мире отечественной классики. М., 1984. С. 452.

20. *Берже Ад.П.* Хосров-мирза 1813–1875 // Русская старина. Т. XXV. 1879. С. 347.

21. *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С. 122.

22. Хиджра – название календаря, распространённого в мусульманских странах. Начало лунной хиджры, в переводе на современное европейское летоисчисление соответствует 16 июля 622 г., а солнечной – 20-21 марта того же года.

23. *Балаян Б.П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967. С. 261.

Д.С. Кидирниязов

Политические деятели ногайцев и их роль в истории России XVI – начало XXI в.

События многовековых связей России с народами Северного Кавказа заложили основы самых тесных и дружественных отношений, получивших в дальнейшем значительное развитие.

Ногайские родословные представляли для российского правительства определенный интерес, поскольку со времен Ивана IV многие мурзы «выбитые из Ногаев» в результате междоусобицы, находились на службе в Москве, а в дальнейшем их потомки, принявшие крещение, явились родоначальниками многих русских княжеских и дворянских фамилий (князей Юсуповых, Урусовых, Байтерековых, Шейдяковых, Камбаровых, Тинбаевых, Тинмаметовых, Кутумовых, Урмаметовых и ряда других).

Род князей Юсуповых, как показано в справке разрядного архива и в других родословных книгах, происходит от ногайских князей. Родоначальником княжеской династии Юсуповых был князь Юсуф, убитый в 1555 г. во время междоусобицы его младшим братом Исмаилом.

У Юсуфа было 8 сыновей. Самый старший был Юнус, а младшим – Эльмурза. Известная казанская царица Сююнбийке (в честь которой названа знаменитая башня в Казанском Кремле) также была дочерью Юсуфа.

В 1558 г. Царь Иван Грозный пригласил в Москву Юнуса. Царь принял его как почетного гостя. В 1559 г. не стало Юнуса. Исмаил, опасаясь других сыновей Юсуфа, в 1563 г. отправил Эльмурзу и Ибрагима в Москву в качестве аманатов (заложников) верности ногайцев России и вскоре они поступили на «государеву службу». Взятие заложников как гарантия соблюдения условий дипломатического договора практиковалась в отношениях России с Ногайской Ордой.

Были также и династические браки, скреплявшие союзнические обязательства сторон. Так, Иван IV был свояком ногайского князя Дин-Ахмеда (сына бия Исмаила). Иван Грозный породнился в 1561 г. с кабардинским князем Темрюком, женившись вторым браком на его дочери Марии (Гошаней). Другая дочь Темрюка, Малхуруб, стала женой князя Дин-Ахмеда, сына и преемника Исмаила.

Царь Иван IV принял Эльмурзу и Ибрагима благосклонно и наделил их обширными поместьями. Им были пожалованы многие села и деревни в Романовском округе на Волге. Род Юсуповых по праву считался богатейшим в России. В XIX в. только их малороссийские имения насчитывали 70 тыс. десятин земли.

Эльмурза умер в 1611 г. У него было три сына: Сеюш-мурза, Бай-мурза и Дин-мурза. Дин-мурза и Бай-мурза погибли в войне с Польшей, Сеюш-мурза умер в 1656 г., так и не приняв христианства. От первой супруги его остался сын Абдулла, от второй жены – Иштерек, Ислам и Джан-мурза. Все они умерли в молодых летах.

Хан-мурза Юсупов, родной внук Сеюша, от младшего его сына Джан-мурзы, был одним из первых Юсуповых, принявших христианство.

Владелец огромного богатства Абдулла, внук Эльмурзы, при царе Федоре Алексеевиче подвергся царскому гневу и лишился значительной части своих имений.

Абдулла Юсупов просил крещения и в 1681 г. получил имя Дмитрия. За заслуги и храбрость в войне против крымского хана и Польши он получил титул князя и землю. Князь Дмитрий Сеюшевич еще больше увеличил свое имение, женившись на богатой вдове, Екатерине Яковлевне Сумароковой. Он умер в 1694 г., оставив после себя трех сыновей. Один из его сыновей Григорий Дмитриевич Юсупов (1676-1730 гг.) – участник петровских войн, ведал снаб-

жением русской армии в Познани и постройкой речных судов в Нижнем Новгороде.

В 1724 г. при коронации Петром Великим его супруги Екатерины I Григорий Дмитриевич был в числе шести генерал-майоров, поддерживавших на серебряных древках балдахан, под которым шествовала императрица в собор. Он был один из первых, кто получил после учреждения Екатериной I ордена св. Александра Невского.

При погребении Петра I в 1725 г. князь Григорий Дмитриевич был в числе трех маршалов (кн. Александр Меншиков и граф Федор Апраксин), следовавших за гробом государя.

После кончины Екатерины I за заслуги перед Отечеством и преданность Императору Петру II он получил в подарок большой дом в Москве и в октябре 1727 г. был пожалован в подполковники Преображенского полка.

Григорий Дмитриевич несколько раз был сенатором и с 1727 г. членом Государственной военной коллегии.

Сын Григория Дмитриевича, князь Борис Григорьевич (1695-1759 гг.) был отправлен Петром I на учебу во Францию с другими 20 детьми русских сановников. Он возвратился из Парижа с блестящим по тому времени образованием. Был избран Московским губернатором (1738 г.), президентом Коммерц-коллегии, главным директором по устройству Ладожского озера, 9 лет директором первого в России Петербургского Сухопутного кадетского корпуса, Действительным тайным советником, сенатором. Кавалер орденов – св. Александра и св. Апостола Андрея Первозванного (1751 г.).

В марте 1730 г. князь Борис Григорьевич получил грамоту от Императрицы Анны Иоановны «за верность и ревностное радение» и чин действительного камергера с рангом генерал-майора. Бирон очень завидовал ему и в 1740 г. «доискивался» до него. Судьба распорядилась так, что через 34 года эти семьи породнятся, а сын Бирона, Петр Бирон, герцог Курляндский будет супругом его младшей, четвертой дочери – Евдокии. Брак был совершен под покровительством Императрицы Екатерины II в Зимнем дворце. Умерла Евдокия в 1780 г.

Николай Борисович Юсупов – старший (1751-1831 гг.) – еще в младенчестве был записан в Лейб-гвардию, а в 1771 г. пожалован в поручики Лейб-гвардии конного полка. Затем ушел в отставку. Находясь с июня 1772 г. вне военной и государственной службы, он провел несколько лет в путешествии по Европе (Англия, Франция,

Германия, Италия, Испания, Португалия). В Лондоне в 1776 г. он встречался с известным писателем Бомарше.

В январе 1783 г. Николай Борисович был послан российским послом в Турин, ко двору Сардинского короля Амадея III. Он получил согласие Римского папы на снятие списков с Рафаэловых лож в комнатах Ватиканского дворца. Опытные художники – Мазон, Россин и др. трудились по приглашению князя Н.Б. Юсупова для снятия копий с подлинников. Затем Эрмитаж в Санкт-Петербурге украсился Рафаэловой галереей. У него была также богатая коллекция редкой красоты и художественной ценности резных камней.

В 1791 г. он стал управляющим театрами в Санкт-Петербурге. Затем был президентом мануфактур-коллегии, при Императоре Александре I был членом Государственного совета, Действительным тайным советником, известным меценатом, награжден орденами Святого Александра Невского (1796 г.) и Святого Андрея Первозванного (1797 г.). В 1800 г. он стал министром Департамента уделов, сохранив за собой также управление мануфактур – коллегией. В 1804 г. князь Николай Борисович в Париже был с почетом принят Наполеоном.

В 1826 г. Николай Борисович был назначен верховным маршалом при коронации нового Царя. Таким образом, ему суждено было занимать эту должность при трех коронациях: 5 апреля 1797 г. – Императора Павла I, 15 сентября 1801 г. – Императора Александра I и в августе 1826 г. – Императора Николая I. Он скончался 15 июня 1831 г. и погребен в подмосковном селе Спасском, около могилы своей матери.

Князя Бориса Николаевича (1794-1849 гг.) в 1839 г. дворянство Петербурга избрало своим уездным предводителем, а Царскосельское дворянство – своим представителем в Санкт-Петербурге.

Он был членом Короновальной комиссии Николая I. В 1849 г. был назначен директором выставки промышленных произведений в Санкт-Петербурге. Борис Николаевич был женат дважды. Первая супруга – княжна П.П. Щербатова (скончалась в 1820 г.), а вторая – Зинаида Ивановна Нарышкина.

Николай Борисович – младший (1826-1891 гг.) – член Опекунского совета учреждений Императрицы Марии Федоровны, ведал Петербургской публичной библиотекой.

Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков – Эльстон, старший, получил титул князя Юсупова по женитьбе на Зинаиде Николаевне Юсуповой – последней представительнице рода Юсуповых, командир Кавалергардского полка; московский генерал-губернатор (1914-1915 гг.); председатель общества акклиматизации животных.

Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков – Эльстон, младший, участник убийства Распутина; был женат на княжне Ирине Александровне, племяннице Императора Николая II.

До сих сохранилась усадьба князей Юсуповых в с. Архангельское Красногорского района Московской области.

Род князей Урусовых, как показано в справке разрядного архива и в других родословных книгах, происходит от сына Исмаила, князя Уруса.

Многие из внуков Уруса приняли христианскую веру с титулом князей Урусовых.

Урак (Петр) Урусов убит в декабре 1600 г. тушинского самозванца Лжедмитрия II.

В 1776 г. Московский губернский прокурор князь П.В. Урусов и антрепренер М.Г. Медокс сформировали постоянную труппу Московского русского театра (ныне Большого театра), в которую вошли театральные труппы Н.С. Титова и Московского университета, а также крепостные актеры П.В. Урусова и др.

Князь Александр Александрович Урусов, полковник, был любителем и знатоком отечественных древностей и усердным ревнителем просвещения. Он подарил Московскому университету целый музей минералов, монет, медалей, мозаик и прекрасную библиотеку; большая часть этого собрания, к сожалению, погибла в пожаре 1812 г.

Тюменский мурза Мамай Агишев (внук ногайского мурзы Агиша, сына Ямгурчи) искал в 1559 г. в Астрахани военной помощи против своего дяди, тюменского князя. Мамай позже крестился и выехал на службу в Москву. Братья Василий и Роман Агишевичи Тюменские участвовали в военных действиях русских войск в Ливонии. Князь Василий Агишевич Тюменский был командующим русскими войсками в Ливонской войне.

В XVI в. князь Афанасий Шейдяков – Ногайский был окольным (придворный чин, был вторым по значению после боярина думным чином), воеводой.

Канай Тинбаев со своим отрядом юртовских ногайцев в 1617-1618 гг. действовал против поляков на стороне России. Его сын, в крещении Михаил Канаев, уже давно служил в Москве. Так, в 1616 г. в качестве воеводы князь Михаил Канай мурзин сын Тинбаев-Урусов, вместе с Н. Лихаревым, ходил по Царскому указу воевать на Литовскую землю к Сурожу, Витебску, Велижу и др. места.

В XVII веке на русской службе были князь Андрей Сатыев и князь Петр Канмурзин.

В XVIII веке сыграли большую роль в российской истории князья Джан-Магомед и Баязет-бий. В январе 1772 г. за усердную службу Екатерина II наградила Джан-Магомеда грамотой и саблей «от маршего лица». Князь Баязет-бий, в 1793 г. был пожалован Екатериной II в Надворные советники (соответствовал чину подполковника) и назначен приставом ногайцев (остававшимся им в течение 12 лет), живших в Молочных Водах Таврической губернии.

Один из ногайских аманатов, содержавшихся в Кизляре (1742 г.), Казбулат Тоганов, внук главного солтанаульского мурзы Мусы, был в 1744 г. отправлен на учебу в Петербург. При крещении в 1745 г. он получил имя Дмитрия Васильевича. В 1748 г. Дмитрий Тоганов был определен в кадетский корпус.

3 ноября 1769 г. Высочайшим указом он был назначен приставом кабардинцев. До 1783 г. он был приставом кабардинцев, а с 1784 г. до 1798 г. был комендантом г. Моздока и дослужился до звания генерал-майора.

В 1803 г. российская кавказская администрация учредила новое укрепленное самостоятельное приставство для ногайцев, ранее обитавших в четырех приставствах. Во главе его был поставлен ногайский князь Султан Менгли-Гирей. Ему было присвоено звание генерал-майора.

За хорошую службу Его Императорское Величество Указом от 30 апреля 1810 г. наградило генерал-майора Султана Менгли-Гирея военным орденом Святого Георгия 4го класса.

Особо следует сказать о славном сыне ногайского народа генерал-майоре Султане Казы-Гирее, о котором восторженно писали А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. Султан Казы-Гирей прослужил в российской армии более 37 лет. Он участвовал в военных действиях российской армии в 1827, 1830-1831, 1843-1845, 1854-1855 гг. За проявленное мужество и храбрость он был удостоен орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, получил золотую шашку с надписью «За храбрость».

Таким образом, кроме широкой системы подкупов, царское правительство применяло метод заложничества (аманатство). Наибольшее распространение оно получило во второй половине XVIII века, в период активного продвижения русских войск на Кавказ. Русские власти брали аманатов от влиятельных князей, мурз, добиваясь таким образом покорности и подчинения местных народов.

Аманатство имело и положительную сторону, так как представители местных народов ближе знакомились с Россией, приобщались к русской культуре.

В.И. Шкуро

1-й Кубанский Его Императорского Величества Государя Николая II пластунский батальон

6 марта 1915 г. Наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-от-инфантерии М.П. Бабыч зачитал жителям Кубани телеграмму, полученную им от командира 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора И.Е. Гулыги: «Государь Император принял шефство 6-го батальона, также телеграмма от Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича о назначении Его Шефом 4-го батальона; счастлив донести Вашему Высокопревосходительству о столь высокой милости, оказанной Его Величеством и Его Высочеством нашим родным сынам Кубани славным пластунам. Генерал Гулыга». С этого времени Российский Император Николай II стал вечным шефом этого батальона. Для казаков в этом поступке Царя не было ничего удивительного. Они всегда чувствовали приязнь и заботу о казаках со стороны всех Российских Императоров. Не случайно службу в Собственном Его Императорского Величества конвое, охранявшем Царскую семью в Санкт-Петербурге, Царском Селе, в Ливадии (Крым), а также в Главной Императорской квартире во время войн несли кубанские и терские казаки.

С созданием 6-го Кубанского пластунского батальона 4-х сотенного состава (208 нижних чинов в каждой сотне) было объявлено 4 ноября 1892 г. Первые 2 года батальон располагался в Кубанской области, а осенью его штаб-квартира была перенесена в селение Хунзах. В нём проходили действительную службу казаки Хопёрского полкового округа Баталпашинского отдела и Кубанского полкового округа Лабинского отдела. В период войн из казаков, находящихся на льготе, но служивших действительную службу в первоочередном батальоне, формировались новые батальоны. Так, во время русско-японской войны 1904–1905 г. в Маньчжурии воевали казаки 12-го Кубанского пластунского батальона. Воевали неплохо – 51 из них вернулся Георгиевским кавалером, в том числе трое – имея по два Георгиевских креста.

Во время Первой мировой войны из льготников 6-го Кубанского пластунского батальона были сформированы 12-й, 18-й и 24-й Кубанские пластунские батальоны, которые доблестно сражались и на Кавказском и на Юго-Западном фронтах.

Первая Мировая война началась боями на Западе. Извечный враг России – Турция более двух месяцев сохраняла нейтралитет, выгадывая момент для выступления. Естественно, Ставка Верховного Главнокомандующего отправила часть боеспособных дивизий на европейский театр военных действий. Для войск, оставшихся в Закавказье, крупных наступательных операций не планировалось.

На рассвете 19 октября 1914 г. штабы войск, расположенных вдоль турецкой границы, получили телеграмму о начале войны с Турцией. Командиры сформированных отрядов, а также входящих в них дивизий, полков, батальонов и батарей переходили государственную границу в соответствии с разработанными документами и вступали в бой с противником. Удалось установить, что уже в первый день в баталионе появилось несколько Георгиевских кавалеров. Это казаки 2-й сотни: подхорунжий Максим Русанов из станицы Суворовской (крест 4-й ст. №103636), приказный Сергей Фенёв из станицы Усть-Джеггутинской (№103587), приказный Георгий Несмашной из Невиномысской (№103889), старший урядник Иван Сериков из Михайловской станицы (№103643); 3-й сотни: подхорунжий Максим Колядин из Подгорной (№103583), младший урядник Василий Штенин из Усть-Джеггутинской (№103825), младший урядник Пётр Мальцев из Рождественской станицы (№103808), приказный Василий Муравлёв из Курганной станицы (№103810), приказный Тимофей Щепин из той же Курганной станицы (№103834) приказный Стефан Подопригора из Зеленчукской станицы (№103673), фельдфебель Пётр Третьяков из Урупской станицы (№103442); из 4-й сотни: подхорунжий Филипп Конорезов из Невиномысской станицы (№103631), приказный Варфоломей Денисов из Бекешевской станицы (№103545) и приказный Георгий Маньшин из Григориполисской станицы (№103836).

Максим Прокопьевич Русанов родился в станице Суворовской 5 августа 1888 года. К 19 декабря того же года он получил Георгиевский крест 1-й степени под №800 и стал первым в батальоне полным Георгиевским кавалером. 11 апреля 1915 г. за боевые отличия он произведён в прапорщики. В офицерских чинах награждался ор-

деном Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с мечами и бантом и орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. С 1 мая 1918 г. он в Добровольческой армии, а с 9 июля того же года переведён в партизанский отряд.

Подхорунжий Филипп Конорезов ещё в 1914 г. получил Георгиевский крест 1-й степени №796 и тоже стал полным Георгиевским кавалером.

21 октября 1914 г. Георгиевскими кавалерами стали приказный Трофим Брагин из Михайловской станицы (№103787) и приказный Фёдор Иващенко из станицы Кардоникской (№103799).

Одним из самых тяжёлых боёв для 6-го Кубанского пластунского батальона, как и для пластунской бригады в начальный период войны были бои на горных высотах в районе турецкого селения Чиджарек. Тогда командование не пожалело Георгиевских наград для пластунской бригады. Появился Георгиевский кавалер и среди офицеров батальона. Им стал командир батальона полковник **Николай Иванович Зиньковский** из казаков Старомышастовской станицы. Он был удостоен Георгиевского оружия (золотой шапки на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость»). В представлении к награждению, направленном в Кавказскую Георгиевскую Кавалерскую думу, и, после одобрения ею, в Высочайшем приказе объявлялось, что «Государь Император Всемилостивейше соизволил полжаловать Георгиевское оружие Командиру 6-го Кубанского пластунского батальона полковнику Николаю Зиньковскому за то, что в бою 6-го ноября 1914 года на высотах у селения Чиджарек проявил мужество и распорядительность, отбил атаку превосходных сил противника и, несмотря на большие потери, перейдя с батальоном в контратаку, предотвратил охват левого фланга бригады и тем способствовал общему успеху её действий».

Родился Николай Иванович 6 декабря 1857 г. Окончил Кубанскую войсковую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище по 2-му разряду и Кавказскую учебную роту с отличием. Службу начал казаком 31 августа 1874 г. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. 20 августа 1877 г. произведён в хорунжие, в 1879 г. награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В 1880 г. – орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В апреле 1893 г. в чине есаула увольняется от службы по семейным обстоятельствам.

28 августа 1903 г. назначается помощником старшего адъютанта Управления Темрюкского отдела, а 2 апреля 1909 г. в чине подполковника назначен командиром 6-го Кубанского пластунского батальона. 28 февраля 1916 г. он отчисляется от службы по болезни, 11 июля того же года назначается атаманом Майкопского отдела, а 27 ноября – атаманом Ейского отдела.

О важности вклада пластунов 6-го Кубанского пластунского батальона в общую победу 6 ноября 1914 г. говорит поистине звездопад Георгиевских крестов и медалей, которыми военное руководство наделило пластунов. Некоторые награды вручил пластунам 1 декабря Великий князь Николай Николаевич. Среди награждённых – подхорунжий Георгий Гончаров из Невинномысской станицы (крест 4-й степени №103763), старший урядник Антон Мирошниченко из Спокойной станицы (№103890), старший урядник Игнат Попков из Вознесенской станицы (№103768), приказный Роман Рыбалкин из Урупской станицы (№103668), младший урядник Дмитрий Лещенко из той же станицы (№103838), старший урядник Павел Никифоров из Беломечетской станицы (№103670), приказный Михаил Хвостов из Бесстрашной станицы (№103841), приказный Фёдор Каун из Попутной станицы (№103878), приказный Савелий Мацков из Урупской станицы (№103870), приказный Сергей Сорокин из Константиновской станицы (№103826), старший урядник Казьма Медяник из Воровсколесской станицы (№103696), приказный Василий Акимов из Беломечетской станицы (№10824), приказный Иван Белашов из Надёжной станицы (№103754), приказный Иван Погорелов из Баталпашинской станицы (№103654), старший урядник Александр Ганжа из Старолеушковской станицы (№103793), подхорунжий Михаил Щепихин из Урупской станицы (№103544), младший урядник Дмитрий Хайлов из Каменнобродской станицы (№103753), приказный Иван Котляров из Урупской станицы (№103856), приказный Захар Ватулин из Отрадной станицы (№103700), приказный Андрей Семенченко из Барсуковской станицы (№103833).

Николай Ткаченко, получив из рук будущего Главнокомандующего Кавказской армии Великого князя Николая Николаевича Георгиевский крест 4-й степени, к концу года получил также серебряный крест 3-й степени (№10608), золотые – 2-й степени (№1845) и 1-й степени (№960) и тоже стал полным Георгиевским кавалером.

Представления о награждении за боевое отличие 6 ноября 1914 г. других пластунов ушли по инстанциям, а награды казаки получили в городе Батеме, куда батальон был выведен для пополнения, отдыха и учёбы. Здесь Георгиевские кресты 4-й степени получили старший урядник Степан Каширин из Воровсколесской станицы (№153469), старший урядник Иван Ревин из Отрадной станицы (№153470), младший урядник Даниил Кулыгин из Усть-Джегутинской станицы (№153471) и пластуны: Павел Тапоркин из Чамлыкской станицы (№153479), Сергей Ерёмин из Отважной станицы (№153480), Степан Яковенко из Удобной станицы (№153481), Михаил Захаров из Вознесенской станицы (№153482), Антон Колесников из Урупской станицы (№153483), Пётр Макев из Беломечетской станицы (№153484), Иван Степанов из Невинномысской станицы (№153485), Иван Федичкин из Николаевской станицы (№153486), Аким Пушкарёв из Зассовской станицы (№153487), Герасим Черноусов из Урупской станицы (№153488), Степан Ефименко из той же станицы (№153489), Павел Смаглюк из Удобной станицы №153490), Пётр Попов из Беломечетской станицы (№153491), Дмитрий Раздольский из Невинномысской станицы (№153492), Алексей Кравцов из той же станицы (№153493), Василий Макеев из Беломечетской станицы (№153494), Тимофей Коновалов из той же станицы (№153495), Василий Минин из Константиновской станицы (№153478), Андрей Никифоров из Сенгилеевской станицы (№153512), Панкрат Ляшенко из Спокойной станицы (№153496), Николай Мельников из Баталпашинской станицы (№153772), Георгий Басак из Беломечетской станицы (№153474), Иван Дьяченко из Беломечетской станицы (№153475), Пётр Чекалин из Безкоробной станицы (№153476) и Пётр Иванов из Беломечетской станицы (№153477).

Серебряные Георгиевские медали с надписью «За храбрость» 4-й степени получили: младший урядник Андрей Орлов из Урупской станицы (№176903), приказные Андрей Дьяков из той же станицы (№176897), Тихон Моисиженко из Надёжной станицы (№176968), Сергей Рагузев из Рождественской станицы (№176898) и пластуны: Гавриил Андреев из Николаевской станицы (№176891), Иван Ищенко из Подгорной станицы (№176892), Василий Реуков из Упорной станицы (№176893), Андрей Овсянников из Зассовской станицы (№176894), Георгий Долматов из Урупской станицы (№176895), Казьма Лысов из Прочноокопской станицы (№176896), Яков Игнатъев из Вознесенской станицы (№176900), Иван Запо-

рожский из Зассовской станицы (№176901), Иван Ченцов из Убеженской станицы (№176902), Яков Сериков из Попутной станицы (№176904), Филипп Дегтярёв из Зассовской станицы (№176905), Михаил Михайлов из Беломечётской станицы, Николай Жуков из той же станицы (№176906), Иван Малыхин из Николаевской станицы (№176908), Александр Дурняткин из Урупской станицы (№176910), Иван Якименко из Удобной станицы (№176911), Владимир Сериков из Михайловской станицы (№176885), Семён Татаренко из той же станицы (№176886), Антон Бондарев из Беломечетской станицы (№176887), Георгий Киреев из Бекешевской станицы (№176888), Григорий Лиманов из Беломечетской станицы (№176889), Иван Макаревский из Спокойной станицы (№176890) и младший урядник Тимофей Евдокимов из Усть-Джегутинской станицы (№176912).

21 ноября 1914 г. Георгиевских крестов за боевые отличия были удостоены приказный Михаил Лесной из Упорной станицы (№103762) и приказный Андрей Семенченко из Барсуковской станицы (№103880).

Самые драматические события на Кавказском фронте происходили в середине декабря. 14 декабря русскими разведчиками был взят в плен начальник штаба 29-й турецкой пехотной дивизии с подробным планом операции «Сарыкамыш». Селение Сарыкамыш являлось главной базой снабжения Кавказской армии. Здесь заканчивалась железная дорога. К этому времени все созданные отряды, преодолев перевалы, углубились по долинам на территорию противника, где вели боевые действия. В момент, когда Сарыкамыш фактически окружили со всех сторон войска 9-го и 10-го турецких корпусов, здесь находились только вспомогательные службы да выпускники тифлисской школы прапорщиков. Под натиском противника наши разрозненные части отошли к железнодорожной станции Сарыкамыш. Н.Г. Корсун писал: «В критический момент отхода, около полудня, подошёл 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк, рысью спешивший к Сарыкамышу, насколько это позволяла горная зимняя дорога. Казаки ввели в бой свои пулемёты и бывшие с ними четыре конных орудия, подкрепили изнемогавший в неравной борьбе отряд Букретова». В этом бою командир полка Антон Тарасович Кравченко, из казаков Новоцербиновской станицы, был убит. Следует добавить, что к этому времени турки перерезали железную дорогу Карс-Сарыкамыш, захватив наш санитарный поезд.

Находившийся в распоряжении Сарыкамышского отряда, который уже вышел на берега реки Аракс, начальник штаба Кавказской армии Машлаевский 14 декабря созвал в Меджигерте совещание начальствующих лиц для обсуждения создавшегося положение в связи с «наступающей катастрофой для Кавказской армии». В составленной тогда директиве предписывалось: «Для выручки Сарыкамыша отправляется 2-я бригада 20-й дивизии, 1-я и 2-я пластунские бригады, 5-я Туркестанская стрелковая бригада и 155-й пехотный кубанский полк».

6-й Кубанский пластунский батальон прибыл в окрестности Сарыкамыша к вечеру 16 декабря и сразу вступил в бой. О характере боевых действий мы можем судить по наградным представлениям на некоторых офицеров батальона. Георгиевская кавалерская дума одобрила, а Император Высочайшим приказом утвердил пожалование Георгиевского оружия 26-го Кубанского пластунского батальона подъясаулу Николаю Рубану за то, что в ночь с 16 на 17 декабря 1914 года, при обороне Сарыкамыша после упорного ружейного штыкового боя, захватил с командуемой им же сотней железнодорожного моста, который ранее был занят неприятелем и, кроме того, отбил обоз одной из войсковых частей, ранее захваченный неприятелем, – благодаря его действиям, сражение приняло решительный оборот в нашу пользу».

Николай Павлович Рубан родился 5 ноября 1874 года в станице Старотитаровской. Учился в Воронежском Михайловском кадетском корпусе и Ставропольском казацком юнкерском училище. В начальный год войны, кроме того, награждался орденами Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орденом Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Вернулся с фронта 14 января 1917 года.

Ещё более высокую награду – орден Святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени получил (посмертно) «6-го Кубанского пластунского батальона сотник Иов Заскалько за то, что в бою ночью с 16-го на 17 декабря при обороне с. Сарыкамыш, после сильного ружейного огня, со своим взводом казаков первый бросился на железнодорожный мост, захваченный неприятелем, увлёк за собой остальные взводы и, выбив штыками превосходящие силы неприятеля, удержал за собой мост. Во время этого боя был смертельно ранен в живот и скончался завидной смертью героя».

Иов Васильевич Заскалько родился 20 мая 1884 года. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище. С 6 августа 1909 года слу-

жил в 3-й сотне батальона. В начальный период войны награждался также орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

За боевые отличия уже 16 декабря Георгиевские кресты 3-й степени получили подхорунжий Георгий Гончаров из Невиномысской станицы (№10580), старший урядник Павел Никифоров из Беломечетской станицы (№10563) и старший урядник Антон Мирошниченко из Спокойной станицы (№10577); Георгиевские кресты 4-й степени – старший урядник Михаил Голионцев из Воровсколеской станицы (№152216), младший урядник Андрей Иванюк из Сенгилеевской станицы 9№152217), младший урядник Стефан Лавриненко из передовой станицы (№152218), младший урядник Зиновий Коновалов из Бесстрашной станицы (№152219), старший урядник Андрей Казлитин из Новоалександровской станицы – Георгиевскую медаль 4-й степени (№175787). Кресты 4-й степени получили также пластун Гавриил Бабенко из Марьянской станицы (№152225), пластун Дмитрий Шведенко из Беломечетской станицы (№152227), пластун Ефим Ширьков из Бейсугской станицы (№152287), Андрей Лабанцев из Родниковской станицы (№152288), Михаил Меркулов из Григориполисской станицы (№152289), старший урядник Павел Ющенко из Упорной станицы (№152298), младший урядник Александр Ткачёв из Суворовской станицы (№152301), младший урядник Яков Булгаков из Отрадной станицы (№152302), младший урядник Давид Здвижков из Михайловской станицы (№152304), пластун Пётр Подсвилов из Георгиевской станицы (№152308), Пётр Кривенцов из Новотроицкой станицы (№152309), Емельян Казлитин из Отрадной станицы, Тимофей Овсянников из той же станицы (№152311), Яков Михеев из Кардоникской станицы (№152312), Пётр Манин из Новотроицкой станицы (№152313), Дмитрий Лебединцев из Исправной станицы (№152314), Антон Мерзликин из Новотроицкой (№152316), Алексей Савельев из Суворовской станицы (№152317), Павел Дусенко из Зеленчукской станицы (№152318), Пётр Дулин из Новотроицкой станицы (№152319), Пётр Лоскутов из Суворовской станицы (№152320), Семён Левадный из Воровсколеской станицы (№152323), Фёдор Калашников из Новотроицкой станицы (№152324), пластун Алексей Жуков из Суворовской станицы (№152326), Илья Жуков из той же станицы (№152327), старший урядник Илларион Сальков из Чамлыкской станицы 9№151967), старший урядник Николай Прядкин из Бекешевской станицы (№151968), приказный Яков Назаров из Упорной станицы

(№151969), приказный Максим Половин из Баталпашинской станицы (№151970). Младшие урядники Евдоким Яковенко из Ахметовской станицы и Дмитрий Хайлов из Каменнобродской станицы получили Георгиевские кресты под №10616 и 10617 соответственно.

Что касается Павла Александровича Ющенко, то он родился в 1890 г. в станице Упорной. Службу начал в феврале 1912 г. во 2-й сотне батальона. Закончил батальонную учебную команду. К началу войны был уже старшим урядником. 30 апреля 1915 г. произведён в фельдфебели, 26 октября 1916 г. за боевые отличия произведён в прапорщики. После награждения за боевое отличие 16 декабря 1914 г. он награждался серебряным Георгиевским крестом 3-й степени (№16885) 17 апреля 1915 г.; золотыми – 2-й степени (№2230) «За храбрость, проявленную 13 мая 1915 г.» и 1-й степени «за бой 27 июля 1915 г.» и 16 августа 1915 г. стал полным Георгиевским кавалером.

Еще два будущих полных Георгиевских кавалера получали серебряные Георгиевские кресты за храбрость и мужество, проявленные ими в бою 16 декабря. Подхорунжий Григорий Зубков был награждён крестами 4-й степени под №211637 и 3-й степени №28184 и подхорунжий Филипп Конрезов из Невиномысской станицы.

Григорий Абрамович Зубков родился в станице Сторожевой 21 ноября 1883 г. До конца 1914 г. был удостоен золотых Георгиевских крестов 2-й и 1-й степеней. До войны награждён бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых, а после производства в офицеры награждался орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Филипп Конрезов 16 декабря 1914 г. получил Георгиевский крест 3-й степени под №28410. К концу года он имел золотые Георгиевские кресты 2-й и 1-й степеней.

По два Георгиевских креста в этот день получили также: младший урядник Ануфрий Кизилов из Отрадной станицы – 4-й степени (№211565) и 3-й степени (№28308), младший урядник Лазарь Мельников из той же станицы – 4-й степени (№152419) и 3-й степени (№28411), а также пластун Герасим Торохтеев 4-й степени (№211572) и 3-й степени крест под №28541 он получил 18 декабря. Кресты 4-й степени в этот день заработали пластун Пётр Братков из Барсуковской станицы (№211707), пластун Никита Никитин из Суворовской (№211601), Семён Глущенко из Надёжной станицы (№211667), Василий Дорони из Каладжинской станицы (№211708), Иван Зосимов из Подгорной станицы (№211617), Григорий Бурляев из Беломечетс-

кой станицы (№211573), Иван Федоренко из той же станицы (№211720), Гавриил Проскурак из передовой станицы (№211719).

Наиболее кровопролитные бои шли в продолжение ночи и днём 17 декабря 1914 года. За боевые отличия в это время Георгиевские кресты 4-й степени получили: пластун Сергей Лагошин из Удобной станицы под №152223, Дементий Овчинников из Прочноокопской станицы (№152224), Иосиф Серенко из Урупской станицы (№152227), Константин Дубков из Беломечетской станицы (№152229), Гавриил Маклаков из Зассовской станицы (№152230), Михаил Беседин из Темнолесской станицы (№152231), Михаил Егоров из Отважной (№152232), Николай Шурин из Григориполисской (№152233), Даниил Карачун из Прочноокопской (№152234). Дмитрий Семенцов из Урупской станицы (№152235), Сергей Пущиенко из Зассовской станицы (№152236), Иван Чуприков из Удобной станицы (№152238), Иван Ласкин из Прочноокопской станицы (№152239), Ефрем Тарасов из Подгорной станицы (№152241), Иван Черкашин из Отважной (№152242), Андрей Черкашин из Вознесенской (№152243), Александр Кравцов из Невиномысской станицы (№152244), Иван Пиницын из Григориполисской (№152245), Кирилл Кнуренко из Григориполисской (№152246), Пётр Коренев из Подгорной (№152247) (посмертно), Григорий Брагин из Каладжинской (№152249) (посмертно), Парфентий Вихлянцев из Прочноокопской (№152251) (посмертно), Иван Белоус из Беломечетской станицы (№152252) (посмертно), Василий Пазыч из Удобной (№152254) (посмертно), Лаврентий Хаустов из Каменнородской (№152256) (посмертно), Илья Подсвилов из Беломечетской (№152264) (посмертно), Антон Бондарев из Беломечетской (№152264) (посмертно), Илья Квитка из Новотитаровской (№152265) (посмертно), Родион Выходцев из Безкоробной станицы (№152267) (посмертно), Василий Беляевский из Николаевской станицы (№152268), Иван Борисенко из Усть-Джегутинской (№152272), Василий Мацак из Безкоробной (№152284), Ефрем Гриценко из Безкоробной (№152285), старший урядник Лаврентий Студенцов из Бекешевской (№152286), Ефим Ширьков из Бейсугской (№152287), Андрей Лабанцев из Родниковской (№152288), Михаил Меркулов из Григориполисской (№152289), старший урядник Стефан Серков из Невиномысской (№152299), старший урядник Андрей Ткачёв из Баталпашинской станицы (№152300), пластун Макар Колесников из Преградной (№152303), Пётр Николаев из Суворовской (№152305), младший урядник Мирон Погребняков из Бекешевской станицы (№152306), Дмирий Величко из Воровсколесской станицы (№152321), Исай

Клычев из Михайловской (№152325), Андрей Захарьев из Убеженской (№152238), младший урядник Яков Дорофеев из Надёжной (№152329), младший урядник Василий Блишников из Беломечетской станицы (№152330), старший урядник Иван Лашков из Сегилеевской (№151971), пластун Иван Дмитриев из Убеженской (№151972), Кирилл Касимов из Суворовской (№151973), Пантелеймон Даневич из Красногорской (№151974), Иосиф Клычев из Михайловской (№151975), Даниил Федичкин из Убеженской (№151976), Сергей Михайлов из Воровсколесской станицы (№151977), Трофим Крыгин (станичная принадлежность не установлена) №151878.

Георгиевские кресты 3-й степени в тот день получили старший урядник Казьма Медяник из Воровсколесской (№10603), пластун самуил Полищук (№10611) посмертно, приказный Фёдор Студенцов из Бекешевской награждён Георгиевским крестом 3-й степени (№10803) и 4-й степени (№152226). Стефан Каширин из Воровсколесской заработал 17 декабря крест 3-й степени (№10604), 2-й степени (№1846). У старшего урядника Андрея Яковлевича Ткачёва Георгиевский крест 4-й степени был не единственным. Он также награждался серебряным крестом 3-й степени под №16860, 2-й степени и 1-й степени (№2231). 15 августа 1916 г. он был зачислен в Екатеринодарскую школу прапорщиков.

Пластун Фёдор Нескромный из Баталпашинской получил в этот день крест 4-й степени (№152271), а 19 декабря – 3-й степени (№10613). Подхорунжий Василий Тычков из Ладожской станицы также 17 декабря заработал крест 4-й степени (№152257), а 19 декабря 3-й степени (№10601). В 1-м Кубанском пластунском батальоне он стал полным Георгиевским кавалером.

Несколько пластунов были награждены Георгиевскими медалями 4-й степени: Георгий Киреев из Бекешевской (№13346), Иван Макаревский из Спокойной (№13348), Казьма Золин из Новоалександровской (№13349), Алексей Зайцев из Беломечетской (№175798), Фёдор Семёнов из той же станицы (№175799), Пётр Кривочура из Михайловской (№175800), Агапий Кислицын (станичная принадлежность не установлена) (№175801), Григорий Карнев из Григориполисской (175783), Василий Иванченко из Бесстаршной (№175789), Иван Шпак из Пашковской (№175790), Филипп Каратушка из Лабинской (№175792), Николай Максимов из Упорной (№175793), Григорий Борщов из Попутной (№175792), Гавриил Никитченко из Спокойной (№175794), Григорий Савогиров из Николаевской (№175795),

Василий Подольянка (станичная принадлежность не установлена) (№175786), Иван Коротков из Отважной (№175787), Пётр Соколов из Курганной станицы (№175587), Василий Казбанов из той же станицы (№175588) и Фёдор Семёнов из Упорной (№175589).

Бои за освобождение Сарыкамышы продолжались и в последующие дни. 18 декабря Георгиевские кресты 4-й степени заработали: Пётр Онищенко из Удобной станицы (№152290), Фёдор Субачёв из Отрадной (№152291), Карп Толмачёв из Удобной (№152292), Иван Сергеев из Константиновской станицы (№152293), Илья Краморенко из Константиновской (№152294), Фёдор Сушкин из Григориполисской (№152295), Флор Казанов из Николаевской (№152297) и старший урядник Андрей Сериков из Упорной станицы (№152298). Старший урядник пулеметной команды Иван Литовченко из Вознесенской получил 18 декабря Георгиевский крест 4-й степени (№ 211624), а 30 декабря 3-й степени (№28450).

19 декабря отличились и были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени: старший урядник Александр Маршалкин из Убеженской (№152258), младший урядник Борис Ливадный из Воровсколеской станицы (№152259), младший урядник Павел Таранов из Бекешевской (№152261) (посмертно), пластун Николай Фенев из Усть-Джегутинской посмертно, Дмитрий Вожжов из Отрадной (№152270), Афанасий Рудиков из Невиномысской (№152273), Григорий Неприн из Надёжной (№152274), Василий Болячев (станичная принадлежность не установлена) (№152275), Иван Рыбников из Темижбекской (№152276), Иван Гречкин из Бекешевской (№152277), Алексей Духнов из Надёжной (№152278), Николай Мельников из Надёжной (№152279), Василий Заскальченко из Беломечетской (№152280), Иван Гречкин- 1-й из Бекешевской (№152281), Иван Бельдиев из Бекешевской (№152282), Андрей Терещенко из Удобной (№152283).

Георгиевские кресты 3-й степени получили подхорунжий Максим Колядин из Подгорной станицы (№10556), пластун Даниил Кулыгин из Усть-Джегутинской (№10609), Иван Васильев из Невиномысской (№10610), Георгий Босак из Беломечетской (№10612), Алексей Ганжа из Старолеушковской (№10605), Василий Жуков из Суворовской (№10606), приказный Сергей Фенёв из Усть-Джегутинской (№10608) и фельдфебель Пётр Третьяков из Урупской (№10615).

Георгиевские медали 19 декабря получили Григорий Лиманов из Беломечетской (№13347), приказный Сергей Медведев из Каменноб-

родской станицы (№102125), старший урядник Андрей Воронин из Урупской (№102126), старший урядник Антон Коротич из Спокойной (№10211), приказный Никита Ткаченко из Зеленчукской (№102134), приказный Яков Кузера (№102137) и младший урядник Стефан Подопригора из Зеленчукской (№102148).

Ещё 16 декабря в командование 1-й Кубанской казачьей бригадой вступил генерал-майор М.А. Пржевальский. Его отряду 22 декабря удалось захватить командира 9-го турецкого пехотного корпуса, его штаб командиров и штабы всех пехотных дивизий. В этот день обозначился перелом во всей Сарыкамышской операции. 24 декабря командовать Сарыкамышским отрядом был назначен генерал Н.Н. Юденич. 25 декабря 1-я Кубанская пластунская бригада получила приказание следовать в южные районы Батумской области, куда отступали турецкие войска из района Ардагана и морем прибывало подкрепление из Константинополя. Пржевальский здесь возглавил отдельный отряд, задачей которого было обеспечение безопасности в районе Батум-Тифлис. Мало данных о том, как проходило очищение этого края. Но об этом частично можно судить по наградным представлениям. В Высочайшем приказе сообщалось о пожаловании Георгиевского оружия «6-го Кубанского пластунского батальона Владимиру Постовскому за то, что в бою 30 декабря 1914 года, временно командуя 3-й сотней при взятии высоты 808, наступая на гору, занятой неприятельскою пехотою до 6 рот с пулемётами, расположившуюся в трёх ярусах окопов, дошёл свою сотню до штыкового удара и взял штурмом все три ряда окопов. В дальнейшем наступлении, увидев перед собою в 1200 шагах неприятельскую батарею, своим метким огнём отогнал от орудия прислугу».

В том бою 30 декабря отличились пластуны пулемётной команды батальона. Георгиевские кресты 4-й степени получили: приказный Михаил Лабушкин из Сторожевой станицы (№211762), младший урядник Яков Фисунов из Красногорской станицы (№211664), пластун Сергей Михалов из Воровсколеской (№211692), приказный Пётр Памазанов из той же станицы (№211706), пластун Иван Целуйко из Попутной, младший урядник Родион Богданов из Чамлыкской (№211748), Трофим Ерыгин из Передовой (№211718). Старший урядник Иван Литовченко из Вознесенской получил крест 3-й степени (№28450).

В этот день Георгиевскими крестами 4-й степени были награждены: Василий Доронин из Передовой (№211708), Яков Турков из Воз-

несенской (№211562), приказный Григорий Патаманов из Спокойной (№211668), приказный Ефим Попов из Доно-Хопёрской станицы (№211670), приказный Николай Лунёв из Владимирской (№211513), старший урядник Дмитрий Колесников из Урупской (№211598), старший урядник Антон Коротич из Спокойной (№211518), младший урядник Иван Калугин из Передовой (№211565), приказный Андрей Усов из Каменнобродской (№211718), пластун Никита Тимченко из Зеленчукской, Александр Плетнёв из Константиновской (№211669), Георгий Сапунов из Новоалександровской (№211467), Григорий Колков из Сторожевой (№211666), Захарий Марченко из Барсуковской (№211714). В тот же день кресты 3-й степени получили: младший урядник Прокофий Малахов из Подгорной (№10581), младший урядник Савелий Мацков из Урупской (№10583), приказный Иван Куц из Удобной (№10596), приказный Иван Зосимов из Подгорной.

Саунов Георгий Андреевич, получивший Георгиевский крест 4-й степени 30 декабря 1914 г., родился 29 мая 1892 г. в станице Новоалександровской. Известно, что он 17 сентября 1915 г. награждался крестом 2-й степени (№16169). 5 марта 1916 г. – таким же золотым крестом 1-й степени (№1631), а 25 июня 1915 г. Георгиевской медалью 4-й степени (№322299). 11 октября 1916 г. за боевые отличия произведен в прапорщики, а 19 сентября 1917 г. – в хорунжие.

В марте 1915 г. 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады были выведены из окопов на отдых и пополнение, а в середине апреля прибыли морем в Севастополь, где тренировались в высадке десантов с моря. По договорённости с союзниками русские войска должны были высадиться в районе Константинополя и захватить проливы. Однако англичане нарушили договор и сами высадились в Галиполи. В этих обстоятельствах пластуны были переброшены в Галицию, где русские войска постепенно уступали неприятелю завоёванные осенью территории в Карпатах и Прикарпатье. Здесь пластуны провели в тяжёлых боях всё лето. О характере боёв в этот период может рассказать наградное представление на уроженца Чамлыкской станицы П.К. Венкова: «Утверждается пожалование командующим IX армиею, по удостоверению местной Георгиевской Кавалерской Думы ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени Войсковому Старшине 6-го Кубанского пластунского его Величества батальона Петру Венкову за то, что в бою 25 августа 1915 года у сел. Выгода, командуя сотней во время наступления, подавая пример доблести, идя под сильнейшим ружейным и пулемётным огнём впе-

реди своих пластунов, первым вскочил в окопы противника. Заметив, что неприятель, отступив, занял вторую линию окопов, он немедленно повёл атаку на эту линию и, несмотря на пулемётный огонь, которым австрийцы поражали его сотню в упор, бросился на находившиеся против него три пулемёта и перебив сопротивляющуюся прислугу, захватил все три пулемёта. Двинувшись затем на третью линию окопов, был ранен и выбыл из строя».

Осенью 1915 г. стало известно, что англичане ликвидируют свой Галиполийский фронт. Стало ясно, что освободившиеся на этом участке силы турки перебросят на Кавказский фронт. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандующего решила вернуть сюда 1-ю и 2-ю Кубанские пластунские бригады. Опыт по высадке морских десантов пригодился и здесь, т.к. пластуны вошли в состав Приморского отряда. 7 апреля 1916 г. обе бригады были высажены справа и слева от турецкого порта Ризе. В ночь на 8 апреля 1-я пластунская бригада снова была посажена на суда и высадилась у Хамургана, где Приморский отряд вёл наступление на Трапезунд. 19 апреля войска Приморского отряда заняли этот крупный турецкий город. На Кавказе пластуны оставались до окончания войны.

Что касается вопроса: заслуживали ли пластуны 6-го Кубанского батальона Высочайшего шефства, то ответ должен быть утвердительным. Об этом говорит список Георгиевских кавалеров – как офицеров, так и нижних чинов, который удалось составить по имеющимся скудным документам начального периода войны. Список их этим не исчерпывается. Есть список Георгиевских кавалеров 1-й Кубанской пластунской бригады (без 1-го батальона), получивших Георгиевские награды в 1914 г. за Сарыкамышскую операцию. Он насчитывает 110 человек. Это, по меркам Русской армии, запредельная цифра для такого небольшого хронологического периода. Но в этом списке нет указания, кто в каком пластунском батальоне служил и кто откуда родом. Работа по установлению этих сведений автором будет продолжена.

Примечания

В статье использованы следующие источники и литература:

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XVII. СПб., 1900. Ст. 671, 14746; Т. XX. СПб., 1902. Ст. 19507. С. 1074; ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10836, 10858. Оп. 2. Д. 726, 924. Ф. 434. Оп. 2. Д. 3; Приказы по Кубанскому казачьему войску 1906 (инв.№8263), 1915 (инв.№9157) и 1916 г. (инв. №9155, 9158); Список (по старшинству чинов) генералам, штаб- и обер-офицерам Кубанского казачьего войска за 1907 год. Екатеринодар, 1908; Корсун Н.Г. кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004.

И.Т. Марзоев

Знание прошлого не только интересно, само по себе, как всякая история местной жизни, но оно всегда необходимо и весьма поучительно для того, чтобы иметь ясное представление о действительности.
(Г.Баев)

Осетинская аристократия на службе Российской Империи в XVIII-XIX вв.

После войны 1768–1774 гг. между Россией и Турцией был заключен Кючук-Кайнарджийский договор. Согласно 21-й статье этого договора был ликвидирован, так называемый «нейтралитет» Кабарды. Таким образом, учитывая существовавшие взаимоотношения между Кабардой и Осетией, русским правительством решился вопрос о присоединении Осетии к России. В рапорте астраханского губернатора правительству сказано: «Как Кабарда почитает осетинский народ своим подданным, то и оный, с нею соединенный, подлежит к здешней стороне» [1]. А глава Коллегии иностранных дел России Н.И. Панин сообщал князю Г.А. Потемкину, что осетины «с управлением Кабардинского народа губернатором астраханским находятся в связи и соответствии неразрывных, и дело, имея с одним народом, надобно иметь уже и с другими» [2]. Таким образом, в 1774 г. основная часть Северной Осетии вошла в состав Российского государства [3].

В январе 1827 г. балкарские и дигорские феодалы подали командующему русскими войсками генерал-лейтенанту Г.А. Эммануэлю прошение о принятии их в русское подданство. Они просили привести их народы к присяге, выражали готовность отдавать детей своих в аманаты. Прошение подписали осетины: Касай Кубатиев, Давлетуко Абисалов, Бинагер Карабугаев, Созо Саваатов (Кобегкаев – И.М.), Татархан Туганов и балкарцы: Арслан-Аджи Жанхотов, Кельмамбет Баймурзов, Магомет Шакманов, Мурзакул Урусбиев [4]. Причиной этого, по мнению В.Н. Кудашева, явилось стремление «предохранить себя от возможных случайностей», из-за «водворения русских на Северном Кавказе «после присоединения Грузии к России» [5]. Эта верноподданническая присяга эта была принята.

Зная о тесных отношениях дигорских баделят с кабардинскими и балкарскими феодалами, российские власти использовали авторитет братьев Касая и Айтека Тугановых для влияния на балкарских князей. Это было вызвано тем, что кабардинские князья Магомет Докшукин, Казбулат и Безоруко Кильчукины, прибывшие в Балкарское общество, требовали, чтобы местные феодалы воевали на их стороне с Россией, грозя в противном случае, «искоренением». Россия, обещая покровительство и защиту, требовала от дигорцев и балкарцев «никоим образом не принимать к себе вышеописанных владельцев, и не доставлять им убежища в местах своих, но отдалять оных от себя, и не допускать ко удалению в горы» [6].

В первой половине XIX в., в преддверии приезда Императора на Кавказ, представители дигорского и балкарского народов направили Государю Императору прошение, в котором отразили свои насущные проблемы:

- 1) оставить их при желаемом ими вероисповедании;
- 2) дозволить им беспрепятственно пользоваться теми землями, коими до того времени пользовались;
- 3) дозволить им производить разбирательство дел по древним обычаям;
- 4) оставить родовые преимущества и звания тем, которые таковыми с незапамятных времен пользовались;
- 5) повелеть возвратить к своему семейству балкарца Алибека Абаева, отданного 8 лет назад в солдаты.

С осетинской стороны прошение подписали депутаты – Касай Кубатиев, Асламурза Туганов, Магомет Абисалов, Бинагер Карабугаев, Ислам Каражаев. С балкарской – Хату Мисаков, Хаджи-Аслан Джанхотов, Асланбек Суюнчев, Ахтуган Шакманов, Мамбет Балкароков, Каншао Кучуков, Ибрагим Келеметов, Шампало Урусбиев [7].

Царское правительство было крайне обеспокоено усиливавшимся влиянием ислама среди горских народов, поэтому всячески поддерживало развитие миссионерской деятельности в Северной Осетии и других областях Северного Кавказа. 5 июля 1763 г. подполковник П. Гак приступил к строительству первой комендантской крепости – Моздок. Переселявшиеся туда крестьяне получали на новом месте землю, определенную денежную сумму, зерно на посев хлеба и пропитание [8]. В деле переселения осетин, кабардинцев и других горцев в Моздок значительную роль сыграла Осетинская духовная комиссия. Это была миссионерская организация, во главе

которой стал архимандрит Пахомий. В задачу комиссии входило распространение христианства среди горцев Северного Кавказа, что являлось одной из целей колониальной политики царского правительства на Юге России. В первую очередь царская администрация старалась убедить принять крещение представителей правящей элиты кавказских народов, надеясь затем использовать их авторитет для перехода в православие остального населения.

В 1774 г. был крещен куртатинский феодал Алегуко Цаликов [9]. В 1782 г. был крещен тагаурский алдар Кайтуко Дударов с братьями, «восприемником» их был князь П.С. Потемкин. В 1786 г. в Херсоне крестился дигорский баделят Курман Кубатиев, «восприемницею от купели» была сама Императрица Екатерина II. В 1790 г. были крещены дигорский баделят Айтек Туганов, куртатинские феодалы Созорук Арисханов, Соломон Гуриев, Петр Цаликов, «восприемником» их также был князь П.С. Потемкин [10].

В 80-х гг. XVIII в. по указу Г.А. Потемкина из кабардинцев, осетин и ингушей были созданы боевые команды [11]. «Под командованием генерал-майора И.С. Горича эти команды приняли активное участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., впоследствии они служили «с отличием и против шведов» [12]. Из служивших там осетин, особо отличились Курман Кубатиев, которому был присвоен чин секунд-майора, Айтек Туганов и Кайтук Байгиреев, которым было пожаловано звание капитана [13].

Для проведения своей политики на Кавказе, и в частности, в Осетии, Российское правительство использовало институт аманатов. «Аманат» в переводе с арабского означает «заложник». Часто это был ребенок из знатной семьи, даваемый в обеспечение договора. Нарушение договора означало рабство или смерть аманата. Молодые горцы получали в России военное классическое образование. Считалось, что по прибытии на родину они донесут до своих соплеменников идеи цивилизованного общества, образования, европейской культуры, что, в свою очередь, положительным образом должно сказаться на общих настроениях кавказцев по отношению к России.

Многие аманаты, получившие таким образом образование в России достигли успехов в военной карьере. К ним можно отнести ряд прославленных представителей осетинской военной интеллигенции:

Тулатов Кази-Магомет Азнаурович – 1833 г. р., генерал-майор. Находился в аманатах в Санкт-Петербурге, воспитанник Дворянского полка. Служил в Рижском Драгунском Полку. Женат на русской графине NN, детей не было.

Тулатов Бимболат Азнаурович – 1836 г. р., находился в аманатах в Санкт-Петербурге. Службу начал 1.07.1861 г. в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона [14]. Женат на дочери тагаурского алдара Гошахан Дженаевне Дударовой.

Туганов Асланбек Магометович (1804–1875), генерал-майор, один из выдающихся представителей осетинской аристократии. Служил, а затем командовал Собственным Его Императорского Величества Конвоем. В 4-х летнем возрасте в 1808 г. был взят в аманаты, воспитывался в семье русского полковника Балабина. В 9 лет начал свою службу рядовым в Кабардинском пехотном полку. В 1829 г. уже в чине офицера состоял в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. В боях при взятии штурмом Варшавских укреплений за отличное выполнение боевых задач был награжден бриллиантовым перстнем. Асланбек Туганов высочайшим приказом был произведен в генерал-майоры с зачислением по кавалерии и назначен состоять при Кавказской Армии. Награжден орденами: Св. Анны 3 степени с бантом, Св. Анны 2 степени, Св. Анны 1 степени, Св. Станислава 3,2,1 степени, Св. Владимира 1 и 4 степени, Знаком отличия Польского ордена и мн. др. Имел медали: серебряную за взятие приступом Варшавских укреплений 25 и 26 августа 1831 г., бронзовую – в память войны 1853-1856 гг., особый крест за службу на Кавказе. Женат первым браком на дочери дигорского царгасата Майхо Карабугаевой. Вторым – на дочери дигорского царгасата Кенджехан Карабугаевой [15].

Кундухов Мусса Алхастович – (1818-1889), генерал-майор. В 1830 г. в возрасте 12 лет был взят аманатом в Петербург и определен воспитанником в Павловский кадетский корпус. В 1849 г. по распоряжению господина главнокомандующего действующей армией назначен командующим Кавказским Конно-Горским дивизионом. За отличие по службе Высочайшим приказом произведен в генерал-майоры с оставлением по армейской кавалерии – 30.08.1860 г. Награжден: орденом Св. Анны 3 ст. с бантом, орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом, орденом Св. Станислава 2 ст., орденом Св. Анны 2 ст., кавалерийским Крестом Леопольда Австрийского, серебряной медалью в память Венгерской кампании 1849 г., орденом Св. Анны 2 ст. с Императорской короной, приказом по Кавказской армии № 206 награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», орденом Св. Владимира 3 ст. с мечами, орденом Св. Станислава 1 ст. с мечами, за выслугу в офицерских чинах 25 лет Всемилостивейше награжден орденом Св. Георгия 4 ст., бронзовой

медалью на Георгиевской ленте в память минувшей русско-турецкой войны 1853-1856 гг. [16]. Женат на дочери дигорского баделята Кошер-Хан Иналукнове Кубатиевой.

Асламурза Бесланович Есиев — (1830-1924), подполковник. Общественный и военный деятель, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.. В девятилетнем возрасте Асламурзу взяли в аманаты. Он окончил 2-й кадетский корпус в Петербурге, служил в Терской постоянной милиции, где командовал 2-й сотней. Совместно с Алиханом Ардасеновым написал работу «Высшее сословие у осетин Куртатинского общества», изданную в Москве в 1882 г. 25 января 1876 г. А. Есиев назначен командиром Осетинского дивизиона Терско-Горского иррегулярного полка, в котором служил в течение всей Дунайской кампании. В числе множества наград — орден Святого Владимира IV степени с мечом и бантом, Святой Анны II степени с бантом, Святого Станислава II степени с мечом и бантом, румынский Железный крест. Асламурза был женат на Айшет, дочери подпоручика Муссы Жантиева [17].

Гайтов Тасо Дудаевич, 1826 г.р., доблестный офицер русской армии, разделив судьбу многих детей горской знати, он в 6-летнем возрасте был взят аманатом; воспитание получил в семье полковника в Варшаве. Армии отдал 25 лет. Характеризуя его, командир Владикавказского казачьего полка особо выделил такие черты, как ум, отвага, чрезвычайное трудолюбие, предприимчивость, строгость и требовательность к себе. Тасо Гайтов смог достойно нести службу пристава у кабардинцев, ингушей, в Дигорском, Алагирском и Куртатинском ущельях, а затем возглавил сословный суд [18].

В 1828 г. из представителей кавказских народов был сформирован Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон. «При создании этого подразделения, в частности, имелось в виду, что горцы, после пребывания и службы в Петербурге, понесут культуру к себе на Родину. Горцы в полуэскадроне менялись через известные промежутки времени. По своему составу он был учреждением аристократическим» [19].

Одними из первых осетин, вошедших в состав Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, были: Бахта и Асланбек Кубатиевы, Аслан-Гирей, Кубади и Магомет Тугановы, Абисал Абисалов, Индрис Кундухов, Кудаберд и Кизильбек Дударовы, и др.[20].

Император Николай I в марте 1834 г. приказал сформировать два полка, один из закавказских мусульман, другой из добровольцев кабардинцев, кумыков и других горцев. Положение по этому поводу

гласило: «формируются при отдельном Кавказском корпусе для действующей армии два иррегулярных конных полка, один из мусульман, армян и вообще закавказских жителей под именем мусульманского, другой из черкес, кабардинцев, кумыков и других горцев, под именем Кавказско-Горского»[21].

Наибольшее число молодых людей, отправлявшихся служить в Россию, в Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, приходилось на представителей тагаурских алдар и дигорских баделят. Только у Дударовых в 1830 г. насчитывалось 48 офицеров русской армии, многие в звании майоров и капитанов. Одними из первых в конвой отправились:

Дударов Кизильбек Тау-Султанович – 1819 г.р., корнет, состоящий по кавалерии. Службу в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона начал оруженосцем 12.10.1839 г.[22].

Дударов Кудаберд Джанхотович – 1819 г.р., корнет, службу начал в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона оруженосцем – 3.01. 1839 г.[23]. В первом браке состоял с дочерью тагаурского алдара Залихан Кундуховой, во втором – с дочерью балкарского таубия Гульмехан Камболатовны Темиркановой.

Есенов Касполат Габисович – 1819 г.р., Гвардии полковник. Начал службу 10.09.36 г. оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона [24]. Женат на дочери грузинского дворянина Зали Гавриловне Казбек-Моурави, правителя Дарьяльского и Гудамарского ущелий при последних царях Грузии Ираклие II и Георгие XII.

Кануков Касполат Дзамболатович – 1819 г.р., корнет, службу начал 1.09.1841 г. в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона [25]. Женат на дочери тагаурского алдара Зараде Беслановне Тулатовой.

Кундухов Индрис Алхастович – 1823 г.р., майор. Службу начал оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона 24.11.1840 г.[26]. В чине капитана состоял на службе во Владикавказском Линейном Казачьем полку, который находился в распоряжении Начальника Владикавказского военного округа [27]. Женат на дочери тагаурского алдара Елизавете Кучуковне Дударовой.

Шанаев Караше Шаулохович – 1819 г.р., поручик, военную службу начал оруженосцем 9.07.1842 г. в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона [28]. Женат на дочери тагаурского алдара Кыз Мамсуровой.

Кубатиев Асланбек Дударукович – (1814-25.02.1860), штабс-капитан, служил в Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскад-

рона, 1-м Владикавказском Казачьем полку. На службе с 10.09.1836 г.[29]. Женат на дочери тагаурского алдара Хаджихан Кундуховой.

Кубатиев Бахта Бепбузарович – 1796 г.р., штабс-капитан. Службу начал в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона 12.10.1838 г. оруженосцем [30]. Служил в Кубанско-Терском Казачьем дивизионе под командованием генерала К. Занкисова. В 1832 г. награжден золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Анненской ленте. Женат на дочери дигорского баделята Гошемайхо Татархановне Тугановой.

Туганов Аслан-Гирей Магомедович – (1809-2.01.1863 гг.), ротмистр, службу начал оруженосцем в Лейб-Гвардии Кавказско-Терского полуэскадрона 12.10.1838 г.[31]. Являлся депутатом в «Комитете, учрежденном для разбора личных и поземельных прав туземцев Военно-Осетинского округа». Женат на дочери дигорского баделята Залихан Дударуковне Кубатиевой (1803 г.р.).

Туганов Кубади Казиевич – 1814 г.р., поручик, службу начал в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона 12.10.1838 г. оруженосцем [32]. Женат на дочери тагаурского алдара Госаге Дударовой.

Туганов Магомет Дзамболатович (1819-11.06.1840 гг.), оруженосец Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона с 12.10.1838 г. Умер от нервной горячки во время службы[33].

Абисалов Абисал Азаматович – 1804 г.р., штабс-ротмистр, начал службу 12.10.38 г. оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона [34]. Женат на дочери дигорского царгасата Гуаше Хамурзаевне Сосрановой-Карабугаевой. В 1865 г. вместе с семьей переселился в Турцию.

Абисалов Генардук Девлетукович – подполковник. Начальное образование получил при доме родителей. В службу вступил оруженосцем 02.09.41. в Лейб-Гвардию Кавказско-Горского полуэскадрона [35]. Был награжден светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память Турецкой войны 1853-1856 гг., серебряной медалью за покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 гг.[36]. А также орденами: Св. Станислава 2 и 3 степени (4.12.1869), Св. Анны 2 степени, Св. Владимира за 25 лет службы [37]. Женат на дочери дигорского баделята Келумхан Кучуковне Зураповой-Кубатиевой.

Абисалов Иналук Елканович – 09.05.1854 г.р., подъяесаул. Образование получил при доме родителей. В службу вступил во 2-й взвод Лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества Конвоя оруженосцем – 1.08.1877 г. Всемиловнейше

награжден вензелевым изображением в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича 6.04.1881 г.. 15.10.1896 г. за охрану пути следования Ее Императорского Величества Марии Федоровны с 18.09. по 15.10.1896 г. получил высочайший подарок – серебряный с бриллиантами, алмазами и сапфирами украшенный портрет. 11.10.1897 г. командирован в распоряжение Войскового начальства. 14.10.1897 г. за конвоирование Ее Императорского Величества Марии Федоровны от Баржома до Ахалциха получил высочайший подарок – золотые часы за № 24743 с золотой цепочкой. Награжден серебряной медалью с надписью «За службу в Собственном Конвое Государыни Императрицы Александры Федоровны» для ношения на шее. Женат на дочери дигорского баделята Лезий Магомедовне Кубатиевой [38].

Неоднократно самоотверженность осетин в деле служения России и Императорскому дому была отмечена правительством и Императором. В 1845 г. Николай I наградил осетин за боевую службу почетным народным знаменем при следующей грамоте:

«Божию Милостию Мы Николай I Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая.

Нашим верноподанным Осетинам Владикавказского округа.

Отлично-усердное и ревностное служение, постоянная преданность Правительству и примерная храбрость, оказываемая Осетинами Владикавказского округа против враждебных горцев, обратили на себя особенное наше благоволение в ознаменование коего Всемиловнейшее жалуем им почетное знамя, которое препровождая при сем, Повелеваем хранить оное – как знак МОНАРШЕГО НАШЕГО внимания, и в случае надобности употреблять при ополчении против неприязненных ИМПЕРИИ НАШЕЙ народов.

Пребываем ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостию к Осетинам Владикавказского округа благосклонны. С.-Петербург 15 марта 1845 года.

На подлинном подписано: НИКОЛАЙ» [39].

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. осетины на свой счет выставили дивизион из охотников, ушедший в составе Кавказской казачьей бригады в Дунайскую армию. Командовал Осетинским дивизионом куртатинский таубий ротмистр Асламурза Есиев. Давая оценку их доблести и героизму, генерал-лейтенант Скобелев в рапорте от 5.09.1877 г. начальнику Западного отряда армии писал: «Поведение осетин в эту кампанию по беспримерному самоотвержению и рыцарской храбрости выше всякой похвалы...»[40].

В 1878 г. Осетинскому дивизиону было пожаловано Георгиевское знамя при следующем рескрипте: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ АЛЕКСАНДР ВТОРЫЙ Император и Самодержец ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая...

НАШЕМУ Осетинскому дивизиону Терско-Горско-конно-иррегулярного полка. Вознаменование особенного МОНАРШЕГО благоволения НАШЕГО, за оказанные подвиги мужества и храбрости Осетинским дивизионом Терско-Горского конно-иррегулярного полка в делах с Турками в 1877 и 1878 годах, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ жалуюм дивизиону сему Георгиевское знамя с надписью «за отличие в Турецкую войну 1877-1878 годов» ПОВЕЛЕВАЕМ: освятить жалуемое знамя, по установлению употреблять на службу НАМ и ОТЕЧЕСТВУ с верностью и с усердием Российскому воинству свойственным.

На подлинном подписано: «АЛЕКСАНДР»

Царское село 8-го августа 1878 г.» [41].

Приведенные материалы свидетельствуют о тесных взаимоотношениях представителей осетинской знати, особенно ее военной аристократии, с Россией, принявшей непосредственное участие в их судьбе и способствовавшей получению ими солидного военного образования. Многие из них стали честью и гордостью своего народа.

Примечания

1. Русско-осетинские отношения. Сборник документов. Орджоникидзе, 1984. Т. 2. С. 329.
2. Там же. С. 394.
3. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т. 1. С. 136-137.
4. Туганов Р.У. К вопросу о русско-балкарских отношениях // Живая старина, 1992, №2. Нальчик. С. 18.
5. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 158.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 245. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
7. Архив КВИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 264.
8. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 59.
9. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 148.
10. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 137.
11. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В., Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 170.

12. Бутков П. Г., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб, 1869. Ч.2. С.207 // Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1998. С. 111.

13. Кабардино-русские отношения в XVI-XV вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957. Т. 2. С. 375-378.

14. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2003. С.59.

15. Дзагурова Г.Т. Под Российскими знаменами. Владикавказ, 1992 г. С.71-75.

16. Там же. С. 42-46.

17. Там же. С. 30.

18. Там же. С. 20

19. Петин С. Собственный его Императорского величества конвой. СПб, 1899, приложение №13. С. 85.

20. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2003. С.7-11.

21. Козубский Е. И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С.22.

22. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2003. С.8

23. Там же. С.8.

24. Там же. С.8.

25. Там же. С.17.

26. Там же. С.50.

27. Научный архив СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.278. Тетр. 23-а. С.47 об.

28. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2003. С.15

29. Там же. С.11.

30. Там же. С.38

31. Там же. С.36.

32. Там же. С.10.

33. Там же. С.10.

34. Там же. С.8.

35. Там же. С.50.

36. Научный архив СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр. 8. С.5-6.

37. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.23. Л.288.

38. Научный архив СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.275. Тетр. 7. С.10-11.

39. Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ, 1991. С.17.

40. Там же. С. С.31.

41. Там же. С. 43-44.

Династия лейб-медиков Боткиных на службе Отечеству

В истории медицины России есть много имён врачей, известных широкому кругу населения. Среди них выдающийся диагност и основоположник научной клинической медицины С.П. Боткин. Высокую оценку деятельности С.П.Боткина дали И.И. Мечников, Д.Д. Плетнев, А.П.Чехов, Н.А. Белоголовый. Многие выдающиеся деятели науки и литературы называли его великим врачом. Одной из главных заслуг Сергея Петровича является создание клинической школы, хотя понятие «школа Боткина» значительно шире, так как на нем воспитана целая плеяда выдающихся ученых, среди которых известный физиолог И.П. Павлов. Также Сергей Петрович являлся первым русским лейб-медиком Императоров Александра II и Александра III.

Родоначальником славной семейной династии Боткиных был Петр Кононович Боткин, крестьянин Псковской губернии. Человек умный и предприимчивый, он приехал в Москву в начале XIX в. и завел свое дело – чаоторговую фирму. Вышел в купцы первой гильдии, построил дом, дважды был женат. От двух браков имел двадцать пять детей. Род Боткиных дал стране ученых, художников, купцов, врачей. Самым известным стал профессор Военно-медицинской академии Сергей Петрович Боткин [1].

В 1832 г. в семье зажиточного московского купца родился сын Сергей. Отец, занимавшийся торговлей, которая поглощала все его внимание, не мог уделять много времени детям. Сергей был 11 ребенком в семье, поэтому много внимания воспитанию и образованию брата уделял старший сын Василий. В 1847 г. С.П. Боткина отдали в лучший частный московский пансион Эннеса, что способствовало развитию его природных способностей. Особенно его привлекала математика, но в силу политики Николая I в области системы образования, сущность которой составляли сословность, замкнутость и ограничение в получении образования представителями низших сословий, он смог поступить только на медицинский факультет Московского университета, куда был открыт свободный доступ абитуриентов. Окончив в 1855 г. университет со званием доктора, а не лекаря, что было в то время большой редкостью, Сергей

Петрович принял решение отправиться в Севастополь, где попал в число врачей того отряда, который вторично снарядила Великая княгиня Елена Павловна в Крым под руководством Н.И. Пирогова. «Государь Император, признавая пребывание академика Пирогова в Крыму при Армии весьма полезным Высочайше повелит изволил командировать его в Севастополь» [2]. Вместе в Пироговым в Крым были направлены младший фельдшер Д. Никитин, доктора медицины Пабо и Мецлер, лекарь Барча, доктор С. Боткин [3]. В сентябре он уехал в Симферополь, куда после падения Севастополя направлялись главные транспорты больных и раненых. Поездка эта продолжалась около двух месяцев и оставила у Боткина мало добрых воспоминаний. «Он вблизи увидел, какой страшной неурядицей в госпитальном деле сопровождалась эта великая, самоотверженная борьба русского народа, впервые познакомился с бесчисленными злоупотреблениями и хищениями администрации и убедился, сколько драгоценной энергии и сил должен был тратить Пирогов на борьбу с ними в ущерб своим прямым обязанностям, и тратить почти безуспешно» [4]. Количество раненых измерялось десятками тысяч человек. Из-за сильной близорукости Боткин не мог выполнять хирургические операции, и Н.И. Пирогов направил его с группой сестер милосердия в тифозные бараки, старшей сестрой в которых была Е.П. Карцева. Работа с Елизаветой Петровной запомнилась Боткину на всю жизнь. Спустя 17 лет, будучи профессором терапевтической клиники Медико-хирургической академии, он пригласил ее возглавить созданную в Петербурге Общину сестер милосердия Святого Георгия, которая в народе получила название Георгиевской общины [5].

После возвращения с Крымской войны Сергей Петрович уезжает за границу для ознакомления с западноевропейской медициной. Он учился в таких центрах Европы, как Берлин, Вена, Париж, работал в ведущих европейских клиниках и в патологоанатомическом институте Р. Вихрова. В Вене он женился на А.А. Крыловой, и в 1860 г. у них родился первенец, которого в честь отца назвали Сергеем. В том же году Боткин вернулся в Петербург, блестяще защитил диссертацию и начал преподавать в Медико-хирургической академии. Затем он возглавил терапевтическую клинику, которую реорганизовал по европейскому образцу. При клинике была учреждена амбулатория для приема приходящих больных, послужившей дополнительной школой для будущих врачей. Закончив с лекциями и обходом больных, С.П. Боткин приходил в амбулаторию, где консультировал всех нуждающихся в помощи. Одновременно он мно-

го принимал пациентов на дому, вне дома, так как популярность и доверие к нему как к врачу постоянно росли. Медицинский талант доктора Боткина соединялся с высокими нравственными качествами души. Он был убежден, что лечить надо не болезнь, а больного, и что больного нужно любить. Он принимал участие в основании Общины сестер милосердия св. Георгия, Женских высших врачебных курсов, был председателем Общества русских врачей в Петербурге, инициатором открытия больницы для неимущих больных [6].

В 1872 г. он был назначен лейб-медиком Императорского двора. А с началом русско-турецкой войны сопровождал Государя Александра II на поля сражений в течение семи месяцев. 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце взорвалась бомба Степана Халтурина. Взрыв был так силен, что его слышали не только в окрестных зданиях, но и живущие на Мойке. В это время Боткин не отходил от умирающей Императрицы, Александр II решил продемонстрировать ему свое Монаршее благоволение и подарил ему табакерку, украшенную бриллиантами, с вензелем Императора. 22 мая 1880 г. в 10 часов утра лейб-медик Боткин и почетный лейб-медик Альшевский направляют министру Императорского двора А.В. Адлербергу донесение о смерти Императрицы. После смерти главной пациентки Боткина Александр II велел сохранять все получаемое им содержание и назначить пенсию в 4 тыс. руб.

В 1881 г. С.П. Боткин был избран в гласные Думы и затем членом и заместителем председателя комиссии общественного здоровья. Занимался изучением и улучшением условий жизни в России, борясь с высокой смертностью среди простого народа, внедряя принцип профилактики болезней [7]. В 1882 г. у него впервые случился приступ стенокардии, которая чаще стала давать о себе знать после смерти сына. В 1889 г. С.П. Боткин умер, оставив после себя двенадцать детей от двух браков.

Сыновья Сергея Петровича от первого брака, Сергей и Евгений, тоже избрали профессию врача. Не менее отца был знаменит Сергей

Сергеевич, профессор Военно-медицинской академии, почетный лейб-медик, он стал основоположником отечественной клиники инфекционных болезней.

Сергей Сергеевич родился в Париже. Окончив курс в Санкт-Петербургском университете, поступил в Военно-медицинскую академию, после окончания которой продолжил обучение при академии, изучал клиническую медицину в клинике С.П. Боткина. Защитив в 1888 г. диссертацию, отправился за границу, где работал под руководством Реклингаузена, Флюгге, Коха, посещал клиники Лейдена, Наунина и Гергарда. В 1892 г., по возвращении из-за границы был избран заведующим отделением городской Боткинской барачной больницы и получил звание приват-доцента академии. В 1894 г. резолюцией военного министра в Императорской Военно-медицинской академии была учреждена новая кафедра «Общего учения о заразных болезнях с практическим и систематическим курсом бактериологии». По существу, это первая в России кафедра инфекционных болезней, а в 1896 г. С.С. Боткин был избран профессором кафедры бактериологии и заразных болезней. В 1898 г. он перешел по назначению ординарным профессором академической терапевтической клиники, которую занимал его отец. Сергей Сергеевич явился родоначальником специальности «инфекционные болезни», выделив ее из программ терапевтической клиники, что явилось по существу началом разделения терапии на ряд самостоятельных дисциплин. Во время его руководства была открыта первая в России Клиника инфекционных болезней, которую в свое время возглавлял его отец. С.С. Боткин перешел на эту должность и руководил кафедрой и клиникой до конца своей жизни.

Увлекаясь искусствами и музыкой, собрал ценные коллекции художественных произведений и был избран непременным членом Академии Художеств. Принимал участие в русско-японской войне в качестве уполномоченного Красного Креста. Умер в 1910 г. [8]

Врачебное служение Сергея Петровича Боткина продолжил еще один из его сыновей. Четвертый ребенок – Евгений – родился 27 мая 1865 г. в Царском Селе. Домашнее воспитание под руководством матери позволило ему поступить сразу в пятый класс гимназии. Затем Евгений Сергеевич стал студентом физико-математического фа-

С.С. Боткин

Е.С. Боткин

культета университета, но через год перешел в Военно-медицинскую академию. В 1889 г. окончил ее с отличием. Свою врачебную деятельность он вполне сознательно начал не с лучших клиник (на что имел полное право), а с Мариинской больницы для бедных. Призвание и талант проявились быстро и ярко, и молодого доктора отправили на стажировку за рубеж. После возвращения он защитил диссертацию и стал приват-доцентом Военно-медицинской академии.

Когда началась русско-японская война, Боткин пошел добровольцем на фронт и был назначен в медицинскую часть Российского общества Красного

Креста. Доктор не раз сам выходил на передовую, заменяя раненого фельдшера. Личная храбрость его сочеталась с сердечной верой.

Скорбные мысли, которые вызывала у горячего патриота эта война, свидетельствовали о его глубокой религиозности: «Удручаюсь все более и более ходом нашей войны, и потому больно... что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие расчеты становятся выше понятий об Отчизне, выше Бога». У него, как и у многих русских людей того времени, было тяжелое предчувствие: «Что-то будет у нас в России! Бедная, бедная Родина!»

Этого человека Императрица Александра Федоровна сама пожелала видеть своим личным врачом. Вот что писала в своей книге воспоминаний дочь Евгения Сергеевича: «Еще мой дед был лейб-медиком Императора Александра II и Императора Александра III. Преемником его был назначен доктор Гирш, и когда последний умер и Императрицу Александру Федоровну спросили, кого она желает пригласить, она сразу сказала: «Боткина». В то время в Петрограде одинаково известны были два Боткина: старший сын моего деда – Сергей Сергеевич и мой отец – Евгений Сергеевич. «Того, который был на войне», – добавила Ее Величество» [9]. Вечером консультировал Императора. Неотлучно находился при детях, особенно когда они болели. Так, в 1916 г. корью тяжело заболели Ольга, Алексей, а

затем и Татьяна. Заболевание протекало с осложнениями. «Мой отец дни и ночи проводил во дворце, и мы почти его не видели. Я тоже была больна ревматизмом и лежала наверху у себя в комнате», – пишет Татьяна Мельник-Боткина [9].

Е.С. Боткину суждено было стать последним русским лейб-медиком. После февральской революции и ареста Царской Семьи Временное правительство предложило Боткину на выбор – остаться со своими еще совсем недавно царственными пациентами или покинуть их. Перед таким же выбором позже поставили его и большевики. Со слов дочери врача на первом месте для него всегда стояли интересы Их Величеств.

16 апреля 1917 г. Евгений Сергеевич написал в письме к сыну: «...Манифест, которым он слагает с себя верховную власть, являет собой благородство и высоту мысли, достойные восторга. Он не содержит ни тени горечи, ни упреков, ни сожаления. Он проявляет полное самопожертвование. Он желает России в самых горячих выражениях осуществления ее главных назначений. Тем способом, которым он сходит с трона, Николай II оказывает своей стране последнюю услугу – самую большую, которую он мог оказать в настоящих критических обстоятельствах. Очень жаль, что Государь, одаренный такой благородной душой, поставил себя в невозможность продолжать править...» [11].

Добровольно последовав в ссылку за Царской Семьей, доктор навсегда расставался со своими детьми – ему не разрешили проститься с ними перед отъездом, поговорить и благословить в последний раз. По приказу комиссара Яковлева доктор был переведен из дома Корнилова в «Дом свободы», а Татьяна и Глеб Боткины не имели права прийти туда к нему. Ночь на 26 апреля Татьяна просидела у окна, наблюдая за приготовлениями к отъезду. Заметила, что отец одет, вместо своей шубы, в заячий тулупчик князя Долгорукова, так как в его доху закутали Ее Величество и Марию Николаевну, у которых не было ничего, кроме легких шубок [12].

В последнем письме к брату от 26 июня (9 июля) 1918 г. из Екатеринбурга Боткин, описывая свою жизнь в Тобольске, радуется, что мог быть полезным местному населению и число приходящих к нему больных с каждым днем растет. В медицинской помощи он не отказывал никому. Местные жители приходили за консультацией, а приезжие крестьяне, не успевшие получить помощь, ночевали на постоялом дворе, и на следующее утро Боткин делал назначения, приходя к ним сам. «Они постоянно пытались платить, но т. к. я, следуя

*Доктор Боткин Е.С. с Цесаревичем Алексеем
на прогулке (1913 г.)*

нашему старому кодексу, разумеется, никогда с них ничего не брал, то, пока я был занят в избе с больным, они спешили заплатить моему извозчику. Это удивительное внимание, к которому мы в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместно, т.к. в иные периоды я был не в состоянии и навещать больных вследствие отсутствия денег» [13]. В основном это были хронические больные, хотя «к кому меня только не звали, кроме больных по моей специальности?! К сумасшедшим, просили лечить от запоя, возили в тюрьму пользоваться клептомана..» [14].

Жизнь в Екатеринбурге была недолгой. В ночь с 16 на 17 июля Царская Семья, врач Боткин, прислуга были расстреляны в подвале Ипатьевского дома. Так закончилась жизнь последнего лейб-медика, представителя славной династии врачей.

Таким образом, в течение нескольких поколений служение Отечеству оставалось главным для представителей династии Боткиных. Врачи внесли вклад не только в медицинскую науку, оставив после себя исследования в терапии, инфекционных болезнях, но и показали себя настоящими гражданами России, до последнего не изменившими принципам древнейшей медицинской этики.

Примечания

1. Рылов А. Отец и сыновья // Наука и жизнь. 2008. № 5. С. 76.
2. РГВИА. Ф. 879. Оп.2. Д. 249. Л.3.
3. РГВИА. Ф. 879. Оп.2. Д. 249. Лл.13, 24, 25, 38.
4. Белоголовый Н.А. Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность. // Струве. Пастер. Боткин. Ковалевская: Биографические повествования (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Т.35). Репр.изд. – Челябинск, 1999. С. 212.
5. Чигарева Н.Г., Бергман М.Д., Будко Д.А. Вклад С.П. Боткина в привлечение женщин к уходу за ранеными и больными // Военно-исторический журнал. № 3. 2007. С.66.
6. Краснов В.Г., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь. – М., 2001. С. 82-83.
7. Петров Б.Д. От Гиппократ до Семашко: преемственность идей (очерки и портреты). – М., 1990. С.100.
8. Боткин Сергей Сергеевич // <http://www.rulex.ru/01020662.htm>
9. Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. Репр.изд. – М., 2004. С. 9.
10. Там же. С. 52.
11. Там же. С. 144.
12. Там же. С. 118.
13. Там же. С. 154.
14. Там же. С. 152.

Раздел III.

Атрибуты и символы служения, система ценностей, культурное наследие дворянского сословия

Ю.В.Лучинский

Князь М.С.Воронцов и его роль в формировании системы периодической печати на Кавказе

Формирование системы периодической печати на Кавказе тесно связано с проблемой административного устройства кавказских земель в составе Российской империи в XIX столетии, причем часть земель вошла в состав России добровольно (как, например, Грузия, присоединившаяся в 1801 году) или мирным путем (как, например, часть Азербайджана в 1803 – 1805 годах), а часть – в результате войн с Турцией и Ираном.

Итогом стало создание Кавказского края, состоявшего из двух частей:

«1) Северного Кавказа и 2) Закавказья. Независимо от сего, в порядке общего управления, к Кавказскому краю присоединяется Закаспийская область.

2) Северный Кавказ образуют: губерния Ставропольская, а также области Терская и Кубанская.

3) Закавказье образуют губернии: Тифлисская, Кутаисская, Елисаветпольская, Эриванская и Бакинская; области: Дагестанская, с входящим в состав оной Дербентским градоначальством, Карская и Батумская; округа: Черноморский и Закавказский и отдел Сухумский» [1].

Центром Кавказского края являлся Тифлис (в настоящее время – Тбилиси, столица республики Грузия), а управлял краем наместник Кавказский, в обязанности которого входило также и наблюдение за цензурной политикой в вверенном ему регионе.

«Впервые цензура на Кавказе была введена указом от 23 декабря 1837 г., по которому цензура книг, издаваемых в Тифлисе на местных наречиях, подчинялась ведомству главноуправляющего Грузией, Кавказской и Закавказскими областями. Цензорами были учителя Тифлисской гимназии.

18 декабря 1848 г. для «единообразия в общем порядке управления учебной частью в империи» был образован Кавказский учебный округ, при котором был учрежден Кавказский цензурный комитет в Тифлисе. Кавказский цензурный комитет руководствовался в своей деятельности цензурными законами, существовавшими в Империи, но подчинялся не Главному управлению цензуры, как комитеты других городов, а кавказскому наместнику. Дела комитета велись в Канцелярии попечителя Кавказского учебного округа. 24 ноября 1881 г. должность Кавказского Наместника (существовавшего с 1844 г.) была упразднена, а вместо нее учреждена должность главноначальствующего гражданской частью и командующего войсками с предоставлением ему прав генерал-губернатора. В 1882 г. Комиссия по составлению проекта положения об управлении Кавказским краем подчинила Кавказский цензурный комитет Главному управлению по делам печати» [2].

Отныне этот комитет, проходивший согласно параграфу №85 «Высочайше утвержденного Учреждения Управления Кавказского края» по разделу «Особые учреждения», подчинялся «Министерству Внутренних Дел, по Главному Управлению по делам печати» и образовывался «из Председателя и Старших и Младшего Цензуров. При Комитете состоит Канцелярия». В обязанности Цензурного Комитета входило:

«1) цензура издаваемых в пределах Кавказского края журналов, газет и всякого рода сочинений;

2) рассмотрение привозимых в этот край из-за границы сочинений на Русском и других европейских языках;

3) рассмотрение ввозимых в Империю из-за границы изданий на грузинском, армянском и других восточных языках;

4) надзор за типографиями, литографиями, металлографиями, словолитиями и всеми вообще заведениями, производящими и продающими произведения и принадлежности тиснения в крае, а равно и за фотографиями в городе Тифлисе» [3].

«По Указу от 31 января 1884 года штат Кавказского цензурного комитета был усилен должностями инспектора типографий в Тифлисе (с содержанием в 2000 р. серебром в год), секретаря (1200 р.) и младшего цензора туземных и восточных языков (2000 р.), а также были увеличены суммы на канцелярские расходы. Цензоры Кавказского цензурного комитета пользовались льготами службы в отдаленных губерниях и при назначении пенсий» [4].

У истоков появления первого печатного периодического издания на Кавказе стоял знаменитый «проконсул Кавказа» – генерал Алексей Петрович Ермолов. В письме министру внутренних дел О.П.Козодавлеву от 11 марта 1819 года он указывал:

«Желая ознакомить жителей Грузии с обыкновениями людей более просвещенных, с устройством разных заведений и с новыми изобретениями в крае, столь мало населенном, какова Грузия я признал необходимым приказать, чтоб с 1-го числа сего месяца под непосредственным наблюдением корпусного штаба в Тифлисской военно-походной типографии печатаемы и издаваемы были на грузинском языке листы под названием: Грузинская газета.

В состав оной будут входить следующие статьи:

I. Производство и награждение чиновников, служащих по Грузии и по другим здешним провинциям в военной и гражданской службе.

II. Особенности учреждения и постановления правительства, до устройства благосостояния сего края относящиеся.

III. Разные известия по Грузии и сопредельные ей местам, заслуживающие особенного внимания публики.

IV. Сведения о новых изобретениях или заведениях по части художеств.

V. Извлечения из журналов и ведомостей, выдаваемых в России, которые по содержанию своему могут доставить особенное удовольствие читателям.

Газета сия издаваема будет генваря месяца будущего 1820 года в каждую неделю по одному печатному листу» [5].

Специфика издания «Грузинской газеты» («Картули газети») заключалась в том, что если корреспонденция приходила на гру-

зинском, то обязательно осуществлялся перевод ее на русский, а «затем составленный уже номер переводился с русского на грузинский язык и отсылался в корпусную типографию для верстки и печати» [6]. Первый номер «Грузинской газеты» вышел в январе 1819 года, и газета издавалась вплоть до 1822 года.

Более масштабным проектом российской администрации стала еженедельная газета «Тифлиссские ведомости», послужившая образцом для издательской модели «Губернских ведомостей» на территории Российской империи. Ее первый русскоязычный номер на четырех полосах (с приложенным к нему грузинским дубликатом) увидел свет 4 июля 1828 года.

«На протяжении 1828 – 1829 гг. «Тифлиссские ведомости» выходили регулярно, в неделю один раз. Наиболее интенсивным периодом в деятельности газеты является 1830 г., когда с начала и до конца года газета выходила два раза в неделю. В левом углу на титульном листе указывалось, что «Тифлиссские ведомости» выходят на русском, грузинском и фарсидском языках» [7].

В положении об издании «Тифлиссских ведомостей» излагалась идея газетной политики России на Кавказе:

«Жители кавказских стран, в особенности Грузии, давно уже начали чувствовать преимущества европейских обычаев. Сношения с внутренними российскими губерниями и с иностранными просвещенными государствами беспрестанно умножаются, торговля и промышленность постепенно более и более оживляются, и в каждом сословии увеличиваются удобства общежития. Всякий, убеждаясь сими счастливыми переменами, старается согласоваться с нравами, составляющими подобные выгоды, приобретать возможные познания и вводить необходимое образование в своем семействе. Посредством сего периодического издания открывается новый способ знакомить и сблизать здешних жителей с понятиями европейцев; сообщать им полезные открытия, могущие с успехом быть приспособленными к сему краю; и доставлением разных сведений отсюда в Европу и обратно давать более деятельности кругу взаимных сношений» [8].

«Тифлиссские ведомости» выходили до 1833 года, а затем в 1837 году их сменил «Закавказский вестник» – официальная газета на русском языке, также издаваемая по типу «Губернских ведомостей». До 1844 года выходила только официальная часть, состоящая из распоряжений и извещений местных властей, а с 1845 года она стала выходить также на грузинском и азербайджанском язы-

ках. В том же году отдельно стала издаваться два раза в месяц неофициальная часть, редактором которой был П.И. Иоселиани. В неофициальной части помещались путевые очерки, статьи по этнографии и географии края, заметки по литературе и сельскому хозяйству. С 1848 года официальный и неофициальный отделы объединились и стали выходить еженедельно.

Особую роль в формировании системы периодической печати на Кавказе сыграл князь Михаил Семенович Воронцов, занявший пост Наместника Кавказского и главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом в 1844 году.

Послужной список М.С. Воронцова был впечатляющим.

Службу начал в 1801 году поручиком Лейб-гвардии Преображенского полка. В 1803 году был прикомандирован к войскам Кавказского корпуса и за участие в военных действиях на Кавказе в августе 1804 года был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В сентябре 1805 года в составе десантного корпуса генерала Толстого участвовал в походе в шведскую Померанию, а в декабре 1806 года был произведен в полковники.

В 1809 году М.С. Воронцов был направлен на турецкий фронт, где отличился в ряде сражений, был произведен в генерал-майоры и за взятие Виуина в марте 1811 года был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Герой Отечественной войны 1812 года, участник Бородинского сражения (в котором получил тяжелое ранение), провел ряд успешных боевых операций, за что был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В 1815 году ему было поручено командование оккупационным корпусом во Франции.

В мае 1823 года М.С. Воронцов был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником (с 1828 года генерал-губернатором) Бессарабии. Проявил себя блестящим администратором, внесшим огромный вклад в развитие Одессы и Крыма. При нём в 1828 году получило начало пароходство по Чёрному морю, он успешно занимался развитием и усовершенствованием виноделия, устройством путей сообщения, созданием промышленности.

Неудачно сложившиеся отношения с Александром Сергеевичем Пушкиным (находившимся в Одессе в подчинении Воронцова в период южной ссылки), послужили поводом для написания нескольких язвительных эпиграмм и создали неверный образ «полу-милорда, полу-купца». К сожалению, это заблуждение оказалось достаточно живучим, однако современники воспринимали М.С. Воронцова совершенно по-иному.

Его перевод на Кавказ (с неограниченными полномочиями и оставлением в прежних должностях) в 1844 году был воспринят как благо и в деле развития края, и в переломе в ходе Кавказской войны.

Прибыв в Тифлис 25 марта 1845 года, Воронцов вскоре отправился на левый фланг Кавказской линии, для принятия начальства над войсками, готовившимися к походу против Шамиля. После занятия Андии, войска, под личным предводительством Воронцова, двинулись к временной резиденции Шамиля – аулу Дарго. За поход к Дарго Воронцов был возведён в княжеское достоинство, с присвоением ему несколько позже титула Светлейшего князя. Стоит также отметить, что в 1848 году стараниями Воронцова был основан портовый город Ейск.

Военные действия не заслоняли от наместника Кавказского значимости дел по культурному обустройству края, перенеся на новую территорию свой новороссийский и бессарабский опыт развития просвещения и периодики.

В Одессе с 1823 года два раза в неделю на русском и французском языках выходила газета «Одесский вестник». Воронцов взял ее под свое покровительство и «поручил курировать «Одесский вестник» состоящим в штате губернатора литераторам А.И. Левшину, П.Т. Морозову, В.Ф. Туманскому (французским вариантом газеты занимался барон Брунов). В качестве авторов и корреспондентов вестника были приглашены известные археологи, чиновники особых поручений, частные лица. Иногда таким корреспондентом выступал и сам генерал-губернатор М.С. Воронцов.

«Одесский вестник» стал настольной книгой для жителей Новороссии. Его выписывали в обеих столицах, а с 1833 года в качестве прибавления стали издаваться «Литературные листки» [9].

Всячески способствуя развитию науки и образования, граф Воронцов принял непосредственное участие в открытии в Одессе 5 учебных заведений, музеев древностей в Керчи и Одессе. В 1829 году М.С. Воронцов получил Высочайшее разрешение на открытие Одесской городской публичной библиотеки, а в 1844 году подарил ей 368 томов редких сочинений». В 1832 году стараниями графа и под редакцией П.Т. Морозова был выпущен «Новороссийский календарь», по тем временам необходимое издание каждой цивилизованной области. С 1839 года «Календарь» перешел в ведение Ришельевского лицея.

Переезд Воронцова на Кавказ преобразил Тифлис. При М.С. Воронцове Тифлис становится не только административным, но и

культурным центром Кавказского края. Там был основан русский театр, открылись несколько школ и женское училище, была учреждена публичная библиотека, открыт Отдел русского географического общества, образовано Закавказское общество сельского хозяйства, создана Тифлисская нумизматическая коллекция. С 1847 года в Тифлисе, по примеру Одессы, начал выходить «Кавказский календарь».

В 1849 году князь М.С. Воронцов основал отдельный Кавказский учебный округ, затем разрешил открыть Кутаисскую и Екатеринодарскую гимназии.

В 1846 году в Тифлисе по указанию М.С. Воронцова появилась еженедельная политико-литературная газета «Кавказ», ставшая первым на Кавказе частным периодическим изданием. «Кавказ» имел целью «знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, раскрыть источники промышленности и торговли и верным отчетом благотворительных мер и действий русского правительства в отношении к Кавказу, показать настоящую цену отеческим попечениям великого нашего Государя».

«Кавказ» издавался на особых основаниях – с одной стороны, «Кавказ» заменял губернские ведомости для всех тех губерний и областей Кавказа, в которых эти ведомости на данный момент не выходили, с другой стороны, газета существовала на правах частного издания, передаваясь, на началах аренды, частным лицам, но с выдачей определенных субсидий. Первым его редактором (от основания до 1850 года) был О.И. Константинов.

Интересным является и тот факт, что в 1846 – 1847 году газета «Кавказ» издавалась на русском и армянском языках, став, таким образом, первым периодическим изданием для армян Кавказа. В 1856 году состоялось слияние «Закавказского вестника» с газетой «Кавказ», причем «Закавказский вестник» оказался «Казенным прибавлением» к газете «Кавказ».

Что же касается газеты «Кавказ», то, как указывает Б.М. Городецкий, «с появлением «Ставропольских», «Кубанских» и «Терских Ведомостей», позднее – «Северного Кавказа», «Кавказ» сделался органом преимущественно Закавказья» [10].

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1886. Т.3. С.188-189.

2. Патрушева Н.Г. История цензурных учреждений на Кавказе в XIX – начале XX века // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 2. Сборник статей / КГУКИ. Краснодар, 2004. С.171.

3. Полное собрание законов Российской империи. Т.3. С.198.

4. Патрушева Н.Г. Указ. соч. С.174.

5. Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. С.93-94.

6. Там же. С.97.

7. Там же. С.138-139.

8. Там же. С.130-132.

9. Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С.288.

10. Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе // Известия общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар, 1913. Вып. 6. С. 29.

Монархизм в системе ценностей кубанского казачества

Проблема казачьего монархизма в системе ценностей кубанских казаков затрагивалась Н.И. Бондарем, О.В. Матвеевым, однако и сегодня она остается открытой. Данное сообщение является авторским взглядом на этот вопрос.

Исследователи, изучающие раннюю историю казачества, отмечают глубокое уважение «степных рыцарей» к верховной власти [1]. Свои победы казаки объясняли «царским счастьем». Считалось, что монарх может обеспечить членам социума душевный комфорт и исполнение заветных желаний. Такое отношение к нему сочеталось со стремлением к возможно более полному самоуправлению и народовластию [2]. Очень часто особа монарха в сознании казаков отделялась от существующей государственной системы. Она представлялась воплощением абстрактной благой силы, мало связанной с реальным сувереном. При этом государственность могла осмысляться как враждебная сила, с которой можно и нужно бороться [3]. Почитаемого монарха казаки предпочитали «держат на расстоянии». Для того, чтобы понять истоки такого отношения казаков к монархии, надо обратиться к глубокой древности. И вот почему. Когда казаки ушли за пределы государственных образований, они получили возможность организовывать свою жизнь в соответствии со своими идеалами. А идеалы средневековый человек черпал в прошлом. Архаизации мировоззрения способствовали и суровые условия жизни. В соответствии с традиционными представлениями монарх – посредник между обществом и высшими силами. Эти силы наделяют его мистической харизмой [4]. Поэтому особа монарха была священной.

Ранний казачий монархизм составляли представления о «вольности» службы суверену. То есть, отношение казачества к последнему рассматривалось не как безусловное подчинение, а как взаимовыгодные отношения на определенных условиях. Выполнение этих условий было священной обязанностью для обеих сторон. Такие отношения в рамках воинской среды характерны для феодализма [5]. Казаки «вольного» периода считали себя вправе служить тому государю, который им больше «люб», который будет их «жаловать» [6]. На этих

же принципах базировались и отношения земских восточнославянских общин (например, новгородской) с князьями.

Однако история не стояла на месте. Казачество все больше попадало под влияние русского государства. К концу XVII века в России оформилась государственно-монархическая идеология абсолютизма [7]. В соответствии с ней служба Государю стала безусловной обязанностью. Монархизм стал неотделим от абсолютной лояльности по отношению к государству и действующим законам. В течение XVIII века казачество усваивало новые идеалы [8]. Прежде всего их носителями становились представители казачьих верхов. Приобретая четко закрепленные привилегии и права, они во многом усвоили мировоззрение русского дворянства [9], особенно его военную составляющую. Безусловный монархизм – невозможность представить свою жизнь без службы Русскому Царю, были характерны для многих казачьих офицеров даже в начале XX века. «Не сомневаюсь, что тогда большинство из нас оставались монархистами. Вообще же, революционный строй даже с февраля 1917 года к нам не пристал» – писал Ф. Елисеев [10]. Однако и для всего Кубанского казачества безусловная преданность и любовь к Российскому Императору стали необходимым атрибутом казачьего статуса [11]. «Казаки не представляли, как можно жить без Царя» – вспоминал Н. Свидин [12]. Государственнические настроения, уважение к сильной власти усиливались у казаков во время войны. Отношение казаков-конвойцев к революционным агитаторам во время Первой Мировой войны: «Мы предложили им убраться. Мы были Лейб-гвардия Императора... [13]». Дисциплинированность, верность присяге были характерны и для обычных казачьих частей. А.Г. Шкуро отмечал способность к самоорганизации и сознательное подчинение командованию, которые проявили казаки, служившие на Юго-западном фронте и в Персии [14]. Возможно, речь идет о переносе на государственные институты отношения к старшине, авторитет которой всегда повышался во время похода.

В то же время эта этактистская идеология способствовала отождествлению персоны монарха и государственного аппарата. Император к концу XIX – началу XX века Государь частично потерял ореол сакральности. В глазах некоторых казаков он стал «главным чиновником государства». «Он никакого порядка не делает» – жаловался один из кубанцев на последнего российского самодержца. В 1906 году писарь Д.Н. Миронов из станицы Бесленевской утверждал, что «Царь слабоумен и не может осуществлять управление государством [15]. Государя уже считают ответ-

ственным за непродуманные внешнеполитические инициативы правительства. «Раз завив сам войну, сам нехай и кончае» – отозвался казак Г. Затона об Императоре и его роли в Русско-японской войне[16]. Таким образом, деловые качества Государя становились важнее сакральной харизмы. У некоторых кубанцев появилось неприятие и самой монархии. «Не надо нам Царя. Надо выбрать его так, как выбирают в других государствах» – высказывался казак станицы Отрадной Ф. Подлужный в 1906 г.[17].

В период волнений 1905–1906 гг. имели место и эксцессы монархического характера. Так, командир казачьего охранного отряда на станции Кавказская есаул Дьяченко заявил, что не считает манифест 17 октября ограничивающим самодержавие. Потом он заставил пассажиров, находящихся в зале ожидания, встать и петь гимн. Не желая этого делать он угрожал расправой[18].

Но при всём этом фундаментом для государственного патриотизма продолжал служить традиционный сакральный монархизм. Он придавал государственному монархизму прочность и эмоциональную глубину. «Его (Царя – *О.М.*) чуть ли не Господом считали, верно служили ему исключительно» – вспоминал Н.Г. Бородачев, сторожил станицы Сторожевой[19]. «Это был Бог для них. Для них был Бог. Все давал» – говорил П.Д. Беспалов из станицы Тверской[20]. Сакральный монархизм наиболее полно сохранился среди рядовых казаков. В частности для их мировоззрения было характерно разделение Государя и правительственного аппарата. Последний считался коллективным виновником всех бед, злокозненным нарушителем благой высочайшей воли. Ф.А. Щербина поместил в своих воспоминаниях высказывания простой казачки по поводу передачи части войсковой земли в частную собственность офицеров: «Як же це воно выйшло?... Хиба Царя не було дома?... - Царь чего не зроби, бо вин помазанник Божий...[21].» То, что рядовые казаки считают чиновных притеснителей также врагами Царя отмечает видный дореволюционный этнограф М. Дикарев[22]. Суть сакрального монархизма в восприятии простых казаков можно выразить такими словами: «Де же я про Царя од родного батька та матери чула і так гарно на души було, коли думаеш, що на світі є Царь, помазанник Божий, который по правді живе і правду для людей береже [23]». Наиболее яркие проявления сакрального монархизма того периода нашли воплощение в обычае отмечать события из жизни царствующего дома актами религиозной деятельности. В 1889 году казаки станицы Старощербиновской решили

отмечать память чудесного спасения Царской Семьи во время крушения поезда на станции Борки чтением акафиста Пресвятой Богородице на каждом вечернем богослужении[24].

Чтобы оправдать деятельность государственного аппарата его распоряжения оформлялись в виде личных распоряжений Императора. Например, в 1818 году командиру 7-го конного полка Черноморского казачьего войска есаулу Гавришу был направлен «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского» с требованием прислать точные сведения о наличии в полку офицеров-пьяниц [25].

Народный взгляд на монарха в той или иной степени характерен и для казачьей старшины. Так М.И. Недбаевский слышал от отца рассказы о том, как приближенные Русских Царей настраивали их против казачества. Поэтому они, по мнению отца, и пошли на ограничение казачьих вольностей [26].

Представления о сакральности Царской власти использовала и официальная идеология. Например, во время визита Императора Александра III и наследника Николая Александровича на Кубань был проведен торжественный молебен, во время которого Император и Наследник находились посреди войскового круга, в окружении знамен и регалий. Императору была временно вручена булава[27]. Этот обряд символизировал обновление союза казачества с Богом и его помазанником – Государем. В этом же ключе целесообразно рассматривать принятие Николаем II должности Верховного Главнокомандующего в 1915 году. Присутствие Государя в армии должно было вернуть ей веру в поддержку высших сил и конечную победу[28].

Пассивное, соглашательское отношение казаков к Февральской революции было обусловлено тем, что она была практически санкционирована отречением Николая II. А воля Императора считалась неоспоримой.

Итак, казачий монархизм никогда не был однородным явлением. Первоначально он сочетал идеи сакральности монарха с идеями свободной феодальной службы. Впоследствии в XVIII – начале XX в. на первое место, особенно в мировоззрении казачьих верхов, выходит монархический этатизм, что сопровождалось ростом влияния государственного аппарата. Государь в представлениях казаков стал превращаться в верховного чиновника, ответственного за трудности и неудачи в государстве.

Примечания

1. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. М., 2002. С. 143.
2. Яворницкий Д.И. История Запорожского казачества. Киев, 1990. Т. 1. С. 149 – 150
3. Короленко В.Г. У казаков. Челябинск, 1984. С. 84.
4. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 622 – 623.
5. Назаров В.Н. Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII – XV веках // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 121.
6. Сень Д. «У какого Царя живём, тому и служим» // Родина. 2004. №5. С. 74.
7. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVIII века. М., 2000. с. 49.
8. Королёв Н.В. «На Дону нет Царя». О так называемом казачьем монархизме // De Die in Diem. Памяти А.П. Пронштейна. 1919 – 1998. Ростов н/Д, 2002. С. 253.
9. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1992. Т.1.С. 576.
10. Елисеев Ф. Последние дни // Родная Кубань. Краснодар, 2001. №2. С. 105.
11. Орлов П.П. Ответ члену Государственной Думы К.Н. Бардижу на его статью «Казачество и его экономическая жизнь» // Орлов П.П. Сборник рассказов и статей.Екатеринодар,1911. С. 186.
12. Свидин Н. Тайна казачьего офицера. Краснодар, 2002. С. 12.
13. Ящик Т. От царского двора до Вольбу // Родная Кубань. Краснодар, 2000. №3. С. 89.
14. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Краснодар, 1996. С. 17 – 19.
15. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 148. Л. 2об.; Ф. 583. Оп. 1. Д. 585. Л. 2об.
16. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.
17. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 515. Л. 8.
18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8929. Л. 2.
19. Цит. по: Матвеев О.В. «Пристав от Бога» // Герои и войны в исторической памяти кубанских казаков. Краснодар, 2003. С. 170.
20. Цит. по: Там же. С. 170.
21. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 97. Л. 33.
22. Дикарив М. Народна гутірка з поводу коронації 1896 року // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 5 – 6.
23. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 97. Л. 34.
24. Высочайшая благодарность // Ставропольские епархиальные ведомости. 1887. №13. С. 222
25. ГАКК. Ф. 299. Оп.1. Д.16. Л. 20.
26. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.
27. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 242об – 243.
28. Матвеев О.В. «Пристав от Бога» // Герои и войны в исторической памяти кубанских казаков. Краснодар, 2003. С. 176.

А.В. Гайворонская

Открытие Кубанского Войскового Собрания в Екатеринодаре

Среди множества обязанностей, которыми была наполнена жизнь каждого офицера, обращает на себя внимание одна, казалось бы, совсем необязательная – участие в жизни офицерского собрания. Открытые во второй половине XIX века в воинских частях регулярной армии, такие собрания играли важную роль в повседневной жизни офицера вне службы. Они стали не только частью офицерского досуга, но и превратились в центры общения офицеров разных возрастов и разного служебного положения. Интересно проследить историю устройства этих организаций. В Кубанской области на всех этапах: от начала обсуждения нового проекта, подготовки уставов военных собраний, решения бытовых вопросов и, наконец, момента открытия первых офицерских собраний в городах и станицах Кубанской области. Также такое исследование помогает составить представление о внутреннем устройстве военных собраний, организации их управления, предлагаемых ими занятиях и развлечениях. На Кубани среди действовавших офицерских собраний особое место занимало Кубанское войсковое собрание в Екатеринодаре.

Обсуждение вопроса о своевременности открытия офицерских собраний заметно активизировалось в Кубанском войске после появления в одном из номеров «Военного сборника» за 1871 год статьи под заголовком «Об устройстве военных собраний и общих офицерских столов», автором которой подробно и всесторонне была обоснована необходимость скорейшего устройства и распространения подобных собраний в русской армии. Среди ряда причин, требующих положительного решения вопроса, а именно – очевидная потребность в сближении офицерского общества, развитие духа товарищества в офицерской среде, удешевление стола и предоставление развлечений офицерам и членам их семей. Основными и первоочередными были представлены задачи повышения уровня образования офицерского корпуса армии и поощрение стремления офицеров к самообразованию, а также формирование «склонностей и привычек военных людей» с целью «поставить на должную высоту нравственный уровень офицерского общества» [1]. Для этого, по мнению автора, «наибольшей пользы можно было бы ожидать от улучшения войсковых биб-

лиотек и предоставления офицерам возможности собираться в определённых местах для военных бесед, военных чтений, военной игры и проч. Устройство «военных собраний», снабжённых хорошо устроенными библиотеками и некоторым хозяйственным обзаведением, можно полагать, отвечало бы вышеназванным целям»[2]. Статья, несмотря на слабые стороны проекта, указанные самим автором – «обязательность, казённые директора и вообще отстранение общества от заведования своими делами», вызвала большой интерес в офицерской среде и в дальнейшем выступила в роли своеобразной модели при разработке уставов будущих военных собраний.

Надо сказать, что в 60-е годы XIX века подобные собрания были новшеством в русской армии. В эти годы не многие воинские части ходатайствовали о разрешении устроить военные клубы или собрания в центрах своего расположения. Такие собрания было разрешено устроить в некоторых главных пунктах квартирования войск, по преимуществу в западных округах, где отчасти при денежном пособии правительства и «на различных условиях, они существовали в Финляндском, Виленском и Варшавском округах». Начальник дивизии, устроивший в городе Вильне собрание для офицеров, сообщал подробно изложение тех обстоятельств, которые делали это собрание крайне необходимым: «Дворянским клубом, существовавшим в Вильне, нельзя было воспользоваться, так как, по денежным средствам и по другим местным причинам, клуб этот был нашим офицерам недоступен, и они там почти не показывались... офицеры одного и того же полка не были знакомы между собой, а образовывали разные кружки, по своему воспитанию и наклонностям; семейства же офицеров, вовсе не имея знакомства, даже в полку, должны были безвыходно проводить время дома»[3].

В сентябре 1871 года на имя Наказного атамана Кубанского казачьего войска М.А. Цакни из Штаба Кавказского военного округа было отправлено письмо, в котором обращалось внимание на известную статью и предлагалось высказать заключение о том, «на каких основаниях полагалось бы более удобным вести в войсках Кавказской Армии дело об учреждении офицерских собраний»[4]. Для этого предлагалось собрать «по сему предмету предварительные мнения – Главных Начальников войск Кавказской Армии, – по соображении с вышеозначенною статьею, а также испрашивались сведения о том «в каких частях вверенных Вам местных и казачьих войск и на каких основаниях учреждены офицерские собрания и общие столы, не признаёте ли возможным ввести их также в тех

частях, где они ещё не существуют, а равно не находите ли Вы полезным предложить какие либо меры к более успешному и прочному ведению этого дела»[5]. В ближайшие месяцы Атаманами Военных отделов Кубанского казачьего войска были представлены докладные записки по поводу обозначенного вопроса. Несмотря на почти полное отсутствие подобной традиции на Кубани (общество офицеров здесь собиралось нерегулярно, не имело уставов, отдельных помещений, располагалось зачастую при штабах или канцеляриях полков) большинство корреспондентов положительно отнеслось к новому проекту. Соглашаясь с важностью и своевременностью рассматриваемого вопроса, Атаман Темрюкского Военного отдела писал следующее: «Нельзя не согласиться с автором статьи..., что такие учреждения (но без казённого характера) по истине благотельно бы повлияли бы на офицерское общество, в особенности же в среде Гг. казачьих офицеров, которые по своеобразности их домашнего и школьного воспитания и по особым условиям семейной и общественной жизни далеко ещё не удовлетворяют требования современного взгляда на достоинство офицерского звания – именно сплотить их общество, развить в них дух благородного товарищества, т.е. поставить на должную высоту их нравственный уровень...»[6]. В докладе Атамана Темрюкского Военного отдела было высказано мнение, что поскольку «автор статьи осуществлению таких учреждений ставит в неперемное условие (что совершенно справедливо) – казарменное или городское расквартирование, то относительно казачьих войск я допускаю возможность устройства военных клубов по программе, выработанной автором, лишь в главных административных Войсковых центрах, как например во Владикавказе и Екатеринодаре; что-же касается до центров второстепенных, т.е. Штабов Военных Отделов или полков, состоящих на действительной службе, то устройство таких постоянных собраний, по моему мнению, не мыслимо при настоящих служебных условиях Гг. офицеров, не говоря уже о разбросанности квартирования сотен и постов и других серьёзных затруднениях, как-то: средства передвижения, крайней ограниченности содержаний и проч.»[7]. Встречались и прямо противоположные заявления, продиктованные прежде всего особенностями службы казачьих офицеров, а именно льготой. Атаман Екатеринодарского военного отдела по этому поводу писал: «я нахожу, что устройство подобных собраний в строевых казачьих льготных частях, разбросанных квартирным расположением на значительных расстояниях, – положительно невозможно; и устранить эти

препятствия для льготных частей также невозможно; за исключением самого короткого лагерного времени, когда части бывают в сборе и когда сами Офицеры по заведённому издавна порядку, для общей пользы, всегда устраивают по возможности общий стол»[8]. Отдельно обсуждался вопрос о том, какие населенные пункты, с расквартированными в них частями, наиболее подходили для устройства первых военных собраний: «Если бы Штаб вверенного мне полка находился не в Хадыжах – а в г. Майкопе, то учреждение в сем последнем общего военного собрания с офицерами прочих частей: артиллерии, пехоты и казаков там находящихся было бы целесообразнее, ибо для того чтобы открыть подобное учреждение, нужно иметь при Штабе полка возможно более офицеров, как между тем за постоянным нахождением необходимого числа их – на Кордонной службе, на лицо, при Штабе полка, способны быть не более 10-12 человек; следовательно, при таком ограниченном числе офицеров, и отсутствия в Хадыжах прочего элемента публики имеющей доступ в клубы, составить военное собрание на общих началах является делом невозможным. Сознавая однако всю важность поднятого вопроса и настоятельную необходимость учреждений офицерских собраний – для дальнейшего самообразования, я нахожу, что казачьим офицерам при настоящей обстановке их на постах остаётся одно: – собираться находящимся на лицо при Штабе вместе и заниматься науками, как то: чтением военно-исторических и прочих литературных сочинений, фехтованием, стрельбою и прочими военными упражнениями, дабы по возможности отвечать условия современных офицеров, причём может устроиться и общий стол с целью удешевления жизни. Развлечения возможного в больших собраниях, доставить офицерам в Хадыжах, конечно, не возможно; А потому о нём не может быть здесь и речи. Но для того, чтобы учредить в Хадыжах хотя что либо похожее на военное собрание, необходимо отпустить единовременно известную сумму денег, как на устройство такого здания где бы могли собираться офицеры и помещаться библиотеки, так и первоначального обзаведения мебелью, посудой и столовым бельём»[9].

Центральным оставался вопрос об открытии войскового офицерского собрания в столице области – Екатеринодаре. В очередном послании Наказный Атаман Кубанского казачьего войска отмечал, что «В большинстве губернских городов, в которых квартируют несколько строевых частей, устроены местные военные собрания; в областном же городе Екатеринодаре, – в котором кроме располо-

женных в нём частей, имеются войсковые учреждения с значительным числом служащих лиц и который, как административно-военный центр области, посещается весьма многими военнослужащими в войске, – такового собрания до настоящего времени ещё не имеется...»[10].

Обсуждения затянулись на долгие годы. Несколько раз решение вопроса об учреждении Кубанского военного собрания откладывалось. Основным неразрешённым вопросом оставался денежный вопрос. Серьезных затрат требовало настойчивое желание кубанской стороны расположить собрание (в Екатеринодаре или в одном из центральных городов области) в новом, специально построенном для этой цели здании, а также рассчитывать на большое ежегодное пособие на собрания из войскового капитала. В 1880 году Начальником Штаба Кавказского военного округа, по поручению Главнокомандующего армиею, было предложено «назначить на Екатеринодарское военное собрание имеющуюся в Войсковом Штабе негласную сумму от продажи винтовок фабрики Таннера и Леммеля с тем, чтобы все расходы, как на первоначальное обзаведение собрания, так и на все дальнейшие пособия оному были ограничены означенною выше суммою»[11]. Речь шла о весьма значительной для подобного проекта сумме – 13 тысяч 776 рублей.

Переписка продолжалась на высоком уровне в течение двух десятилетий. За это время, в 1874 году, был Высочайше утверждён Устав военных Собраний, «объявленный Военным министром к общему руководству для всех Военных Собраний как дотоле существовавших, так и вновь учреждённых». Особо подчёркивалось, что на основании этого Устава теперь в Собрание допускались только лица, принадлежащие к военному ведомству, допуск посторонних военному ведомству лиц в Военные Собрания разрешался только на следующих основаниях: «Лица посторонние военному ведомству могут быть допускаемы а Военные Собрания не иначе, как в качестве гостей; Военные Собрания, об устраиваемых ими балах, семейных и музыкальных вечерах и других вечерних собраниях, с допуском лиц не военного ведомства, обязаны своевременно уведомить местное полицейское начальство; Военные Собрания, которые пожелали бы принимать у себя лиц посторонних военному ведомству на изложенных основаниях, обязаны предварительно испросить на это разрешение подлежащего Губернатора»[12]. Наконец, в 1887 году из Главного Управления казачьих войск был получен положительный ответ, но с условием, что проект о Кубанс-

ком войсковом собрании должен быть составлен на тех же основаниях, на которых разрешено Уральское войсковое собрание. Для этого Наказному Атаману был представлен устав Уральского собрания, основой которого являлось новое утверждённое положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск, объявленное в приказе по военному ведомству в 1884 году, где были подчёркнуты следующие «главнейшие видоизменения: 1) Звание председателя присвоено наказному атаману, а не начальнику какой либо части; 2) В войсковое собрание допускаются временными членами кроме лиц, имеющих на это право, по основному положению 1884 г., и отставные офицеры и классные чиновники войскового сословия...» [13]. Основные рекомендации были учтены, и в проекте Устава Кубанского военного собрания состав собрания был представлен следующим образом: «Кубанское военное собрание находится в прямом ведении Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, который вместе с тем состоит Председателем войскового собрания; Все генералы, штаб и обер-офицеры Кубанского казачьего войска, как состоящие на действительной службе, так и состоящие по войску (в комплекте и сверх комплекта строевых частей), а равно и классные чиновники войскового сословия, состоящие на государственной службе в различных учреждениях области, обязательно состоят членами войскового собрания; Все прочие офицеры и классные чиновники не войскового сословия, состоящие на государственной службе в различных частях войска и учреждениях в пределах Кубанской области расположенных, не состоят членами, могут посещать собрание на правах временных членов; Подпрапорщики, эстандарт-юнкера и подхорунжие допускаются в столовую, пользуются библиотекой и участвуют в тактических занятиях, но всякого рода в собрании игры им воспрещаются; Примечание: Вольноопределяющиеся, урядники и казаки и вообще нижние чины в собрание не допускаются» [14]. Относительно последних положений впоследствии во многих полках сложилась неопределённая ситуация – даже самим офицерам трудно было определить в повседневной жизни положение подхорунжих – выпускников юнкерских училищ – до момента производства в офицеры, и точно (определить их социальное положение) обозначить их статус и статус их семей в офицерском сообществе, и в частности их положение в офицерском собрании: «Приняты ли они были в обществе офицеров, т.е. – могли ли бывать в гарнизонном офицерском собрании на вечерах, на балах и там занимать столики с офицерами? Если такой «подхорунжий» был женат – супруга считалась ли полковой

дамой?» [15]. Надо отметить, что такое несоответствие положений устава и реалий каждодневной жизни полка было скорее исключением, так как подобные ситуации обычно уточнялись и регулировались ещё до принятия уставов. Например, проблема серьёзных противоречий некоторых статей предлагаемых проектов уставов кубанских военных собраний основным положениям Уставов 1874 или 1884 годов, сохранялась на протяжении долгого времени и разрешалась, как правило, в ходе их рассмотрения. Так, в 1903 году, во время подготовки устава офицерского собрания в Майкопе, представленный проект был возвращён из Штаба Кавказского военного округа Наказному Атаману с рядом замечаний, среди которых заслуживающими особого внимания были названы следующие: « 1) Статьей 4 проектировано врачам и чиновникам военного ведомства, занимающим штатные места в частях войск, управлениях и заведениях (не сказано каких именно), предоставить права действительных членов, тогда как означенные лица в силу ст.5 положения об офицерских собраниях могут быть только временными членами; 2) По статье 5 проекта отставные офицеры и военные чиновники, а также и все гражданские чиновники, могут быть временными членами, статья же 11 положения об офицерских собраниях разрешает таковым лицам посещать собрание только на правах гостей; 3) Статьей 13-й проектировано взимание платы с семейств членов и их знакомых, положением же это не предусматривается; 4) По статье 24-й проекта председательствующий в общем собрании членов является председателем собрания (Начальник гарнизона), тогда как в силу статьи 26 положения председатель собрания (Начальник части) никогда не председательствует в общем собрании; 5) По проекту (ст.25) на общих собраниях считается необходимым присутствие только 1/3 наличного состава действительных членов, тогда как в силу статьи 27 в этом случае обязательно присутствие всех действительных членов; В статье 59 проекта пропущено весьма важное примечание о том, что устройство маскарадов в собрании не допускается (примечание к ст.58 положения об офицерских собраниях)» [16].

В августе 1888 года был утверждён Устав Кубанского войскового собрания, а в конце года Наказной Атаман Г.А. Леонов дал поручение найти для этой цели соответствующее помещение, о чём говорилось в его письме к П.В. Чарковскому: «Озабочиваясь скорейшим открытием Кубанского войскового собрания, дабы представить гг. Генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам возможность пользоваться условиями общественной жизни, составляющи-

ми цель учреждения означенного собрания и уполномочивал Вас, совместно с Командиром Кубанской конно-артиллерийской бригады Генерал-Майором Лукевичем, Командиром 1-го Екатеринодарского полка Полковником Пединою и Советником Кубанского Областного Правления Войсковым Старшиною Поповым, приискать необходимое для собрания удобное помещение, покорнейше прошу Ваше Высокородие принять на себя труд в этом деле и осмотреть наиболее подходящие для указанной надобности дома в г. Екатеринодаре: наследников Генерала Назарова и здешних домовладельцев: гг. Канивецкого, Якунинской, Карпицкой, Зонна, Коваленко, Копоненко, Шевцова, Виноградского и Михновского. Желательно, чтобы требуемое помещение хотя бы до известной степени, удовлетворяло всем потребностям собрания, и было бы доступно по размеру арендной платы...» [17]. Вопрос о поиске подходящего помещения для военного собрания в Екатеринодаре поднимался ещё в ходе первых обсуждений в 70-е годы. Тогда в одном из предварительных мнений было высказано следующее предложение: «При устройстве военного собрания в Екатеринодаре неминуемо являются вопросы: где поместить его, откуда взять обстановку... поместиться оно могло бы в Войсковом здании прежде занимаемом дворянским собранием, а так же воспользоваться по праву наследства оставшеюся от него мебелью и другими принадлежностями, на покупку которых ежели и делались ежегодные вклады, то преимущественно казачьими офицерами, кроме того, передать этому же собранию библиотеку принадлежавшую прежде Екатеринодарскому военному округу, о существовании которой едва ли офицеры знают, и вернее всего не пользуются ею...» [18]. По разным причинам этим предложением не воспользовались, но подходящее помещение было найдено, и уже в марте следующего 1889 года Наказным Атаманом был утверждён контракт о найме здания между поверенным опекунов над малолетними наследниками Войскового Старшины И.К. Назарова купцом 2-й гильдии Д.М. Дон-Дудиным и Войсковым Штабом Кубанского казачьего войска. Условия были следующие: «первое, Я, Дон-Дудин отдаю в наём Кубанскому войсковому собранию поименованное в особой описи помещение в принадлежащем означенным выше наследникам кирпичном двухэтажном доме, находящемся в первой части г. Екатеринодара, на Красной и Штабной улицах с принадлежащими к дому двором и колодцем, за исключением лишь магазинов, расположенных в нижнем этаже и их складов в надворной части здания. Срок найма этого помещения считается с первого апреля сего тысяча восемьсот восемьдесят девятого года

вперед на восемь лет, т.е. по первое апреля тысяча восемьсот девяносто седьмого года, ценою в три тысячи рублей в год. Второе: Я, Дон-Дудин, обязуюсь внутреннее расположение комнат всего отдаваемого войсковому собранию помещения переделать на счёт домовладельцев, согласно предлагаемого сего плана, причем обязуюсь: в зале и гостиной взамен имеющегося там досчатого пола, уложить дубовый паркет; в двух столовых и буфете, а также и в бильярдной комнате покрыть досчатый пол пробковой клеенкой, называемой в продаже «Линолеумом»; стены зала, гостиной, обеих столовых с буфетом, музыкантской, дамской уборной, обеих карточных и бильярдной оклеить обоями, причем разделка обоев должна быть только в зале, гостиной и столовых; потолки в зале и гостиной убрать лепными работами из папье-маше, и в обеих столовых и бильярдной – из того же материала поставить розетки для люстр; стены парадной и библиотечной лестниц окрасить клеевой краской трафаретом, самые же лестницы окрасить масляной краской, а перила парадной бронзировать, в ступенях лестниц сделать пропуски для вкладывания в них медной проволоки, удерживающей ковёр, для библиотечной лестницы проволока может быть поставлена железная, входящие в зал две печи делать изразцами; камин в двух столовых, бильярдной и угловой карточной поставить чугунные с обделкой также изразцами, в кухне устроить очаг с плитой, соответственно потребностям собрания, пирожным шкафом, котлом, кубом и колпаком над плитой с вытяжкой трубой сверх крыши. Также устроить вытяжные капалы по потолку комнат для вытягивания воздуха в зале, гостиной, обеих столовых, обеих карточных, бильярдной и музыкантской; над входными дверями в библиотеку со Штабной улицы и над дверью туда же со двора – устроить железные зонты. Пол в ватер-клозетах покрыть рольным свинцом; в комнатах, расположенных в верхнем этаже надворной части дома стены побелить, полы, окна и двери и ведущую в это помещение лестницу окрасить. Третье: В продолжении всего контрактного срока найма дома – страховка его и уплата городских и других налогов, а равно внешний ремонт дома и колодца, лежит на обязанности домовладельцев» [19]. Войсковое офицерское собрание заняло 2-й этаж, а на 1-м в разные годы размещались магазины И. Дагаева, С. Соколова, Петрова, Халатова и других. Там же, со стороны Штабной, хранилась археологическая коллекция и размещалась канцелярия Кубанского статистического Комитета [20].

Заранее были подготовлены списки офицерских чинов войскового сословия Кубанского казачьего войска для определения чис-

ла членов Кубанского войскового собрания. Согласно утверждённому Уставу, произошло чёткое разделение на действительных и временных членов собрания, а также его гостей. Действительные члены могли пользоваться всем, что было устроено в собрании, высказывать свое мнение об устройстве собрания и вводить туда свое семейство и знакомых. В отличие от действительных, временные члены собрания не участвовали в общих собраниях и не могли быть избираемы в члены распорядительного комитета или для заведования хозяйственными отделами собрания. Гостями собрания могли быть и военнотружущие, и гражданские лица. Время, проводимое гостями в стенах войскового собрания, и правила поведения были строго регламентированы: «Гости вводятся в собрание не иначе, как по рекомендации членов, которые не должны оставлять собрание, пока там находятся введённые ими лица. Члены собрания отвечают во всех отношениях за введённых ими гостей. Семейства членов собрания и их знакомых допускаются в собрание только в особо назначенные для того дни и часы. Все правила Кубанского войскового собрания в той же мере обязательны приглашённым, как и членам» [21].

Хозяйственной частью собрания заведовал распорядительный комитет. Первые выборы в него состоялись в день открытия Кубанского войскового собрания: «основным собранием действительных членов Кубанского войскового собрания, состоявшимся 15-го числа сего Октября, избраны и утверждены: членами распорядительного комитета: состоящий по Кубанскому казачьему войску, Полковник Степан Яковлевич Кухаренко, Помощник Начальника Войскового Штаба, Войсковой Старшина Василий Константинович Лысенко, Войсковой Старшина 1 Екатеринодарского конного полка Василий Андрианович Копанев, Смотритель Екатеринодарской войсковой больницы Войсковой Старшина Григорий Фёдорович Сотников (кандидатом), библиотекарем – старший учитель Кубанского Мариинского женского училища Статский Советник Иван Степанович Нордега и Заведывающим столовою (он же и хозяин) Помощник Старшего Адъютанта Войскового Штаба, Титулярный Советник Пантелеймон Семёнович Захарьин» [22].

Торжественное открытие Кубанского войскового собрания состоялось 15 октября 1889 года и было подробно описано в областной газете: «В 10 часов утра зал офицерского собрания стал наполняться проживающими в городе Екатеринодаре и прибывшими, нарочно для этой цели, из некоторых станиц Кубанской области генералами, штаб, обер-офицерами и чиновниками военного ведомства. По прибытии

Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Г.А. Леонова, его старшего и младшего помощников, Я.Д. Маламы и К.И. Аверина, совершено было молебствие с окроплением комнат святой водой. Затем Его Превосходительство Г.А. Леонов обратился к собравшимся с следующими словами: «Поздравляю вас, господа, с открытием офицерского собрания. Я счастлив, что давнишнее мое желание, явившееся во мне чуть-ли не с самого приезда на Кубань, наконец, осуществилось. Полагаю, что и вы не менее меня довольны совершившимся сегодня фактом. Но я буду просить вас, господа, и надеюсь, что, посещая собрание, где представляется для вас полная возможность следить постоянно за всеми усовершенствованиями военного дела и, в часы досуга, приятно проводить время вместе с своими семействами, вы, во всех своих действиях, неуклонно будете следовать правилам устава нашего военного офицерского собрания и всегда будете помнить, что в стенах его должно быть строго соблюдаема воинская дисциплина и полное уважение к старшим» [23]. В день открытия войскового собрания была получена поздравительная телеграмма от военного министра Генерал-Адъютанта П.С. Ванновского: «Поздравляю с открытием Кубанского войскового собрания, радуюсь возможности усилить сплоченность Кубанской казачьей семьи, желаю процветания» [24].

Таким образом, в последнее десятилетие XIX века в Екатеринодаре было открыто войсковое офицерское собрание. Для Кубанского войска это событие оказалось по-настоящему важным. Собрание использовалось не только для времяпрепровождения офицеров, но и играло заметную роль в культурной и общественной жизни войска. В стенах Войскового собрания организовывались военные чтения, беседы, заслушивались доклады, проводились военные игры и отмечались полковые праздники. Многие из значительных событий в личной жизни офицеров тоже происходили именно здесь. В собрании офицерами и их семьями устраивались танцевальные и музыкальные вечера, давались спектакли, проходили литературные чтения. Большинство из театральных или музыкальных представлений носило благотворительный характер. Отличительной особенностью появления такой новой традиции для Кубани стало то, что хронологически она совпала с началом распространения офицерских собраний в армии в целом. Таким образом, кубанским офицерам не надо было усваивать или перенимать уже сложившиеся традиции, а можно было полноправно участвовать в обсуждении

нового проекта, в процессе создания первых военных собраний, регулируя положения уставов в соответствии со спецификой региона и рядом местных традиций.

Примечания

1. Об устройстве военных собраний и общих офицерских столов // Военный сборник. 1871. №9. С.59.
2. Там же. С.58.
3. Там же. С.62.
4. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.411. Л.1.
5. Там же.
6. Там же. Л.13.
7. Там же.
8. Там же. Л.38.
9. Там же. Л.49.
10. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.4943. Л.23.
11. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.3006. Л.12.
12. Там же. Л.8.
13. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.4943. Л.43.
14. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.4943. Л.54.
15. *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005. С.161.
16. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.8190. Л.9.
17. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.4943. С.90.
18. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.411. Л.43.
19. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.4943. Л.104.
20. *Бардадым В.* Архитектура Екатеринодара. Краснодар, 2002. С.93.
21. Кубанские областные ведомости. 1889. №10. С.2.
22. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.5303. Л.73.
23. Кубанские областные ведомости. 1889. №42. С.1.

С.С. Васильев, В.А. Штурба

Культурно-этнографические особенности формирования образовательной модели для различных сословий кубанской земли на завершающем этапе Кавказской войны

Колонизация кубанских земель представляла собой очень сложную задачу не только военного подчинения, но и духовно-нравственного «окультуривания» горских племен и народностей, которые, несмотря на принятие ислама, по многим параметрам находились на уровне родового строя.

Развитие образования местного населения, таким образом, являлось ключевым моментом всей колониальной политики Российской империи в этом регионе. Традиционно, учитывая предыдущую практику российского государства по присоединению новых земель, модель образования и в этом случае должна была быть открытой, дающей равные возможности представителям местного населения и казакам-переселенцам. Именно этот принцип, в отличие от крайне неравноправной колониальной образовательной политики Великобритании и Франции, всегда был определяющим в России.

Если исходить из того, что Кавказская война полностью закончилась только в 1864 г., то с 1829 года предполагается рассмотрение процесса формирования этнически ориентированных образовательных моделей уже в другой период истории Кубани [1]. Однако здесь мы сталкиваемся с очередным историческим парадоксом, когда, несмотря на все сложности переживаемого времени, первые попытки формирования региональной культурно-этнической образовательной модели предпринимались российскими властями именно в эту драматическую пору.

Начальный этап в нелегком деле формирования горского образования под эгидой российского правительства приходится на 30-40 гг. XIX в. Именно в это время, судя по сохранившимся архивным документам, предпринимаются первые попытки правительства привлечь горцев к образованию через военно-учебные заведения [2].

Правительственными распоряжениями было «повелено определять ежегодно детей горских князей и первостепенных узденей в Первый, Второй, Павловский и Александровский кадетские корпуса, в каждый по шести и в Александровский – 12, а также почетных мусульман Кавказского края от 20 до 30 человек, независимо от тех почтеннейших, которые будут назначены в пажи и тех, которые находились в родстве с служащими кавказцами в Конвое Его Величества», о чем говорится в отношении временно командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерала Заводовского на имя командующего Черноморской кордонной линии от 30 сентября 1845 года. Согласно ему, отбор детей горцев для обучения в российских учебных заведениях осуществлялся по специальным правилам. Во-первых, они должны были быть не моложе шести и не старше 13 лет, а главное: «все они должны быть детьми князей, первостепенных узденей и почетных мусульман, кои пользуются между единоплеменниками особым уважением, доказали на опыте преданность нашему правительству». Во-вторых, предполагалось, что молодые горцы после окончания в Санкт-Петербургских военно-

учебных заведений будут «действовать на умы единоплеменников своих в видах нашего правительства» [3].

Мы видим, что в отличие от колониальной политики западных держав, строго отделявших местную знать от колонизаторов, в России применительно к горцам действовал общероссийский сословный принцип, предоставляющий привилегии, в частности, в сфере образования, для верхушки адыгского общества.

Так, в одном из документов, вышедших в штабе войск Кавказской линии и Черномории в октябре 1842 года, говорилось о том, что «шеф жандармов, командующий Императорскою главною квартирою, неоднократно просил господина командующего войсками Кавказской линии о присылке ежегодно горцев в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения непременно в летние месяцы, не позже 1 августа» [4].

Для горцев было также выделено десять мест в Уманском окружном училище. Однако адыги не до конца использовали предоставлявшиеся им возможности для получения бесплатного образования за счет российского казначейства. Как отмечал в своем рапорте от 9 октября 1851 года и.о. Наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал Г.А. Раппель командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Н.С. Заводовскому, «дети черкесских дворян приискиваются для помещения в пансионе с большой трудностью». Да и в Полтавском окружном училище, ближе всего расположенном от мест проживания адыгов вакансии были заполнены не полностью: в 1845 году училось шесть горцев, в 1857 году – только пять [5].

Сам Александр Николаевич, будущий Император Александр II, в своем отношении Наместнику Императора на Кавказе от 14 октября 1849 года указывал еще на одну причину неуспеха горского образования в российских вузах: отсутствие предварительной подготовки и главное, незнание русского языка [6].

Следует отметить, что в престижные кадетские корпуса адыги поступали без всякой предварительной подготовки и соответственного знания русского языка. Эффективность обучения была невелика, что в конечном итоге и вынуждено было признать военное начальство, в ведении которого эти училища находились. Анализируя сложившуюся ситуацию в этом деле, военный министр сообщал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом 7 мая 1853 года, что «благодетельная цель правительства образовывать горцев через воспитание в военно-учебных заведениях вполне не достигается для них» [7].

Дело в том, что большинство горцев не желали получать образование из рук своего военного противника. Характер образования был светский, многие ценности, которым учили следовать горских юношей в кадетских корпусах, кардинально расходились с тем, что они получили в ходе семейно-общинного воспитания на родине. Исламские традиции и обряды, которым молодого человека учили следовать с малых лет, не поощрялись в новой обстановке.

Как видим, почти десятилетняя практика наборов в военные училища детей адыгской знати дала мизерные результаты. Меры образовательного характера, предпринятые Черноморским правительством среди кубанских адыгов, не дали положительных результатов.

На следующем этапе правительство постаралось сделать выводы из допущенных ошибок. Был значительно перестроен подход к коренному населению, расширена сословная доступность образования. В общем, суть его можно выразить в том, что правительственные власти решили уменьшить число отправляемых горцев в корпуса и увеличить способы воспитания их ближе к местам непосредственного проживания.

В 1850 году уже среди самих горцев появился высокообразованный учитель черкесского языка (преподавал в течение десяти лет в Екатеринодарской гимназии) Ахмет Шаимов. А. Шаимов в свое время воспитывался в Египте, знал турецкий, арабский и черкесский языки» [8].

В целях реализации общероссийской образовательной программы в 1853 г. был утвержден новый проект Положения об учебной части в виде опыта на 4 года. В его указе Правительствующему Сенату была выражена Высочайшая воля: «Сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и, таким образом, постепенно вводить на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, какая существует в прочих частях государства» [9].

Таким образом, Положение 1853 года было согласованно в своем содержании с законами по учебной части, действовавшими во всей Империи. Однако, были допущены такие отступления, которые вызывались местными условиями и определялись временными потребностями. Одновременно с этим повышена была сумма, раньше определенная на учебную часть на Кавказе, до 220 тысяч в год, причем казенные начальные училища преобладали в Закавказском крае, а в Черноморской дирекции учебные заведения содержались на войсковые средства, и только на Екатеринодарскую гимназию выделялось 14000 рублей [10].

Указом Императора в Екатеринодарской войсковой гимназии третья часть учебных мест (а именно 25) отводилось для малолетних горцев, «оказавших способность в науках». Предписывалось не отделять горцев от русских «ни во время классов, ни вне оных». С марта 1857 года эта квота была увеличена еще на 10 мест. Положенные в Ставропольской гимназии 15 вакансий для почетных горцев были постоянно заняты и, кроме того, беспрестанно поступали просьбы от горцев о зачислении их детей в это учебное заведение. Впоследствии, с одобрения Николая I, число горских вакансий в Ставропольской гимназии было увеличено до 50 [11].

Дореволюционный историк И.Д. Попка по этому поводу писал: «В пансионах при гимназии и двух окружных училищах учреждены особые вакансии для детей мирных черкесских дворян. Мера благотворная и совпадающая с нравами закубанских горцев. У них дети людей, отличенных родом, воспитываются не там, где родились, но на стороне, в чужих семействах и как можно дальше от родительской нежности. Отец, когда бывает в том ауле, где воспитываются его дети, не войдет в дом их аталыка (воспитателя), если не захочет покрыть себя стыдом. Школьное сотоварищество казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс. Изучение этого языка для черноморских казаков, поставленных в самые близкие и разнородные сношения с горцами, совершенно необходимо» [12].

Как видим, руководство Кавказского учебного округа, и военная администрация края использовала самые разнообразные возможности для того, чтобы поставить обучение коренных жителей региона на прочную базу, ибо только составление учебных пособий на родном наречии могло сделать освоение программного материала школ и гимназии продуктивным.

Подобная образовательная политика, несомненно, было полезной и удобной с различных точек зрения. Родственники обучающихся в северокавказских учебных заведениях горцев имели больше возможности для их посещения и, следовательно, для необходимого контроля. Не последнюю роль играло также и то обстоятельство, что дети находились в привычном климате и уже в силу этого реже болели и меньше подвергались стрессам. Они пользовались правом за хорошие успехи бывать в каникулярное время дома. Обстоятельства эти, маловажные на первый взгляд, при длительном их сохранении, безусловно, приносили существенную пользу

в образовании и воспитании коренного населения Северного Кавказа. Как отмечают современники, дети горцев «всячески стараются не отставать в науках от товарищей, находясь же дома, подают хорошие примеры, приобретенные от наставников, своим сверстникам, и самими играми, позаимствованными ими от русских воспитанников, привлекают к себе малолетних горцев».

Следует заметить, что аманаты (заложники), которых горцы предоставляли российским властям в ходе Кавказской войны в знак выполнения взятых на себя договорных обязательств, не просто находились в плену, а получали образование в черноморских училищах за счет казны. Командовавший тогда Черноморской кордонной линией, а в последующем Наказной атаман Черноморского казачьего войска, писатель и историк, генерал-майор Я.Г. Кухаренко писал 6 февраля 1854 года начальнику г. Ейска полковнику И.В. Чередыеву следующее: «У нас находится 13 человек аманатов, взятых от горских племен в залог их верности Русскому престолу. Все они распущены по разным станицам у жителей Черномории и некоторые из них обучаются русской грамоте в окружных училищах. Им определено на довольствие и одевание каждому по 30 копеек серебром в сутки, что составляет одному в месяц 9 рублей, а на всех 13 человек 117 рублей серебром» [13].

В то время, когда Кавказская война на Востоке региона уже близилась к завершению и окончательному покорению местных племен и народов, Наместник Императора на Кавказе генерал-адъютант князь А.И. Барятинский вошел к Александру II с предложением учредить «для образования детей горских туземных племен Кавказа особые школы». Император, признавая полезным и необходимым учреждение таких школ, согласился с введением, «в виде опыта, на четыре года», как это было в случае с общероссийской образовательной программой в 1853 году таких школ. Он одобрил составленные и рассмотренные Кавказским комитетом проект устава и штата горских школ, «предоставив Наместнику Кавказскому и главнокомандующему Кавказской армией в течение означенного срока делать в сим уставе и штате все те изменения и дополнения, кои он признает нужными и полезными» [14].

Устав о горских школах был высочайше утвержден 20 октября 1859 года, когда военная драма на Востоке уже закончилась в пользу России, а на Северо-Западе предстояли еще более чем четырехлетние боевые действия. Согласно этому документу, по праву, одному из важнейших в деле формирования кавказской национально-этнической

образовательной модели, предполагалось введение уездных и первоначальных училищ. Окружные школы «на первый раз» учреждались в следующих местах: во Владикавказе, в Нальчике и Темир-Хан-Шуре, а начальные: в Усть-Лабе, Грозном и Сухум-Кале [15].

Открывающиеся школы находились в своеобразном двойном подчинении: гражданского директора училища и местного начальника военного округа (в хозяйственном отношении). Последний пользовался правами и преимуществами почетных попечителей, но без необходимости подчиняться попечителю Кавказского учебного округа.

Окружные школы состояли из четырех классов, в числе которых был приготовительный. Управлялись они на общем основании, как и прочие подведомственные Кавказскому учебному округу уездные и окружные училища, штатными смотрителями. Кроме штатного смотрителя при каждой из вышеназванных школ имелся законоучитель православного исповедания и мусульманского закона, три учителя наук и один учитель приготовительного класса.

Параграф шестой второй главы Устава подчеркивал, что горские окружные школы «хотя и открываются преимущественно для туземцев и детей русских военных и гражданских чиновников, но в них могут обучаться мальчики из всех других свободных сословий без различия вероисповедания». Другими словами, горские школы не были изначально закрытыми учебными заведениями. Единственным ограничителем для поступления в них являлось отсутствие свободы, что означало запрет приема в них российских крепостных крестьян. Но этому ограничению оставалось совсем недолго «жить»: в феврале 1861 года, после отмены крепостного права в России, и это ограничение было снято, тем более что на Кубани не было крепостного населения [16].

В начальных школах преподавали Закон Божий (для православных) и мусульманский закон для лиц, исповедующих эту религию; русский язык, чтение с объяснениями читаемого, письмо под диктовку, понятия о составе речи; «счисление» и первую часть арифметики; понятия о земле и самый краткий очерк русской географии; чистописание.

Плата за обучение в этих школах составляла три рубля в год с освобождением от нее бедных учеников на тех же основаниях, что в окружных школах. Учащиеся, окончившие начальные школы с хорошими оценками, принимались без всяких экзаменов во вторые классы уездных училищ и гимназий Кавказского учебного округа.

Курс в окружных школах полагался годичный для каждого класса, исключая приготовительный, в котором дети, в зависимости от их учебных успехов, могли пребывать более двух лет. Учебный год начинался с 15 августа и заканчивался 1 июля. За обучение в этих школах полагалась плата в размере 5 рублей в год с каждого приходящего ученика. Дети малосостоятельных родителей, поступающие в обучение по представлению педагогического совета школы, утвержденного местным военным начальством, освобождались от платы [17].

Окончившие окружные горские школы ученики пользовались теми же правами, что и выпускники уездных училищ Кавказского учебного округа. Завершившие курс обучения с хорошими оценками принимались в 4-е классы гимназий этого учебного округа без экзаменов.

При горских школах, учреждались пансионы. Зачисление горцев на казеннокоштные вакансии производилось главным военным командованием края: русские же зачислялись Наместником Императора на Кавказе по представлению начальника края.

Из числа воспитанников постоянно содержались на счет казны в пансионатах: Владикавказском – 80 (из которых 50 горцев) «из лучших и знатнейших фамилий» Военно-Осетинского округа и 30 детей русских военных и гражданских чиновников; в Нальчикском – 25 (в том числе 10 кабардинских князей и узденей); в Темир-Хан-Шуриной, Грозненской и Усть-Лабинской школах – по 40, из которых в последней школе было 25 представителей из закубанских племен и 15 – русских чиновников. Остальные вакансии заполнялись пансионерами за счет общественных сумм, а также средств, находившихся в распоряжении Наместника Кавказа со своекоштными учащимися. Годовая плата за одного воспитанника была определена в сумме 80 рублей серебром [18].

Воспитанники пансионов по окончании обучения в таких школах возвращались к родителям, а «оказавшие же отличные успехи» горцы могли поступать на казенный счет в гимназии по представлению главного военного начальника края, но с разрешения главнокомандующего Кавказской армией.

Также в Уставе оговаривался возраст для поступления на казеннокоштные вакансии. Принимались мальчики не моложе девяти и не старше 15 лет, а именно: в приготовительные классы дети могли поступать до 13 лет, и 1-й класс окружных школ до 14 лет, во второй до пятнадцати лет (дети старшего возраста в пансионы на казенный счет не принимались) [19].

Подводя итог описанию региональной системы образования на Кавказе в начале – середине XIX в., нельзя не отметить выдающихся выпускников Ставропольской и Кубанской гимназий из числа горского населения.

В марте 1861 года известный впоследствии адыгский писатель-просветитель С. Крым-Гирей Инатов окончил пансион для детей горцев при Кубанской войсковой гимназии, где изучал латынь, французский, немецкий и русский языки, физику и другие предметы, и был зачислен по направлению Главного управления учебных заведений на Кавказе в Петербургский университет по «математическому разряду».

Выпускником Ставропольской гимназии являлся Адиль-Гирей Кешев, в которой он неоднократно побеждал на литературных конкурсах. На родине Адиль-Гирей Кешев несколько лет проработал преподавателем в Ставропольской гимназии, а затем – главным редактором газеты «Терские областные ведомости».

Выдающийся адыгский просветитель Умар Хапхалович Берсей после окончания службы в российской армии, в которой находился переводчиком азиатских языков при начальнике правого фланга войск Кавказской линии, преподавал в Ставропольской гимназии черкесский язык. В 1862 году совместно с видным кавказоведом П. Усларом он разработал на русской графической основе азбуку кабардинского языка, которой пользовался в своей работе просветитель адыгов Казн Атажукин.

Из других адыгских просветителей следует отметить Султана Казы-Гирея, получившего начальное образование в аманатской школе; Султана Хан-Гирея, успешно закончившего один из Петербургских кадетских корпусов.

Важно признать, что помимо завоевательной политики, российские власти проявляли реальную заботу и гуманность в деле установления гражданской культуры в среде новых подданных Российской империи.

Военные события Кавказской кампании в этот период серьезно повлияли на вопросы, связанные со становлением системы образования в регионе. На первых порах к делу народного образования привлекалось ограниченное число горских народов, принявших присягу на подданство Российскому государству. На этом этапе был использован способ привлечения к обучению горцев через военно-учебные заведения, но он полностью не оправдал себя: долгий отрыв от своих семейств, проживание в непривычном климате, слабое

знание, а порой и незнание русского языка создавали большие трудности в обучении, и оно было мало эффективным.

Затем был использован метод привлечения горцев к обучению на месте через окружные училища и две гимназии (Ставропольскую и Черноморскую), в которых для местных жителей Северного Кавказа выделялись специальные вакансии за счет средств государственного казначейства. Этот путь оказалось более продуктивным, но не настолько, как рассчитывало правительство. В 1859 году на завершающем этапе Кавказской войны российское правительство решило перейти к определенной системе в организации национального (горского) образования.

Что касается образования представителей других, в частности, европейских наций, то о них вопрос тогда еще не стоял. Черноморское казачье войско являлось в дореформенный период закрытым регионом. Проживать на его территории могли только казаки, несшие пограничную службу. Изменения в этом произошли лишь после отмены крепостного права и окончания Кавказской войны.

В целом же, можно с достаточной уверенностью сказать, что процесс подчинения системы образования государственным интересам, начавшийся в России в XVIII в. был достаточно успешно реализован в первой половине XIX в. по всей стране. Развитая государственная система образования наглядно продемонстрировала свои преимущества в процессе присоединения к Российской империи новых территорий Кавказа, их освоения и постижения новыми подданными гражданской культуры единого многонационального государства.

Примечания

1. *Аутлев П.У.* Адыгя в хронике событий. Майкоп, 1991г.
2. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 2040.
3. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 2044.
4. ГАКК. Ф.252. Оп.2. Д.439.
5. РГИА. Ф.733. Оп.165. Д.615. Л.56-57.
6. РГИА. Ф.733. Оп.165. Д.475. Л.45-46.
7. ПСЗ. Собр.2, Т.28. СПб., 1854. ст. 27428.
8. *Аутлев П.У.* Указ. соч.
9. ПСЗ. Собр.2, Т.29. СПб., 1858. ст. 28228.
10. ПСЗ. Собр.2, Т.29. СПб., 1855. ст. 28277.
11. Там же.
12. *Попка И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 207

13. Там же.
14. ПСЗ. Собр.2, Т.30. СПб., 1860. ст. 34654.
15. Там же.
16. Там же.
17. Попка И.Д. Указ. соч.
18. ПСЗ. Собр.2, Т.30. СПб., 1860. ст. 34558.
19. ПСЗ. Собр.2, Т.30. СПб., 1860. ст. 34613.

Сведения об авторах

1. **Абдулаева Мадина Изамудиновна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук

2. **Бабич Александр Владимирович**, главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края»

3. **Вартаньян Эгнара Гайковна**, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета

4. **Василенко Виктория Густавовна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры биологии, медицинской подготовки и безопасности жизнедеятельности Армавирского государственного педагогического университета

5. **Васильев Сергей Сергеевич**, кандидат исторических наук, профессор Кубанской многопрофильной академии повышения квалификации и переподготовки специалистов

6. **Васильев Игорь Юрьевич**, научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»

7. **Виноградов Борис Витальевич**, доктор исторических наук, профессор, академик МАН, заведующий кафедрой всеобщей истории Славянского-на-Кубани государственного педагогического института

8. **Гайворонская Александра Владимировна**, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

9. **Далгат Эльмира Муртазалиевна**, доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук

10. **Иноземцева Елена Ивановна**, кандидат исторических наук, сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук

11. **Казаков Аслан Владимирович**, кандидат исторических наук, подполковник

12. *Кидирниязов Даниял Саидахмедович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук

13. *Клычников Юрий Юрьевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Пятигорского государственного лингвистического университета

14. *Лучинский Юрий Викторович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и коммуникативистики Кубанского государственного университета

15. *Марзоев Ислам-Бек Темурканович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской Академии наук и правительства Республики Северная Осетия-Алания

16. *Матвеев Олег Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»

17. *Ратушняк Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

18. *Шкуро Владимир Ильич*, главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края», историограф Дворянского Собрания Кубани

19. *Штурба Виктор Александрович*, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета

Содержание

Раздел I.

Представители Династии Романовых в истории и культуре Северного Кавказа

Иноземцева Е.И. Кавказское направление во внешней торгово-экономической политике Петра I 3

Виноградов Б.В. К оценке «федеративного проекта» Императора Павла I в контексте специфики российской политики на Кавказе. 11

Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ в царствование Императора Николая I (военно-политический аспект) 16

Матвеев О.В. «Почитаю себя счастливым, что поставлен во главе Кавказской армии...»: Великий князь Михаил Николаевич на завершающем этапе Кавказской войны 28

Далгат Э.М. Политика Российских Государей в Дагестане во второй половине XIX в. 40

Ратушняк В.Н. Визиты Российских Императоров на Кубань 47

Казаков А.В. Династия Романовых и адыги (черкесы) в Первой Мировой войне 52

Бабич А.В. О наводнении в станице Бакинской Псекупского полка Кубанской области в 1866 году и о пожертвовании Императрицей Марией Александровной иконы двенадцати великих праздников жителям станицы в 1868 году 71

Абдулаева М.И. Кавказское направление геополитики России. 83

Вартаньян Э.Г. Александр Сергеевич Грибоедов и политика царского правительства на Востоке 88

Раздел II.

Народы Северного Кавказа в служении Императорскому престолу

Кидирниязов Д.С. Политические деятели ногайцев и их роль в истории России XVI – начало XXI в. 99

<i>Шкуро В.И.</i> 1-й Кубанский Его Императорского Величества Государя Николая II пластунский батальон	105
<i>Марзоев И.Т.</i> Осетинская аристократия на службе Российской Империи в XVIII-XIX вв.	120
<i>Василенко В.Г.</i> Династия лейб-медиков Боткиных на службе Отечеству	130

Раздел III.

Атрибуты и символы служения, система ценностей, культурное наследие дворянского сословия

<i>Лучинский Ю.В.</i> Князь М.С.Воронцов и его роль в формировании системы периодической печати на Кавказе	138
<i>Васильев И.Ю.</i> Монархизм в системе ценностей кубанского казачества	146
<i>Гайворонская А.В.</i> Открытие Кубанского Войскового Собрания в Екатеринодаре	151
<i>Васильев С.С., Штурба В.А.</i> Культурно-этнографические особенности формирования образовательной модели для различных сословий кубанской земли на завершающем этапе Кавказской войны	163
<i>Сведения об авторах</i>	173

ПЛД № 47-52
Отпечатано в типографии
ГУК КК «Кубанькино»
350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89.
Сдано в набор 22.09.08
Подписано в печать 1.10.08
Усл. печ. л. 11,3
Тираж 200 экз. Заказ № 15/2008